

A woman with dark hair in a bun, wearing a white fur coat and black gloves, holds a sword with a red hilt. She is standing in a snowy, blue-tinted landscape. A quiver of arrows with red fletching is on her back. The scene is set in a snowy, blue-tinted landscape with a wooden fence in the background.

— КЛИНКИ ПАВШИХ —

ЧЕСТЬ
КЛИНКА НОЧИ

РАЙАН КИРК

vk.com/kurotranslations

Клинки ночи должны выбрать сторону, и Королевство или поднимется снова... или разобьется на кусочки.

Мир на грани войны, и когда-то уважаемые клинки стали легкой целью для гнева жителей. Аса закончила с мстью, но теперь оказывается в бегах от людей, которых пыталась защитить. Пока Аса ищет новый путь в бушующем мире, она сталкивается с юной аристократкой.

Мари знает, что в хаосе можно ухватиться за шанс. Если Королевство поднимется снова, Мари понадобится поддержка, и она не видит варианта лучше клинков ночи. Но клинков ночи уже предавали, добиться их доверия будет непросто.

Мари хочет спасти Королевство. Аса хочет спасти народ. Обе готовы рискнуть всем. Но делает их это союзниками... или врагами?

Перевод: Kuromiya Ren

Глава 1

Меч Коджи опустился, песня была четкой в холодном утреннем воздухе. Взмах был близким к идеалу, мелодия стала не выражала нерешительность, мучающую его.

Что значило быть благородным в мире, который, казалось, так мало заботился о чести?

Простой вопрос, но с ним Коджи боролся от восхода до заката.

Его лезвие полетело в сторону, он выполнил крутой поворот на четверть, его воображение создавало врагов и их атаки.

Те, кто был знаком с Коджи, часто сначала полагал, что его мысли приходили медленно. Он слышал шепот, видел сочувствие в их глазах, даже если никто не осмеливался выразить чувства ему в лицо.

Он был тяжеловесным мыслителем — это было правдой, — но не глупцом. Он работал над проблемами, шаг за шагом, проверяя, чтобы каждый шаг был идеальным, прежде чем двигаться дальше, точно так же, как каменщики следили за тем, чтобы каждый камень идеально подходил к соседям, прежде чем строить выше. Его господин, Минори, был совершенно противоположным, его разум прыгал вперед и устанавливал связи намного раньше других.

Коджи не торопился, решая проблемы. Как только люди узнавали его достаточно хорошо, они видели процесс своими глазами и давали ему необходимое время.

Однако с мечом в руке он был другим человеком. Он понимал, как нужно сражаться. Он был наделен чувством, мог ощущать приближающийся удар за мгновение до того, как он произойдет, но его навыки были глубже, чем это, интуиция к бою, которую не разделяли даже другие клинки ночи. Коджи не проигрывал в дуэлях много лет.

Иногда он пытался прояснить мышление, тренируясь с мечом. Он брал проблему, вроде проблемы чести в бесчестном мире, и держал ее в уме, когда начал тренироваться. Иногда метод срабатывал, и когда его утренняя рутина была завершена, у него в голове был ответ. В других случаях метод не работал, но Коджи научился терпению, необходимому навыку для человека, который часто считался медленным.

Коджи разбил лагерь в небольшой рощице в нескольких лигах от убежищ, которые были созданы для жителей, спасающихся бегством из Убежища. Хотя было рано, деревья уже меняли цвет, и тонкий слой снега покрыл участки травы. Хотя ему хотелось подойти к

убежищам, мудрость подсказывала, что стоило оставаться самому по себе. Обвиненные в сожжении Убежища и покушении на убийство короля Шина, и воины-клинки ночи, и целители-клинки дня страдали бродячих групп граждан и солдат.

Поэтому он практиковался на поляне в роще, в значительной степени скрытой от остального мира, пытаясь решить проблемы, с которыми столкнулся.

Больше всего он был сосредоточен на проблеме своего господина, Минори.

Был ли Минори все еще его господином?

Этот вопрос был первым, на что нужно было ответить Коджи, и пока его клинок рассекал утренний воздух, его разум работал над решением.

Минори предлагал освободить Коджи от его службы, но Коджи так и не дал официального ответа. Вместо этого он продолжил служить Минори, сжег королевский дворец и убил лорда Джуро.

Направив меч вверх, Коджи понял, что задал неправильный вопрос. Не имело значения, был ли Минори его хозяином. Что имело значение, так это то, что Коджи был обязан старшему клинку жизнью. Коджи должны были казнить, когда Минори вырвал его из тюрьмы. Господин или нет, Коджи не верил, что он выплатил долг.

Один кусочек встал на место. Его тело стало согреваться от тренировки, дыхание было заметным в свете солнца.

Коджи был в одежде простолюдина, когда смотрел на суд Минори. Старый клинок ночи был сильно ранен, едва ходил без помощи, и против него выдвинули список обвинений: поджег замка, пожар в Убежище, покушение на короля Шина. Пожалуй, самым серьезным было обвинение в организации переворота с целью свержения законного правительства Королевства и замены его правительством, возглавляемым клинками.

Суд проводился на открытом воздухе в большой впадине, земля провалилась, будто дно пропало, менее чем в лиге от руин Убежища. Природный амфитеатр вместил тысячи людей, что идеально соответствовало планам короля Шина. Многие из лишенных статуса и бездомных пришли на суд и проявили свой гнев.

С точки зрения Коджи, суд представлял собой заворачивающую смесь правды и лжи. Как ближайший помощник Минори, Коджи, возможно, лучше других, знал, что на самом деле произошло. Некоторые обвинения были правдой. Минори сжег дворец, но по приказу Шина. Эта деталь не имела значения, и Коджи часто задавался вопросом, почему Минори не протестовал более решительно против лжи, сказанной о нем.

Коджи не был уверен в сожжении Убежища. Когда это произошло, он находился за пределами города, но действия не походили на Минори. Коджи не сомневался, что его хозяин пытался убить короля. Минори служил Шину, когда политик был еще лордом, но была предан, когда лорд стал королем. Месть была разумным ответом.

Однако суть проблемы заключалась в предполагаемом перевороте. Коджи знал, что Минори работал над усилением клинков. Он признался в этом Коджи. Но попытки переворота не было. Если бы это было так, Коджи узнал бы об этом одним из первых.

Минори приговорили к смертной казни, казнь была назначена на следующее утро. Никто на улицах и в палаточном городке не сомневался в вердикте. Только способ наказания оставался открытым для предположений, и, проходя сквозь толпы людей, собравшихся на суд, Коджи слышал, как порядочные граждане обсуждали наказания, настолько отвратительные, что его мучило.

Если Коджи все еще был должен Минори, следующий вопрос заключался в том, как

вернуть долг. Две обязанности противоречили друг другу. Коджи опустил меч, пытаясь найти способ распутать проблему. Он был клинком ночи, поклявшимся защищать Королевство, даже если Королевство не нуждалось в его защите. Шин был королем, и слушиваться короля было бесчестно и, следовательно, отвратительно для Коджи.

Но именно этим Коджи был обязан Минори. Он был приговорен к смерти прошлым королем, и Минори спас его. Честь Коджи не имела для него большого значения, когда его несправедливо обвинили, как сейчас Минори.

Коджи кружился на мелком слое снега, покрывавшем землю, остатке метели ранней осени. Сделав последний удар, он вложил меч в ножны, пот струился по его лицу. Честь человеку, спасшему его жизнь, или честь Королевству?

В его голове кружилась мысль. Насколько ему было известно, Минори никогда ему не лгал. Пожилой мужчина определенно скрывал информацию, но Коджи не мог вспомнить ни одного обмана.

Шин лгал, как и Королевство. Минори не совершал переворота. Возможно, клинок был виновен в каких-то преступлениях, но лжецы не могли нести справедливость.

Следующий шаг в рассуждениях встал на место. Честь должна принадлежать тому, кто поступает честно, и Минори явно превосходил.

Коджи проверил свой вывод. Он был должен Минори, и честь Минори была менее запятнана, чем честь Шина и Королевства. Цепочка мыслей была короткой, но прочной, каждое звено было приемлемо для Коджи.

Его решение было ясным. Он спасет жизнь Минори любой ценой.

Спасение Минори оказалось затеей сложнее, чем Коджи ожидал. Юный клинок знал, что нужно было найти и спасти господина до утра. Задание казалось невозможным. Место заключения Минори было тайной, которую охраняли лучше всего в Королевстве, и каждый метод Коджи, чтобы определить это место, вызывал пустые взгляды и вел в тупики.

Коджи выпил с группой отдыхающих солдат, но даже с расслабленными алкоголем языками они не сказали ничего о клинке ночи. Он подошел так близко к баракам, как только осмелился. Но он не ощущал клинков неподалеку. Когда солнце стало садиться, Коджи отчаялся найти своего хозяина.

А потом он понял, что ему не нужно было искать. Он знал, где пройдет казнь утром. Они построили платформу для этого на середине пути между лагерем армии Шина и лагерем беженцев, в двух лигах от дымящихся останков Убежища. Место было идеальным, земля была ровной прерией на сотни шагов во все стороны, ни одно дерево не мешало видеть. Шин хотел превратить казнь в спектакль.

Коджи мог прийти рано и позволить солдатам привести к нему Минори. Побег будет трудным, но он уже признал, что его миссия будет почти невыполнимой. Его попытка заключалась не столько в успехе, сколько в удовлетворении чести. Он не мог придумать причину, по которой спасение должно было произойти именно сейчас. Завтра тоже подходило.

Коджи удалился, чтобы отдохнуть перед предстоящим трудным днем.

Он встал раньше солнца и продолжил свою тренировку, меч был едва виден в мягком сиянии луны. Коджи скорее чувствовал, чем видел качество своих движений. Он не мог быть готов еще лучше. Чтобы остаться незамеченным, он привязал меч к спине и накрылся лохмотьями бедняка. Он освободил разум от мыслей и направился к месту казни.

Коджи был удивлен, обнаружив, что он пришел не одним из первых. Казнь Минори была на рассвете, и хотя только первые проблески восхода солнца освещали происходящее, уже собралась значительная толпа. Кольцо солдат поддерживало периметр вокруг платформы, где должна была произойти казнь.

Люди бродили вокруг, и Коджи чувствовал закипающую ярость, едва сдерживаемую даже в мирной тишине раннего утра. Он пытался понять их точку зрения. Многие потеряли все из-за пожаров. Минори из-за манипуляций Шина стал мишенью этого гнева. Коджи слышал отрывки разговоров, когда подошел ближе к платформе:

— ... убить всех клинков ночи в городе...

— Любая смерть слишком добра для такого злого человека...

— ...слышал, что Шин победил его в бою...

Коджи погрузился в разговоры, позволяя себе чувствовать настроение толпы, не позволяя комментариям влиять на него. Его цель была ясна, разговоры лишь пустой шум.

Его отвлек запах собравшихся. Прошло несколько дней с тех пор, как сторело Убежище, а вода была дефицитом. Никто не тратил ее на купание. Небольшими группами запах утихал в холодном осеннем воздухе, но когда все теплые тела были прижаты друг к другу, вонь невымытой плоти была невыносимой.

Запах исходил не только от тел. Он увидел, что несколько человек пришли подготовленными к сегодняшнему дню. Некоторые несли навоз, другие гнилую пищу, а некоторые держали в руках камни. Многие, казалось, были готовы причинить Минори дополнительные страдания, если представится возможность. Коджи нахмурился. Минори был далек от совершенства, но он не заслуживал того уровня ненависти, который на него обрушился.

Со временем Коджи пробрался вплотную к толпе, его остановила шеренга стражников. Он мгновенно оценил их. Их темно-красная форма указывала на то, что они были членами армии Шина, но Коджи не видел никакой индивидуальной угрозы. Опасность возникнет только тогда, когда они нападут на него.

Вскоре Коджи впервые увидел своего хозяина, и его планы, какими бы простыми они ни были, были разбиты. Из краев толпы раздались резкие веселые вопли, рев, полный гнева и потери. Только Минори заслуживал такого приветствия. Но веселые вопли? На невысказанный вопрос Коджи был дан ответ, когда в поле зрения появился его хозяин, уже пригвожденный к столбу, его несли не слишком осторожно восемь стражников.

Коджи мгновенно узнал их, его инстинкты подтвердили копыта, привязанные к их спинам. Минори нес отряд охотников за клинками ночи, который первым его схватил.

План Коджи изначально заключался в том, чтобы убить стражей до того, как они начнут казнь, а затем попытаться сбежать. Этот план уже не был осуществим. Минори уже был живым мертвецом. Даже если младший клинок убьет стражников, они никогда не смогут сбежать. Минори не мог бежать, а Коджи не мог нести его достаточно быстро. Добавьте к этому отряд людей, специально обученных убивать клинков, и его миссия стала еще более самоубийственной, чем раньше.

В толпе раздался еще один возглас приветствия, столь же отличный от первого, как ночь от дня. Это было приветствие спасителя. Через несколько мгновений Коджи увидел, что крик был адресован Шину, новому королю.

Рука Коджи сразу же легла на меч. Больше, чем кто-либо из присутствующих, Шин был виновен в боли и страданиях, которые испытал народ. Он приказал сжечь дворец, и Коджи

подозревал, что это он приказал сжечь Убежище. Если бы кто-то знал, что Минори не виноват, мало кто из вероятных кандидатов выдал бы себя. Шин заслужил судьбу Минори гораздо больше, чем Минори.

Коджи услышал вопль агонии из горла, которое знало только крики уже несколько дней. Коджи снова посмотрел на Минори. Боль длилась пару ударов сердца и умерла с низким протяжным хрипом. Столб вонзили в дыру в платформе для него, и Минори теперь висел вертикально на деревянном строении. Коджи хотел отвернуться, но заставил себя смотреть. Минори заслужил, чтобы хоть кто-то смотрел на его страдания с жалостью.

Коджи еще не видел казнь. Наказание назначалось редко, было только для преступников, для которых труд или заключение считалось слабым наказанием. Он был бы рад никогда такое не видеть.

Шин поднялся на платформу, и толпа притихла, слушала их короля, который держал их надежды в руке.

— Друзья. Сегодня мы делаем первый шаг на пути к справедливости, которой требует Королевство. Слишком долго мы жили в страхе перед клинками. Возможно, когда-то они были нашими защитниками, но теперь они стремятся управлять нами. Сегодня я отдал приказ всем клинкам сдаться местным властям. Если они этого не сделают, они будут немедленно казнены за измену!

Толпа снова закричала, но Коджи уже терял интерес к речи. Шин продолжил, и Коджи наблюдал, как толпа с волнением отзывалась на каждое его слово.

Все было не так. Минори не заслужил страданий, прожигавших его тело, пока Коджи обдумывал свои действия. Еще хуже был Шин, купался во внимании толпы всего в нескольких шагах от него.

Что-то внутри Коджи сломалось. Часть, ответственная за самосохранение, умолкла, и решимость Коджи исправить все ошибки, которые он видел, взяла верх. Он осмотрел сцену перед собой новыми глазами.

Многих солдат он мог спокойно игнорировать. Один на один у них не было шансов против него, и он не мог оставаться на месте достаточно долго, чтобы кто-либо из них собрался и представил угрозу. Истинной угрозой были восемь стражей, которые несли Минори. Теперь они окружили Шина, защищая своего сюзерена и обрекая любого, кто попадет в их круг. Но Коджи увидел слабость в их позициях, потому что они были слишком тонко рассредоточены по платформе.

Коджи больше не думал о своих действиях. Его курс не был рациональным, но он был правильным, и это имело для него гораздо большее значение. Он двинулся вперед, все его чувства ожили, когда он прыгнул к стражникам на передовой.

К их чести, солдаты отреагировали быстро, заметив его, когда он подошел. Их быстрая реакция не имела значения. Меч Коджи выскочил из ножен, пронзил двух ближайших охранников молниеносными ударами. Он прошел по периметру.

Действия Коджи вызвали пожар хаоса. Чувство юноши, открытое миру, все замечало. Он чувствовал, как внимание Минори сосредоточено на нем, он отвлекался от неумолимой боли. Он чувствовал, как Шин начал искать выход. Стражи вокруг Коджи отреагировали, каждый по-своему. Некоторые обнажили мечи, агрессия была ясна в их намерениях. Другие колебались, не понимая, почему им вдруг нужно было не просто сдерживать толпу.

За Коджи рябь прошла по собравшимся. Они пришли на казнь, не на бой. Те, кто оказался близко к клинку, отпрянули, искали безопасное расстояние. Те, кто был вдали,

подняли руки, готовые бросать камни и защищать короля.

Нужно было действовать быстро. Хаос вот-вот обрушится на него. Его первой проблемой были восемь копий перед ним. Если он даст им шанс работать вместе, шансов выжить почти не останется.

Четыре копия были впереди платформы, по два по бокам. Они не сторожили заднюю часть строения, но Коджи и не думал обходить.

Острия копий опустились в попытке заблокировать Коджи, но у него все еще оставалось место для движения. Он чувствовал, где будет каждое из копий, и точно знал, где будет открытое пространство. Он шагнул в пространство в тот самый момент, когда открылся проход. Его клинок вспыхнул в лучах утреннего солнца, и два из восьми копий были побеждены.

Впервые он заметил прямую линию между собой и Шином. Король тоже увидел открытую дорогу и попятился к Минори.

Остальные копия с передней части платформы ударили по Коджи. Он отражал их удары, решая, отвечать им или преследовать Шина.

Инстинкт велел ему устранить больше стражей, прежде чем приближаться к узурпатору. Шесть, работающие в тандеме, все еще могли поймать его.

Коджи отбил вялый удар и рванул вперед. Два копия отступали, удерживая его подальше от себя более длинным оружием. На мгновение Коджи подумал об Асе и пожалел, что не владел ее навыками метания клинков.

У него не было времени на затяжную борьбу. Каждый удар сердца давал его врагам возможность собраться, шанс одолеть его. Этого не могло случиться.

Пока он не убил Шина.

Коджи снова сделал выпад, но когда копия поднялись в обороне, клинок пригнулся. Он толкнул копия боковой стороной своего меча. Он подобрался близко, там ему и нужно было оказаться. Смертельные удары потребовали бы слишком много времени, но он порезал их ноги, искалечив их.

Все сводилось ко времени, единственному ресурсу, который у него быстро заканчивался. Копья по обе стороны платформы двигались вперед, но Коджи знал, что если он их атакует, ему не сбежать живым. Хватит и то, что он убрал четверых. Он повернулся и поднялся на платформу.

Время замедлилось. Коджи видел и ощущал все. Шин не мог уйти. Он знал правду, и страх на его лице был абсолютным, черты исказились. Коджи наслаждался страхом, задержал меч на миг, чтобы дать Шину еще пару ударов сердца в чистом ужасе.

Стражи Шина по бокам пытались реагировать. Если бы Коджи дал им больше времени, они смогли бы проявить себя. Один страж отчаянно хотел оттянуть неминуемое, отвел руку, чтобы бросить копьё. Коджи ощутил движение и отпрянул на шаг, копьё безвредно пролетело перед ним.

Этот шаг дал Шину время, чтобы выдать связное предложение:

— Если сделаешь это, Королевство сгорит!

Коджи взглянул в сторону Убежища, когда-то огромный город стал опустевшими руинами, дым поднимался в осенний воздух. Осталась только каменная стена города. Он посмотрел в испуганные глаза Шина холодно и безжалостно, такой была и сталь в его руках.

— Ты начал пожар.

Лицо Шина снова исказилось, и Коджи задержал меч, чтобы король понял, что у него

не было надежды выжить в этой встрече. Когда он увидел, что Шин осознал это, меч быстро проехал по открытой шее, рисуя толстую красную линию.

Шин рухнул, но Коджи еще ощущал жизнь внутри короля. Рана была смертельной, но не убила сразу. Он позволил королю мучиться еще пару мгновений, перешагнул мужчину и встал перед своим хозяином.

Действия Коджи дали ему пару мгновений смятения. Стражи были ошеломлены, не знали, как реагировать на смерть их короля. Клинок ночи знал, что не мог медлить.

Глаза Минори сияли от радости, несмотря на его боль. Коджи уже знал ответ, но смотрел на хозяина, пытаясь понять, был ли шанс на побег со стариком.

Не было. Минори ужасно пострадал физически, и сбежать можно было, только выдрать гвозди и неся клинка. Вероятность выжить для воина была нулевой, и Коджи видел, что и Минори знал правду.

Минори посмотрел на юношу, которого он когда-то спас из тюрьмы.

— Убей меня. Сейчас.

Коджи медлил миг. Он мог дать Минори смерть воина, достойную для мужчины. Так он и сделает.

— У вас есть последние слова?

В голосе Минори не было колебаний, и хоть ему было физически очень больно, его голос был сильным и четким:

— Защищай клинков. Защищай Королевство.

Коджи кивнул и поднял меч. Удар был под неудобным углом, и он хотел попасть по цели.

— И, Коджи, — прохрипел Минори.

— Да?

— Спасибо.

Коджи поклонился Минори с уважением. Он поклонился бы ниже, но стражи поднимались на платформу, время было на исходе. Коджи видел выход. Он сразится, конечно, но сможет сбежать.

Коджи и Минори в последний раз посмотрели в глаза друг друга, а потом Минори поднял голову, посмотрел на небо, открывая шею. Коджи глубоко вдохнул и взмахнул мечом.

Его удар был идеальным.

Глава 2

Аса осталась у развалин Убежища для суда Минори. После сожжения тел Киоши и настоящего короля, Масаки, Аса планировала бродить по Королевству. Но она ощущала, что суд закроет книгу обо всем произошедшем за последние несколько месяцев.

Этого она хотела: оставить прошлое позади, начать заново, словно на горизонте еще была целая жизнь.

Но она слушала обвинения Минори, и мрачные воспоминания крутились в голове. Она не могла забыть клинка, который пришел в их дом и сообщил ее семье об убийстве ее отца, и как она годами училась и искала убийцу, загадочного клинка ночи Осаму.

Больше тех воспоминаний она хотела забыть боль предательства, когда она узнала, что Осаму был Киоши. Советник короля Масаки и друг, сильный клинок дня.

Она нашла его в долинах в паре дюжин лиг от места, где теперь сидела и смотрела суд. Она убила его.

Аса хотела, чтобы последний бой был простым. Она нанесла Киоши серьезный удар,

который мог убить в открытом пространстве прерий, где они бились. Но Киоши тоже смертельно ранил ее. В конце он использовал свою энергию, чтобы спасти ее, обрекая себя в процессе. От этих воспоминаний у нее все еще выступали слезы.

Хоть работа ее жизни была завершена, Асе казалось, что чего-то не хватало. И она оставалась тут, думая, что суд Минори закончит ее историю. Она не сомневалась, что клинка ночи посчитают виновным, и Шин укрепит власть. Вопрос о клинках был открытым, но она подозревала, что, как только Шин захватит трон прочно, он оставит речи против клинков ночи, и мир станет нормальным.

Аса слушала краем уха суд. Она не верила, что правда всплывет. Политики редко были надёжными, и почти ничего из того, что она видела в прошлом году, не опровергло это. Суд Минори был притворным, но никто так не думал. Все говорил о суде, и, пока Аса шла в толпе, ее удивило количество гнева на Минори.

Гнев печалил ее. Дома людей были разрушены, их средства к существованию остались лишь воспоминаниями. Им следовало сосредоточиться на будущем, а не винить прошлое.

День за днем Аса пробивалась сквозь толпу. Она не могла расширить чувство больше, чем на пару шагов. Иначе это сокрушило бы ее разум и сбilo бы ее на землю. В отличие от окружающих, она была одета в более теплую зимнюю мантию. Она покинула Убежище со всем своим имуществом за несколько дней до сожжения.

От этого ей повезло больше, чем большинству. Город был эвакуирован в спешке, и люди уехали с одеждой, какая была на них, и почти без ничего. Осень была слишком холодной для одежды, которую носили люди, и массы сбивались в кучу для тепла, крепко обвивали себя руками и постоянно дрожали. Многие, выходя из палаток, были одеты только в тонкие халаты. Они метались от группы к группе, всегда держась рядом с другими для тепла.

Несмотря на позор из-за того, что они так плохо одеты на публике, и холодную погоду, жители выходили день за днем, готовые излить свой гнев на клинков ночи в лице Минори.

Утром в день казни Минори Аса пообещала себе, что уедет тем же вечером. Больше не было смысла оставаться. Если смерть Минори не закроет пропасть внутри нее, единственным выходом, который она могла придумать, было время на исцеление.

Аса не пыталась протолкнуться дальше в толпе. Она была замаскирована под простолюдинку, но ненависть к клинкам была как никогда высока, и она не хотела привлекать к себе внимание. Вместо этого она оставалась позади толпы, следя за тем, чтобы путь к отступлению всегда был поблизости. По мере того как все больше людей сбивалось в толпу, чтобы увидеть казнь, Аса пятилась, держась свободных групп людей в тылу.

Минори вытащили и поставили на платформе. Она была разочарована. Этот момент должен был принести ей завершение, но, посмотрев на сломанную фигуру клинка ночи, когда-то столь гордого, она почувствовала непреодолимое горе. За все интриги и усилия, которые Минори и Киоши приложили для противостояния друг другу, награда была одна и та же: преждевременное путешествие к Великому Циклу. Они оба так усердно работали, чтобы обеспечить будущее клинков, но, в конце концов, клинков стали ненавидеть больше, чем когда-либо прежде.

Шин говорил с толпой, но Аса не слышала слова со своего места. Но она и не хотела слушать.

Пустота в ней когда-то раздражала, вызывала зуд, но теперь стала глубже, беспокоила сильнее.

Заключение ее истории должно было закрыть ее раны, но при виде Минори, который

висел на столбе, в сердце появилась дыра, почти такая же глубокая, как в день, когда она узнала о смерти ее отца.

Жизнь Киоши и жизнь Минори. Обе были бессмысленными.

И ее мечь была бессмысленной. Ее действия не принесли ей покоя. Она проснулась, ощущая себя так же, как два месяца или два года назад.

Аса хотела кричать небу, бить по покрытой снегом земле кулаками.

Но она стояла, как статуя, смотрела на Шина, пока он говорил.

Боль была такой, что она не сразу поняла, что что-то происходит спереди. Но, сосредоточившись на настоящем, она увидела, что на платформу что-то напал.

Аса знала, кто напал, раньше, чем увидела его. Только один человек попробовал бы.

Она наблюдала, как Коджи увернулся от копья. Смотрела, как он колебался всего несколько мгновений, прежде чем убить Шина. Смотрела, как он дал Минори смерть воина.

А ей было все равно.

Ей было все равно, что Шин мертв или что Минори не испытал на себе настоящее наказание.

Ей было все равно, что Коджи еще был жив.

Толпа запаниковала, реакции Аса не поняла. Им ничего не угрожало. Зрители топтали друг друга, пытаясь уйти как можно дальше от платформы, как если бы Коджи хотел забрать их жизни. Незаполненный тыл толпы внезапно захлестнули люди, пытающиеся убежать.

Несколько мгновений Аса стояла там, толпа расходилась вокруг нее, как будто она была камнем в могучей реке. Ее взгляд были устремлен на платформу далеко впереди, но оставался рассеянным, пока она смотрела в пространство.

Наконец, более рациональная часть ее разума напомнила ей, что было бы разумно уйти с толпой. Она медленно повернулась и пошла прочь, чувствуя себя бессмысленной перед мощью Великого Цикла.

Аса вернулась в палатку, которую звала домом несколько дней. У нее было много денег, достаточно, чтобы снять комнату в гостинице, даже несмотря на хаос, вызванный сильно завышенными ценами. Однако она считала, что денег ей хватит надолго, поэтому держала свои кошельки связанными и притворялась беженкой из Убежища.

Аса несла мало, большую часть жизни прожила в разъездах. Единственным ее ценным имуществом было оружие, которое оставалось при ней почти всегда. Маленькие, но смертоносные метательные ножи были в ножнах, обернутых вокруг ее предплечий. Более длинный нож с тонкой рукоятью висел в ножнах на внутренней стороне левого бедра. Ее два коротких меча, основное оружие, жили в разных домах в зависимости от обстоятельств. Поскольку она скрывалась, сегодня они были привязаны к ее спине между лопатками, под одеждой. Она собрала то немногое, что осталось в палатке, и еще раз огляделась перед отбытием.

В тот момент ей очень захотелось оказаться подальше от руин Убежища. Мало того, что она не нашла выхода, смерть Шина спровоцировала войну. Аса была уверена в этом так же, как и в завтрашнем восходе солнца.

События последних двух месяцев отправили армии каждого из трех больших домов к Убежищу. Действия Шина предотвратили конфликт, но три армии по-прежнему стояли лагерем в этом районе, до каждой оставался день пути. Теперь, когда он был мертв, никто не стоял между массами солдат.

В нескольких шагах от своей палатки Аса столкнулась с другой проблемой. Она не знала, куда идти дальше. Очевидным ответом было вернуться в Звездопад и доложить Хаджими, главе Совета Клинков. Но когда она обдумала план, она поняла, что пользы от этого мало.

Хаджими узнает о случившемся из своих источников. Аса не хотела позорить имя, которое Киюши сделал себе во второй жизни. У лидера клинков были дела важнее.

Она могла выдать себя, как предлагали плакаты. Но она понимала, что ее ждала только смерть.

По лагерю беженцев подул резкий ветер. Аса не знала, была ли погода счастливой случайностью, или зима в этом году действительно наступила рано. В любом случае, холод представлял реальную опасность для тысяч людей, у которых не было более прочного укрытия, чем палатки.

Мысль о холоде заставила Асу подумать о горах, и именно так она приняла решение. Ей всегда хотелось проводить больше времени в горах, местности, по которой она редко путешествовала. Лучшее место с высокими захватывающими вершинами было в царстве покойного лорда Джуро. Не имея лучших вариантов, она решила послушаться импульса. Аса повернула на северо-восток и пошла прочь от лагеря.

В конце концов, давка людей уменьшилась. На окраине лагеря беженцев было гораздо меньше людей, чем в центре, и Аса мельком увидела надвигающийся хаос. Повозки с припасами были остановлены за пределами импровизированного города из-за отсутствия направления. Аса заметила, что несколько телег, полностью загруженных необходимыми припасами, покидали этот район. В лагере царил робкий покой, но это не было расслабляющим покоем медленного летнего вечера; скорее, это была абсолютная тишина перед тем, как на равнины обрушится шторм.

Шин основал лагерь беженцев и обеспечивал его припасами. Теперь, когда он был мертв, воцарилась неопределенность. Аса обеспокоенно покачала головой. Вскоре не только начнется битва, но и этот лагерь, который поддерживал тех, кто потерял свои дома, станет местом хаоса, поскольку люди будут изо всех сил пытаться найти пищу. Бедствие было прямо на глазах у всех, но никто не хотел предотвратить его.

Если бы Киюши был еще жив, он бы что-то сделал. Аса была уверена в этом. Эта мысль заставила ее остановиться. Что она могла сделать?

Эта мысль исчезла так же быстро, как и пришла, и Аса продолжила свой путь. Она не была Киюши, и все его усилия ни к чему не привели. Она не могла спасти город беженцев, и правда была в том, что ей было все равно.

Она была на окраине лагеря, когда наткнулась на семью, которая пыталась уехать на телеге. Одно из колес оторвалось, телега перевернулась, и все имущество семьи рассыпалось по земле.

Недолго думая, Аса пошла помогать семье. Она поставила мешок и собрала несколько рассыпанных вещей, передала их жене, пока та загружала телегу. Женщина поклонилась ей.

Аса собрала несколько охапок, когда все пошло не так. Мгновение небрежности выдало ее. Вместо того чтобы сесть на корточки, чтобы взять мешок с рисом, она согнулась в талии. Аса не заметила этого взгляда, но когда она встала с мешком риса в руке, она заметила ужас на лице женщины.

Ей не нужно было рассказывать, что случилось. Единственные женщины, которые носили мечи в Королевстве, были клинками.

Жена закричала:

— Клинок ночи! — и весь мир ускорился.

Аса направила чувство, которое так долго сдерживала в толпе. Рядом находилась лишь горстка людей, но одна группа из четырех человек побежала к ним почти строем. Быстрый взгляд через плечо подтвердил, что это были солдаты.

Ее чувство уловило еще одно движение. Муж, который ремонтировал телегу, встал и вытащил косу из семейного имущества. Она увидела сочетание гнева и испуга на лице мужчины, но он все же шагнул вперед, его гнев на клинков пересилил его страх перед их способностями. В мгновение ока вся ее помощь его семье была забыта.

Аса могла убить их. Даже солдаты двигались как стандартная пехота. Несмотря на скорость ее меча, ни у кого не было ни единого шанса. Но она не хотела больше проливать кровь. Аса швырнула мешок с рисом мужу, повернулась, схватила свою сумку и побежала прочь.

Она чувствовала, что ее преследовали, и одинокий лучник натянул тетиву до щеки. Он целился хорошо, но Аса знал, когда он отпустил тетиву. Она остановилась как вкопанная, и стрела рассекла воздух перед ней.

Ее самая большая проблема заключалась в том, что спрятаться было негде. Они были на холмистых равнинах юга, и было не так уж много способов потерять преследователей. Ей приходилось опережать их, пока они не потеряли к ней интерес.

Аса бежала, легкие начали гореть. Она была хорошо подготовлена к пыли боя, но не для бега на большие дистанции. Она отдала бы все ради лошади в этот миг.

Гнев, подгоняющий ее преследователей, был сильным. Асе казалось, что они давно должны были отстать, но они бежали за ней, не выпускали ее из виду.

Аса не знала, сколько времени бежала. Когда погоня, наконец, прекратилась, она продолжала бежать, пока не скрылась из виду за небольшим возвышением.

Наконец, она смогла остановиться и перевести дух, измученная и избитая. И все же ей придется продолжать идти. Она попыталась представить в голове карту того места, где она была. Найти место для ночлега будет непросто, но она будет идти, пока не найдет его.

Аса была клинком ночи, и она знала, что за ней будут бесконечно охотиться все, кто узнает ее личность.

Глава 3

Мари медитировала перед самодельным храмом, глубоко вдыхала и выдыхала через равные промежутки. Звуки из-под ее комнаты в гостинице все время уводили ее от практики, но после каждого отвлечения она возвращала внимание к дыханию. В детстве она ненавидела практику медитации, сидеть спокойно и сосредотачиваться на таком естественном процессе.

Вместо медитации она всегда любила читать, ее яркое воображение оживляло страницы рассказов. Когда ее нос не утыкался в книги, она пыталась прокрасться на боевые тренировки, которые ежедневно проводили ее братья. Снова и снова ей говорили, что бой не для женщин, и особенно не для дворян. Однако никто никогда не давал ей убедительных причин, почему, поэтому она продолжала наблюдать за своими братьями и имитировать их движения в тени.

По мере того, как она становилась старше, на нее возлагалось больше обязанностей, и она стала более ясно понимать цель медитации. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, медитация превратилась в остров посреди заброшенного штормом моря, которым была ее

жизнь. Теперь она ежедневно старалась заниматься этим.

Мари не медитировала какое-то время. В некоторые дни ее разум слишком сильно блуждал, не слушался, и короткая сессия — это все, что ей удавалось. В другие дни сосредоточенность давалась легко, и она могла сидеть до середины утра. В любом случае, всегда был момент, когда она знала, что зашла настолько далеко, насколько это было выгодно, и ее ум и внимание немного отвлекались от практики.

Храм помогал ей. Казалось, что мир вокруг нее с каждым днем все больше погружался в хаос, но здесь, стоя на коленях перед алтарем, она чувствовала себя умиротворенной.

Храм принадлежал ее покойному брату Джуро, убитому менее месяца назад, предположительно, клинком ночи. Подношение было простым, как и ее брат. Центральным элементом был его меч, кусок стали, который их отец подарил Джуро в тот день, когда он отрекся от престола лорда дома Кита. Здоровье их отца было подорвано уже тогда, и Мари отчетливо помнила выражение торжественной ответственности на лице Джуро, когда он дал клятву и стал лордом. Воспоминание вызвало на ее лице намек на улыбку.

Под мечом были два листка бумаги, жетоны, которые смутили бы Джуро, если бы он знал, что его младшая сестра все еще хранила их. Оба были подарками. На первой бумаге было только имя Мари, но ее подарил ей Джуро, когда она только начала учиться писать. Благодаря этой бумаге Мари научилась писать свое имя, и у нее развился ненасытный аппетит к чтению и письму. Их отец был старомодным и не понимал, почему Мари хотела быть грамотной, но по-своему он всегда был добрым и потакал страсти Мари с личным наставником.

Второй лист бумаги был тем, что действительно мучило бы Джуро — стихотворение, которое он написал ей перед тем, как отправиться в свое первое патрулирование. Как и все дети, Джуро вырос на сказках о древних героях, и в какой-то момент он узнал, что некоторые из его любимых воинов тоже были поэтами. Молодой будущий лорд подарил сестре свои первые попытки. Мари усмехнулась горько-сладкому воспоминанию о том, как ее брат впервые уехал.

Храм был маленьким и почти пустым, было даже обидно. Но Джуро был простым человеком, у которого было мало имущества. Он мало что оставил.

Мари подумала об этом после того, как первая волна горя из-за смерти брата прошла. Когда их отец умер, последствия были огромными. Он, конечно, знал, что его путешествие к Великому Циклу приближается, и принял меры, чтобы уменьшить воздействие на свой дом. Он повысил Джуро и руководил им так хорошо, как мог. Но в большинстве вещей он прожил жизнь богато, и их замок в Стоункип все еще был до краев заполнен предметами, которые они никогда больше не будут использовать. Их отец оставил в этом мире брешь, на то, чтобы стереть ее, потребуется время.

Джуро был почти противоположным. Он избегал материального богатства, будучи одержимым путем воина. Единственным его ценным достоянием был меч. В ткани мира Джуро не оставил след. Он пришел и ушел почти без следа.

Когда Мари впервые осознала эту истину, ее глаза наполнились слезами. Она хотела, чтобы ее брат оставил наследство, пусть даже в виде лишнего имущества. Однако теперь она считала сосредоточенность брата положительной чертой. Воодушевленная, она незаметно избавлялась от материальных предметов в надежде, что ей удастся добиться ясности намерений своего брата.

Техника работала. Мари вынашивала амбиции и планы, и в отличие от большинства

женщин, которых она знала, она не боялась выяснить, как реализовать эти амбиции. Через месяц после смерти брата она нашла новый уровень ясности и понимания.

Мари глубоко поклонилась храму, еще раз поблагодарив своего брата за все, что он дал ей, как в жизни, так и в смерти. Она поклялась всегда чтить его память, и она была женщиной, которая сдерживала обещания.

Встав, Мари прошла к своему простому столу, где были аккуратно разложены бумаги. Подавляющее большинство из них было исписано ее рукой на вымышленном языке, который знала только она. Ключа не было, хотя она ожидала, что лучшие дешифровщики Королевства могли расшифровать язык на основе шаблонов.

Взгляд Мари пробежал по стопкам, пока она обдумывала следующие действия. Бумаги были отсортированы с помощью системы, известной только Мари, каждая из которых была помечена одним или несколькими словами в верхних углах, что позволяло ей сортировать и систематизировать информацию по своему усмотрению.

Она была убеждена, что информация — ключ к успеху и власти. Причина, по которой клинки ночи обладали такой силой, заключалась в том, что чувство давало им больше информации, чем было у других. Эти дополнительные знания сделали их легендарными воинами, но не сделали их лучшими людьми.

Мари не могла действовать силой. Ее отец, возможно, был щедрым, но, если не считать простых уроков самообороны, он был слишком старомоден, чтобы обучать свою дочь военному делу. Мари ходила с тонким клинком, привязанным к внутренней стороне бедра, и она знала, как им пользоваться, но не благодаря отцу.

Так что Мари сосредоточилась на нитях между ними. Взаимозависимость была учением, в которое она глубоко верила, и, оказывая все возможное влияние в тех местах, где могла, она медленно проявляла свою волю в этом мире. Возможно, ее методы были не такими простыми, как рубить противников мечом, но они все же были эффективны.

В эти дни ее внимание привлекли, в частности, несколько документов. Эти бумаги были одними из немногих, написанных не ее рукой, и ей было опасно ими владеть. Но идеи в них необходимо было учитывать, и риск был неизбежен.

Это было собрание учений мужчины, который жил на западе Королевства. Мужчины по имени Такаши. Мари была уверена, что это изменит судьбу мира.

Ее размышления прервал тихий стук в дверь ее покоев. Она без спешки спрятала опасные бумаги в стопку, где нашла их. Она встала и грациозно подошла к двери, хотя никто не следил.

Одна из ее теней была у двери. Деньги были одним из инструментов, которых у Мари было много, и значительная часть ее богатства пошла на развитие сети теней, которая могла бы соперничать с любой другой в Королевстве. Тень не терял время на ненужные приветствия. Он передал запечатанную записку Мари и вышел в коридор.

Она открыла записку и быстро прочитала ее, хмурясь. Она перечитала короткое послание, чтобы убедиться, что все поняла, затем бросила его в небольшой костер, согревающий ее комнату в гостинице. Убедившись, что бумага стала пеплом, она отвернулась от огня и обдумала варианты.

К этому моменту она готовилась уже почти полмесяца. Она, конечно, надеялась, что до этого не дойдет, но обстоятельства нельзя было контролировать.

Ей хотелось броситься к комнате младшего брата, но она сдержалась. Ее разум метался, она заставила тело полностью замереть. Посторонний, вошедший в комнату в этот момент,

мог бы счесть ее статуей, если бы не плавное движение ее груди.

В самом сердце хаоса заключались величайшие возможности. Об этом ей рассказало изучение истории. Здесь была возможность; ей просто нужно было найти и использовать это.

Ответ пришел к ней. Она проверила решение, прокручивая его в уме, чтобы посмотреть, выдерживало ли оно разумные возражения. Она кивнула самой себе. Ее план мог сработать. Ее обязанность — заставить его сработать.

Она шагнула вперед, переходя от неподвижности к движению с равновесием танцовщицы, которое она тренировала на протяжении многих лет. Ее отец, разочарованный своей неспособностью удержать дочь от физических занятий, пошел на компромисс, позволив ей заниматься этим.

Их отряд снял гостиницу в стороне от Убежища. Она и ее брат сопровождали армию. Может, «снял» было не совсем точным. Они управляли армией. Хозяин гостиницы получал мало денег за то, что принял их. Ее брат ненавидел расставаться с деньгами, когда не нужно.

Мари вышла из комнаты и прошла к комнате брата. Стражи у двери поклонились ей и позволили постучать.

Дверь открыл страж с другой стороны, он впустил ее без слов. Ее брат был там, окруженный советниками, его военным советом.

Сцену перед ней можно было посчитать смешной. Хоть они заняли всю гостиницу, командиры решили, что общая комната на первом этаже была слишком легкодоступной для их тайных военных советов. Вместо этого они использовали комнату ее брата, установили большой стол с картами в маленькой комнате. Генералы и лорд втиснулись вокруг него, один генерал едва мог стоять, постоянно сжимал край стола, чтобы не упасть на кровать, сдвинутую в угол. Мари сдержала улыбку, неуместную для ситуации.

Хироми не был Джуро. Братьев разделяли не только годы. Джуро никогда не хотел быть главой семьи, хотел жизнь солдата. Он не был лучшим лордом, но был честен и прямолинеен. Не политик, даже не лидер, подходящий его обязанностей, а хороший человек. Он достаточно хорошо руководил ими.

У Хироми не было телосложения Джуро. Как и Джуро, Хироми обучался военному искусству, но никогда не относился к этому так, как его старший брат. Хироми, младший из трех, хотел стать лордом дома Кита. Мари считала, что его амбиции коренились в естественном инстинкте хотеть того, чем вы не могли обладать.

Если бы не серьезность ситуации, эта ирония рассмешила бы Мари. Хироми не присутствовал при коронации Джуро. Джуро подошел к их отцу, преклонив колени, и умолял забрать у него корону. Он хотел вернуться и командовать своими людьми в армии.

Их отец был огорчен просьбой, но, наконец, сказал: «Истинный признак правителя — это желание не править. Мое решение остается в силе».

Джуро не спорил, движимый честью. Но Мари видела, как он сжимал и разжимал кулаки, когда выходил из комнаты все эти годы назад.

Зато Хироми боролся и строил планы годами, пытаясь выиграть гонку, в которой он был единственным участником.

Теперь обстоятельства дали ему то, чего он желал, и Мари признала, что со временем Хироми мог стать намного лучшим лордом, чем был Джуро. Хироми не понимал войны и был ослеплен своей жадностью большей власти, но он понимал людей. Правильно направленный, Хироми мог изменить Королевство. Такова была цель Мари.

Хироми заметил ее, но командиры не остановили встречу. Место Мари в доме было уникальным. Она была одним из близких советников Джуро и потому могла проходить в комнату совета. К сожалению, она не могла больше ничего сделать. Джуро понимал, что хороший совет мог прийти отовсюду, но мужчины в комнате это мнение не разделяли. Если она осмелится высказать свое мнение, ее прогонят с собраний.

Генералы Хироми рассказывали ему о движениях отрядов других домов. Мари заметила, что для них другие звучали как враги. Они еще не воевали, но генералы верили, что конфликт был предрешен.

В записке Мари сообщалось о смерти Шина этим утром. В ответ войска лорда Исаму подошли ближе к лагерю беженцев. Из-за этого армии Шина, возглавляемые теперь его младшим братом Каташи, сомкнулись в обороне. Все это Мари уже знала. После нескольких минут встречи она была почти уверена, что армии вот-вот столкнутся.

Генералы выделяли холмы, куда, по их мнению, Хироми следовало перебросить свою армию. Они высчитали место предстоящего конфликта и полагали, что более высокая местность ставила их в наиболее выгодное положение.

Когда в разговоре наступил перерыв, Мари шаркнула ногами, привлекая к себе внимание. Она низко поклонилась, притворно извиняясь за незначительное нарушение.

— Я дико извиняюсь, генералы, но я только что услышала новости о смерти короля Шина. Я знаю, что время очень важно, но могу ли я провести несколько минут наедине с моим братом, чтобы разделить скорбь о другой королевской смерти вскоре после того, как Масаки присоединился к Великому Циклу?

Оправдание было неубедительным, и Мари не сомневалась, что все в комнате видели ее уловку, но Мари не думала, что у нее было время на хитрость. На этом собрании будет принято решение начать войну. Тем не менее, вежливость была учтена, и у них не было другого выбора, кроме как уступить. Они согласились, неохотно предоставив Мари и ее брату несколько минут наедине.

Хироми не понравилось, что его прервали. Мари не удивилась. Он ненавидел мысль о том, что его генералы считали, что он слушал советы своей старшей сестры. Как и Джуро, он признавал ее мудрость и смотрел на нее как на старшего брата, но никогда не признавал этого публично.

— Сестра, — сказал он с заметной резкостью в голосе.

— Прошу прощения за свои действия, но тебе нужно сделать паузу и подумать.

Хироми вздохнул, выразив покорность.

— Давай прямо, сестра. Изложи свое дело и уходи.

Она смотрела на его ноги, пока перечисляла то, что придумала в своей комнате.

— Во-первых, ты не знаешь причины передвижения.

Хироми прервал ее, проявив нетерпение:

— Шин умер! Мы боремся за трон.

Мари подняла взгляд, сталь в ее глазах заставила Хироми утихнуть.

— Или отряды Исаму подумали, что Каташи нужна помощь, чтобы успокоить народ. Это земля его дома. Глупо врываться, не оценив всю ситуацию.

Хироми явно хотел возразить, но не был глупым. Он знал, что сестра говорила разумно.

— Во-вторых, хоть я не сильна в военных стратегиях, разве не лучше выждать первый бой? Если другие дома станут нашими врагами, пусть ослабят друг друга атаками. И мы вступим в бой, если нужно, когда противники будут уже в крови.

Она рискнула взглянуть на Хироми, проверить, обдумывал ли он ее слова. Она продолжила:

— В-третьих, мы все еще не знаем, что происходит с клинками.

— На них охотятся, где бы ни нашли.

Мари сдержала гримасу. Хироми все еще верил всему, что слышал.

— Возможно. Или эта история — уловка дома Амари.

Хироми выглядел так, словно даже не думал о таком варианте.

— Дело в том, что клинки — неизвестное. Если хотя бы дюжина клинков будет на стороне одного из домов, курс боя изменится. Выждав, ты узнаешь, есть ли у других домов клинки, или сообщения о них — правда.

— Это все?

Мари кивнула. Ей не нравилось, что нужно было уговаривать Хироми, но другого пути не было. Она видела, что он понял ее логику. Он быстро соображал, но Мари росла с юным лордом, знала, что убедила его. Она выдохнула с облегчением. Ее маневр хотя бы дал ей время, но, если повезет, этого времени хватит для ее планов.

Она повернулась и вышла из комнаты, низко поклонилась генералам снаружи.

— Еще раз простите, генералы. Благодарю, что вы щедро позволили нам минутку личного горя по тому, с кем мы были близки.

Дверь за ней закрылась, она услышала, как ее младший брат властно заговорил:

— Генералы, за время горя с моей сестрой я развил новую стратегию для победы.

Мари скрыла облегчение от стражи, пока дверь закрывалась. Ей было плевать на то, что ее идеи выдавали за свои. Только результат. Пришло время действовать по плану, была она готова или нет.

□

Мари подошла к полю битвы со смесью трепета и волнения. Она никогда раньше не видела сражений, и ее естественное любопытство было возбуждено перспективой нового опыта. Ее захлестнуло чувство вины, но это не сделало ее интерес менее реальным.

Когда она пыталась обосновать свой интерес, она говорила себе, что ее действия, даже за кулисами, вполне могли привести к смерти других. Она не была уверена, что в хаосе можно было избежать последствий, и она не хотела игнорировать неприятные истины власти. Если она не могла видеть результаты своих решений, она вообще не имела права принимать эти решения.

Но она бы солгала, если бы сказала, что не боится. Она не считала себя хрупкой, но боялась, что наблюдение за битвой станет проверкой ее храбрости. А если она поймет свое желание?

Мари яростно выбросила эти мысли из головы. Не могло быть места для сомнений. Только сила и действие. Она не могла проявить слабости перед собравшимися генералами.

Мари, Хироми, их генералы и помощники поселились на возвышенности с видом на место битвы между домом лорда Исаму Фуджита и домом лорда Каташи Амари. Последние несколько дней армии подбирались ближе, сегодняшний бой был неизбежен.

Тени Мари смогли дать некоторую информацию о прелюдии к бою, но на ее взгляд, этого было слишком мало. Она не могла понять, почему произошел этот бой. Ее тени указали, что ни одна из сторон не хотела сражаться, но обе, казалось, были верны своему курсу действий. Мари чувствовала себя так, как будто Великий Цикл управлял ситуацией, и гигантский валун столкнули с холма, и теперь его уже нельзя было остановить.

Обе стороны были виноваты и упрямы. После смерти Шина трон технически перешел к Каташи, но мальчику было всего девятнадцать, а Шин был королем меньше месяца. Ни Исаму, ни Хироми не признали претензий мальчика. Каташи, похоже, был готов уладить этот вопрос силой, и, если можно было верить теням Мари, его хорошо обученные войска легко могли одолеть дезорганизованные силы Исаму.

Исаму тоже хотел забрать трон после смерти Шина. Он спорил, что, как самый опытный лорд, пробывший дольше всех у власти, он был очевидным выбором. Два других дома молчали в ответ.

Если бы Хироми поддержал один из других домов, дело можно было бы уладить. Но он не хотел кланяться другому лорду. Мари обдумала это дело, и хоть ее сердце желало мира, она не могла заставить себя поддерживать кого-то, кроме Хироми. Исаму был слабым лидером, что было видно по его войскам. Каташи имел потенциал, но был еще младше и неопытнее, чем Хироми. В ограниченном общении Мари с сыном Шина она не доверяла ему. Таким образом, она посоветовала начать дипломатию с того, чтобы другие лорды признали Хироми своим королем.

Если бы обстоятельства или руководители были другими, возможно, они смогли бы договориться. Вместо этого на горизонте маячила гражданская война.

От теней они узнали, что Каташи планировал атаковать утром, и Хироми настаивал на наблюдении, «чтобы лучше понять противников, с которыми они столкнулись».

Причина была мутной, но правды никто не признавал. Как и Мари, Хироми никогда не видел, чтобы две полные армии встречались в бою. В отличие от нее, он не испытывал особого беспокойства. Он считал войны славными и почетными, там люди проверяли свои способности друг против друга. Когда он был мальчиком, он поглощал истории о героях и клинках, и, хотя он не мог сравниться в боевом мастерстве с Джуро, война была для него привлекательна.

Мари боялась, что предстоящая битва только разожжет его аппетит. Ощущения, которые она испытывала, было трудно понять. Она и ее брат были в безопасности и на расстоянии. Знамена дома Кита гордо развевались на утреннем ветру, и ни одна армия не осмелилась бы напасть на них. Хироми видел битву и маневры, но не видел крови и страданий. Их слуги даже устроили пикник на весь день.

Группа подошла к своей высокой позиции и спешила. Мари посмотрела на поле битвы, когда взошло солнце. Прерия здесь была не совсем плоской, плавные изгибы создавали у войск иллюзию безопасности. Когда Мари посмотрела на поле, она увидела, что битва будет всем, чего она боялась. Не было прикрытия и защиты. Это будет битва силы против силы. Фланговые маневры будут видны издали, а местность не давала стратегических преимуществ ни для одной из сторон.

Она подозревала, что этого и хотел Каташи все это время. Во всех отчетах говорилось, что его войска были лучше обучены и дисциплинированы. Устраняя преимущества местности, он уменьшил шанс блестящего, но удачного маневра одного из генералов Исаму. Стратегия стоила бы жизнью, но, если она понимала правильно, фактически гарантировала победу.

В тишине перед атакой была красота. Мари была впечатлена организованностью и смелостью, проявленной присутствующими. Ветер поднялся, знамена хлопали, и Мари куталась плотнее в одежду. Поверх шелкового повседневного наряда на ней были тяжелые синие мантии, но она все равно дрожала. Погода весь месяц была на удивление холодной.

Часть Мари уговаривала ее бежать на поле битвы, встать между двумя линиями и героически призывать к миру. Она заставила замолчать свою глупость.

Крик раздался с одной из линий, и силы Каташи начали наступление. Мари не слишком хорошо разбиралась в военной стратегии, но она видела, что линии оставались организованными по мере продвижения, и когда они оказались в пределах досягаемости, они выпустили стрелы, от них потемнело небо.

Издали было легко восхищаться красивыми искрящимися снарядами, летящими сотнями за раз. Если бы можно было игнорировать смерть в конце их полета, Мари могла бы назвать это зрелище одним из самых впечатляющих в ее жизни.

Здесь стала очевидной первая разница между силами. Каташи выпускал волну за волной стрел, бесконечный дождь ужаса на врага, ответный огонь которого был прерывистым.

Она взглянула на своего младшего брата, он был почти в восторге от зрелища перед ним. Это выражение его лица напугало ее больше, чем любое другое. Он был умным человеком, но его детское увлечение войной могло привести его к принятию ужасных решений.

Линии встретились с ревом и холодным звоном стали. С самого начала исход боя был ясен. Как только линии встретились, силы Исаму, казалось, рассыпались, будто они были бумагой, брошенной в стремительный поток. Даже на расстоянии Мари видела, как силы Каташи оставались сплоченными, пробивали тонкую оболочку порядка, скреплявшего армию Исаму.

Ее сердце сжималось, пока она наблюдала за спокойной точностью, которую поддерживала армия Каташи. Их воины были хорошо обучены, и в гористой местности их дома не было лучшей силы. Но она никогда не видела порядка войск Каташи.

Утро шло к концу, и Мари заставила себя наблюдать за всем сражением. С ее точки зрения, битва закончилась почти сразу же, как только началась, но на поле битвы по-прежнему находились тысячи людей. Даже бегство требовало времени. Хироми был очарован, вел тихие дискуссии со своими генералами, пока они ели ранний обед. Мари обнаружила, что у нее пропал аппетит.

Какое-то время, когда солнце стояло выше всего в небе, силы Исаму выглядели так, будто они собирались сплотиться. Они столпились вокруг одного из последних уцелевших знамен и отогнали армию противника на десятки шагов.

Всплеск был слишком слабым, и было уже поздно. Силы Каташи поддались, но не смогли сломаться. Они стали давить еще сильнее, и вскоре битва закончилась.

Мари наблюдала, как солдаты бродили по полю битвы, вонзая мечи в тех врагов, которые были еще живы, но ранены. Целители уносили и пытались спасти тех, кого могли, своими силами. Ей хотелось отвести взгляд, но она не могла оторвать глаз от эффективности, с которой люди Каташи работали, даже после битвы. Желчь поднялась у нее в горле, но она сдерживалась. Не хотела, чтобы ее стошнило при брате и его советниках.

Когда они ехали обратно, Хироми радовался, как никогда раньше. Он продолжал обсуждать моменты со своими командирами, все сильнее звуча так, словно наблюдал за эпической битвой, титаническим сражением между двумя благородными силами. Мари слышала только, что он хотел бы оказаться там, в самом центре конфликта. Она не могла заставить себя ответить, но понимала, что ее будущая задача осложнилась.

Мари была согласна со своим братом в одном: она не думала, что битва запомнится из-за того, насколько хорошо сражались противоборствующие стороны. Все дело с самого

начала было односторонним. Но битва запомнится как начало гражданской войны в Королевстве.

Глава 4

Побег Коджи был проще, чем он ожидал. Стражи вокруг Шина были сильными, но те, что были дальше от платформы, пали от его меча, взмахи убрали целый отряд. Он посеял достаточно смятения и страха, что легко смог скрыться в толпе, собравшейся на казнь.

Он почти был разочарован. Шин был королем, и если бы даже два клинка ночи были там, Коджи не добрался бы до него вовремя. Шин хотел увидеть, каким будет Королевство без защиты клинков, и он первым это выяснил.

Путь Коджи был ясным. Его личная месть и честь были удовлетворены. Дальше нужно было понять его место среди клинков. Он будет осторожен. Официально он все еще был под смертным приговором от Киоши много месяцев назад. Минори скрыл его, но оба старика теперь были мертвы, и Коджи не знал, считался ли приговор активным.

И он не знал, как убийство Шина повлияет на его будущее с его народом. Если ситуация была так плоха, как говорил Шин, Коджи могли принять как героя за убийство худшего врага клинков. Если мертвый король преувеличивал ради власти, Коджи могли приговорить к смерти среди своего народа.

В любом случае, самый простой способ узнать это — отправиться к ближайшему месту с клинками. Учитывая кочевой образ жизни большинства клинков, была создана система станций, которая служила как центром для сообщений, так и местом, где можно было остановиться. Большинство из них были простыми одиночными постройками с несколькими местами, где можно было поспать и тренироваться. Убежище сторело дотла, и ближайшей была деревня под названием Край Реки, примерно в девяти днях ходьбы. Коджи уже нес все свои вещи, поэтому немедленно ушел.

Дорога была забита людьми, пытающимися избежать приближающегося хаоса. Коджи позволил волне людей нести его, не использовал свое чувство, чтобы не растеряться среди беженцев и не попасться клинкам, которые могли его искать. Отказ от дара даже на время заставил его почувствовать себя уязвимым, как ребенок, но его разум подозревал, что так среди толпы он был в большей безопасности.

Страх казался ему осязаемым. Многие семьи не знали, где найти пищу, кров или безопасность. Коджи, который мог найти все это независимо от обстоятельств, с трудом понимал волны паники, захлестнувшие вереницу людей, бегущих от руин Убежища.

Иногда Коджи останавливался, чтобы помочь, где мог. Он держал тележку, пока фермер менял колесо. Он подобрал маленького ребенка, которого могли растоптать люди, не замечающие ничего вокруг, спеша уйти. Несколько мгновений спустя клинок нашел благодарную мать. Его долг, по его мнению, по-прежнему оставался перед народом Королевства.

Ночью Коджи сошел с дороги и забрел подальше, убедился, что был один. Чувство защищало его, пока он спал, предупреждая о приближении любого человека.

Коджи спал под звездами, плотной одежды и навыков хватало, чтобы согреться в морозные ночи, которые становились все холоднее. Если погода продолжит становиться все холоднее, ему вскоре придется искать убежище или рисковать костром в ночи.

На следующий день толпа на дороге была еще более взволнована. Еды было мало, а жилья — тем более. Распространялись слухи о надвигающейся гражданской войне, и Коджи видел все больше насилия, когда люди дрались за еду или палатки. Он видел, как один

мужчина ударил другого за кусок яблока. Вспышки были случайными, но если что-то не предпринять в ближайшее время, дорога окажется небезопасной даже для такого сильного человека, как он.

Той ночью Коджи впервые задумался, верно ли поступил. Честь и долг были удовлетворены, но он не учел, что Шин держал Королевство единым.

Коджи боролся с проблемой. Он запутался в паутине обязанностей. Долг перед Минори и его памятью. Долг перед клинками и перед Королевством. Как ему решить, какой долг важнее, когда они воевали друг с другом? Вопрос беспокоил его, и Коджи пока не нашел ответа и уснул.

Следующий день наступил так, как и прошлые. Коджи проснулся и тренировался с пустыми руками. После легкого завтрака он вернулся на дорогу и тут же понял, что что-то было не так. Коджи не нужно было спрашивать, он просто шел и слушал при этом разговоры. Одно слово было на губах у всех.

Война.

Он не знал, мог ли верить новости, но паника на дороге стала почти осязаемой, сжала людей. Семьи бежали, отцы держали детей на руках. Фермеры пытались гнать скот быстрее, а те, кто не мог двигаться быстрее, с опаской смотрел на несущихся вокруг людей. Коджи подумывал помочь кому-то, но каждая идея раскрыла бы, что он был клинком ночи. Вместо этого он сошел с дороги, ощущая вину за то, что убегал от проблем и народа, который должен был защищать.

Коджи был не единственным, кому пришла в голову идея свернуть с дороги, но не многие оставляли иллюзию безопасности на дороге. Как правило, он обнаруживал, что те, кто сошёл с пути, были теми, кто мог выжить самостоятельно. Мужчины, которые зарабатывали на жизнь охотой и отловом. Бывшие солдаты и их семьи.

Вне дороги, казалось, было невысказанное соглашение. Все держались на безопасном расстоянии, и два дня Коджи не разговаривал ни с одной живой душой. Он был даже рад возможности поразмышлять о своих действиях, но он не был против дружеского лица.

Он думал, что был всего в двух днях пути от промежуточной станции, когда чувство предупредило его о присутствии двух других клинков на расстоянии. Осторожно, Коджи подкрался к ним, чувство привело его к небольшому фермерскому дому.

Коджи наблюдал за строением издалека, прежде чем приблизиться. Он не знал свое место среди клинков, не понимал, почему клинки были в фермерском доме посреди пустоты.

Он ждал большую часть дня, наблюдая за фермой и изучая местность. Дом не был защищен. Он вообще не понимал, зачем здесь были клинки. Единственным ценным качеством дома было то, что к нему нельзя было подойти незамеченным.

На ферме было больше двух человек, но Коджи находился достаточно далеко, и он не мог различить жизни. Единственная причина, по которой он заметил этот фермерский дом, — это отчетливое ощущение других одаренных. Коджи посмотрел в сторону промежуточной станции, затем в сторону фермерского дома. Почти незаметно пожав плечами, он направился к дому.

Его рассуждения не были сложными. Промежуточная станция останется, но шанс поговорить двумя клинками вдали от многих мирных жителей был слишком хорош, чтобы упускать его. Если повезет, он поймет, что происходило в мире клинков, и выяснит свое

положение.

Когда Коджи подошел к дому, два клинка ночи, которых он почувствовал, вышли, заняли позиции бок о бок примерно в двадцати шагах от двери. Тот, кого Коджи назвал лидером, был меньше по размеру, уголок его рта был приподнят в постоянной ухмылке. Другой был крупный мужчина с бритой головой. Они стояли на страже, неподвижные, как статуи, придавая дому почти угрожающий вид.

Коджи остановился в пятнадцати шагах. Он не хотел представлять никакой угрозы. Он держал руки свободно по бокам, подальше от меча на спине. Два клинка были одеты в свои традиционные одежды, тяжелые черные мантии мягко шелестели на ветру. Коджи заметил деталь. Эти двое не боялись, что их сочтут клинками ночи.

Он попытался измерить их силу — привычка, которую он приобрел много лет назад, для него процесс был таким же простым, как дыхание. Оба они казались сильными и крепкими. Коджи был достаточно уверен в себе, чтобы сразиться с двумя клинками ночи, если нужно, и он не видел здесь ничего опасного. Другие воины, несомненно, были искусными, но не непобедимыми.

Он был уверен, что они тоже оценивали его, и что из-за преимущества в количестве они недооценят его.

Клинок ночи справа от Коджи заговорил первым:

— Здравствуй брат. Добро пожаловать.

Коджи слегка поклонился.

— Я ценю ваше гостеприимство.

Клинки сдвинулись, и миг напряжения между незнакомцами в бушующем мире прошел. Коджи тоже расслабился, хотя его чувство было активным, готовым к любому сюрпризу. Говоривший клинок повернулся и пошел вперед, а лысый мужчина ждал, чтобы последовать за Коджи.

Коджи не был на ферме несколько лет, этот дом был большим. Он огляделся, редкое казалось необычным. Он заметил небольшой, со вкусом оформленный храм Великого Цикла, традиционные три концентрических круга, нарисованных уверенной рукой, хорошо оборудованную кухню, одну большую комнату для обедов и собраний и, казалось, множество спален. Дом был в хорошем состоянии и чистым, деревянные полы и татами были безупречными.

Мебель была старой и явно использовалась часто, но о ней заботились. В бумажных стенах не было дыр, двери легко двигались. Возможно, не богатая семья, но та, которая гордилась своим жилищем. Коджи все это заметил, но ничего не сказал.

Он ощущал другие жизни в здании, но не видел. Он думал спросить о них, но его сдержало предупреждение внутри. Коджи не заметил ничего, что его беспокоило, но что-то ощущалось неправильно.

Молчание юного клинка ночи не беспокоило двух других. Они добрались до гостиной. Пространство было большим, явно предназначенным для центра активности в доме. Сегодня тут было пусто, если не считать трех клинков.

Коджи пригласили сесть. Клинок ночи, который говорил по пути и приветствовал его снаружи, позвонил в маленький колокольчик. Спустя несколько мгновений Коджи услышал приближающиеся шаги. Вошла молодая женщина и скромно поклонилась.

— У нас гость. Можешь приготовить нам чаю?

Она снова поклонилась и вышла из комнаты, не сказав ни слова. Хотя на ее лице не

было никаких признаков недовольства, что-то в ее поведении заставило Коджи поверить, что она несла тяжелое бремя.

Клинок, озвучивший просьбу, увидел, как вопрос промелькнул в глазах Коджи. Он успокаивающе улыбнулся.

— Она — одна из дочерей фермера. Когда мы приехали, мы договорились. Мы предложили защитить территорию, если они будут служить нам, пока мы здесь. Это выгодно всем.

Коджи слышал тон голоса, полуправду в словах, но не задавал вопросов. Его инстинкты предупреждали его, что чем меньше он будет говорить, тем в большей безопасности будет в этом новом мире противоречивых привязанностей.

— Пока мы ждем, давайте представимся. Меня зовут Рё, а мой тихий компаньон — Хироки. Я наставник Хироки, хотя, на мой взгляд, он готов пройти испытания.

Этот факт добавился к растущему списку. Клинки, когда заканчивали обучение в детстве, имели один из двух рангов: мастер или ученик. Чтобы стать учеником, нужно было пройти ряд испытаний. Было три шанса, и если потерпели неудачу, вас больше не считали клинком. Они становились теми, кто обслуживал клинки, доставляли сообщения, обслуживали промежуточные станции и выполняли другие необходимые, но неприятные задачи.

Ученик получал первые свободы. Его назначали к мастеру, и с ним ученик путешествовал по землям. Единственным реальным ограничением было то, что нужно было подчиняться мастеру. Многие клинки проводили большую часть своей жизни в качестве учеников, сражаясь или исцеляя бок о бок с мастерами.

Испытания на то, чтобы стать мастером, были другого рода. Навыки, конечно, были важны, но не менее важны были суждения и мудрость. Стать мастером означало путешествовать самостоятельно, без руководства, кроме случайных приказов Совета Клинков. Таким образом, испытания были непростой задачей, и за всю жизнь разрешалось только две попытки.

Коджи поклонился дуэту, узнав их имена. Он подумывал солгать о своей личности, но отверг эту идею. Были все шансы, что они знали, кто он, и он не хотел терять их доверие.

— Меня зовут Коджи. Рад вас встретить.

Коджи получил в ответ их поклоны, и принесли чай. Он внимательно разглядывал дочь и заметил легкую дрожь в ее пальцах, пока она накрывала на стол. Ее взгляд метался по комнате, словно искал ближайший выход. Выражение его лица оставалось совершенно нейтральным, он ощущал постоянный взгляд Рё.

Дочь ушла, шагая быстрее, чем когда она вошла, и Коджи повернулся к Рё и задал самый животрепещущий вопрос:

— Я должен извиниться за грубость, но я уже несколько дней был в дикой природе. Я планировал пройти на ближайшую станцию и узнать новости.

Его прервал смех Рё.

— Если ты про Край Реки, могу избавить тебя от неприятностей. Станция была сожжена дотла два дня назад, когда пришло известие о смерти Шина.

Коджи попытался закрыть челюсть, но безуспешно.

— Кем?

— Жителями деревни. Не знаю, но я слышал, что хранитель умер в огне. Брат, я рад, что ты нашел нас первыми. Если бы ты дошел до Края Реки, твоя жизнь была бы в опасности.

Коджи не ответил.

— Не знаю, сколько ты слышал, но пару дней назад короля Шина убил клинок ночи, — сказал Рё. — И позже мы слышали, что между домами началась гражданская война. Королевство во многом не едино в эти дни, но одно понятно: все ненавидят клинков.

Коджи переваривал новости, потягивая чай, ком появился в животе. Гражданская война? Клинков все презирали?

Он боялся, что все было из-за него. Если бы он не убил Шина, война не началась бы. Клинки вернули бы себе прежний статус со временем. Вес поступков обрушился на него, и он все думал, не стоило ли просто оборвать свою жизнь. Он не мог жить с таким количеством смертей на плечах.

Он не сразу услышал Рё. Клинок заговорил громче и отвлек Коджи от его мыслей.

— Я спросил, все ли у тебя в порядке. Ты на мгновение побледнел очень сильно.

С почти физическим усилием Коджи вернулся к настоящему.

— Да, прости. Я не понимал, что ситуация стала настолько ужасной. Благодарю за новости, но... это ужасно слышать.

В комнате стало тихо, два клинка дали Коджи время осмыслить новости. Коджи пытался разорвать круговорот в его мыслях, но безуспешно. Непреодолимое чувство вины разрывало его сердце.

Его действия были благородными, не так ли?

Голос Рё снова ворвался в его сознание. Коджи удержался от гневного взгляда.

— Мне очень жаль, что эта новость так тебя обеспокоила. Мы все скоро отправимся спать, но сначала я должен задать тебе вопрос.

Коджи поднял взгляд и сосредоточился на другом клинке ночи.

— Сейчас трудные времена, и наша безопасность важна. Ты знаком с Киоши и Минори, да?

Коджи чуть не рассмеялся. Хотя он лично встречался с Киоши только однажды, он был уверен, что знал двух старых клинков гораздо лучше, чем кто-либо другой в комнате. Вместо этого он кивнул.

— Ты знаком с философией, которой они оба придерживались?

Он снова кивнул.

— Хотя они оба снова присоединились к Великому Циклу, с чьей философией ты согласен?

Коджи понял суть вопроса. Странно, что, несмотря на весь свой опыт обращения с двумя мертвыми клинками, он никогда не думал о своей верности в таких терминах. Оба мужчины хотели, чтобы клинки служили Королевству, хотя Минори хотел, чтобы они правили землей, в то время как Киоши хотел, чтобы они были рабами своего народа.

Он знал, какой ответ от него хотели клинки перед ним. Вопрос раскрыл их характер.

Коджи обдумал ответ, вина все еще терзала его.

Он ощущал, как в тишине усиливалось напряжение. Мужчины перед ним ожидали, что ответ будет простым. Им нужен был ответ уже сейчас.

Коджи обезоруживающе улыбнулся.

— Простите. Мой бывший мастер говорил, что я долго думал, и мне еще не задавали такой вопрос.

Часть напряжения пропала, но не все. Хироки, казалось, хотел вытащить меч. Коджи не ощущал от клинка убийственных намерений, но это могло вот-вот измениться.

— Я согласен с философией Минори, — соврал Коджи.

Клинки заметно расслабились.

— Рад это слышать, брат. Прости, что спросил, но ты можешь понять, почему я должен нынче так делать, — сказал Рё.

— Конечно.

— Хорошо, — Рё выглянул наружу на закат и повернулся к их гостю. — Близится конец дня, и я уверен, что ты устал от дороги. У нас с Хироки вечером тренировка, но я прослежу, чтобы ты поел и принял ванну перед сном.

Коджи опустил голову, признавая доброту, и после прощаний Коджи остался один в огромном пространстве, уже не был уверен в том, во что раньше верил.

Коджи никогда не умел медитировать. Это навязывали ему в детстве, но сидеть на месте и пытаться отпустить свои мысли редко помогало ему. Он гораздо больше предпочитал покой, который приходил из тренировки с мечом, смещения ментального и физического. Но такие активные медитации временами были недоступны.

Он сидел в своей комнате, простой и не украшенной, пытаясь успокоить бурю своих мыслей. Он не мог перестать думать, что был виноват в беспорядках в Королевстве.

Эта мысль была глупой и горделивой. Возможно, он внес вклад, но лорды отреагировали, движимые мыслями о власти и жадности. Он сказал себе, что он был лишь часть проблемы. Но если бы он не убил Шина, ни один из ужасов последних нескольких дней не произошел бы.

Коджи заставил свои конечности замереть, борясь с желанием встать и зашагать по комнате. Фермерский дом при всех своих размерах был маленьким, и каждое его действие отмечалось другими клинками.

Его дилемма была отложена из-за ванны и еды — лучшего, что он ел за многие дни. Еда была простой, рис с рыбой из ближайшего ручья. Но он держал каждый кусочек во рту, позволяя ароматам пропитать язык.

В дороге он выживал, охотясь и собирая пищу. Пищи было достаточно, чтобы жить, и иногда попадалось мясо, убитое как раз в тот день, и оно было превосходным. Но часто его поддерживали только вяленое мясо, орехи и ягоды. Возможность поесть свежей рыбы и горячего вареного риса была ни с чем не сравнимым удовольствием, и слюна собралась во рту даже после еды.

Он вернулся в комнату к своим мучительным мыслям, но, в конце концов, сдался, когда взошла луна. Он лег спать, и сон пришел с удивительной легкостью.

Чувство предупредило его о жизни неподалеку, и он легко проснулся, рука потянулась к мечу. Он очнулся и увидел дочь фермера, Хану, тихо закрывающую дверь комнаты. Юный клинок не стал доставать меч. Девушка не представляла для него угрозы.

Она закончила закрывать дверь, опустилась перед ним на колени и поклонилась.

— Извините, что беспокою вас, господин. Я не знала, что вы уже заснули. Надеюсь, вы на меня не сердитесь.

Ее голос был мягким, но все же дрожал, и Коджи показалось, что он видел, как ее плечи тряслись в тусклом свете луны. Его разум, все еще затуманенный сном, медленно осознавал, что происходит.

Коджи не ответил, сбитый с толку, когда Хана начала раздеваться перед ним. Ее движения были быстрыми и отрывистыми, ей не хватало грации, которой обычно обладали в

публичных домах, которые он посещал. За несколько мгновений она опустилась перед ним на колени, обнаженная и дрожащая, хотя в комнате было достаточно тепло. Ее руки были скрещены на груди, хотя они были слишком тонкими, чтобы все скрыть.

Все еще немного ошеломленный, Коджи думал только о том, что все происходило неправильно. Он не мог объяснить дискомфорт. Она была достаточно взрослой, по общему мнению, молодой женщиной. Он не сделал ничего бесчестного, и его тело напоминало ему, что прошло много месяцев с тех пор, как он наслаждался женским обществом. Но все было неправильно.

Он инстинктивно потянулся к ней. Она отпрянула от него, затем придвинулась к нему, удивившись, когда он протянул руку мимо нее, взял с пола ее одежду и накинул на нее.

— Господин, что вы делаете?

Коджи отодвинулся, оставив между ними немного места.

— Я не твой господин.

Неуверенность на лице Ханы опечалила Коджи.

— Но они сказали мне прийти к вам вечером. Вы не с ними?

Он снова мог соображать. Он собрал воедино то, что должен был понять гораздо раньше. Теперь он понимал, зачем она была здесь.

Его гнев вспыхнул. Испытывать его таким способом было неразумно, это указывало на слабость, присущую убеждениям Минори. Клинки не должны были так поступать, но если они ставили себя выше закона, такое было неизбежно. Большая сила была полезна только в том случае, если над ней осуществлялся больший контроль. Клинки справлялись со своими слабостями не лучше, чем любой другой человек. В сочетании с их силой такие ситуации стали бы обычным явлением.

— Я не с ними и не с тобой, — ответил он.

Новая решимость возникла на лице Ханы, она расправила плечи и повернулась к нему. Она снова разделась, но Коджи все еще видел ее неудобство.

Он потянулся, чтобы снова ее одеть, но она остановила его и притянула ближе.

Коджи отпрянул.

— Что ты делаешь?

Ее голос дрожал, она прошептала:

— Мне нужно их слушаться. Иначе они навредят или убьют мою семью. Мой отец уже едва может ходить, потому что выступил против них.

Она прильнула к нему, Коджи боролся с искушением. Его разум кричал, что это было неправильно, но он долго не был с женщиной.

Она поцеловала его в щеку, и он чуть не повернул голову, чтобы поцеловать ее в губы. Отчаянно пытаясь сдержать ненависть к другим клинкам, он отодвинул ее.

— Я не буду.

Облегчение и страх мелькнули на ее лице.

— Но я должна.

Коджи ненавидел Рё и Хироки. Минори ощутил бы отвращение к мужчинам, которые утверждали, что работали по его идеям.

— Ты была с ними?

Она кивнула со слезами на глазах.

Коджи понял, что был другой выбор. Ему не нужно было играть в их игру. Ему не нужно было мучить ни Хану, ни себя.

— Тебе не нужно этого делать. Я выступлю против них, — Коджи потянулся за мечом. Молодая женщина снова схватила его.

— Пожалуйста, не надо. Они спят в одной комнате с моей младшей сестрой.

Коджи чувствовал отвращение, но Хана покачала головой.

— Не так. Они там спят, так что если мы попробуем что-нибудь, она умрет первой. Вы не можете противостоять им сейчас.

— Очень хорошо. Я сделаю это утром. Вернись в свою комнату.

Женщина заколебалась.

— Можно мне остаться здесь? Тогда я смогу действовать так, будто я послушалась, и моя семья будет в безопасности.

Он почти сказал ей, что это не имело значения. Внутри фермерского дома они чувствовали все, что произошло, и поймут, что Коджи не спал с ней. Они поймут, что он не прошел проверку убеждений. Но когда он увидел ужас в ее глазах, он смягчился.

Не долго думая, Хана забралась в его кровать и положила голову на подушку. Не зная, что делать, Коджи протянул руку и провел рукой по ее волосам, позволяя ей плакать. Пока он это делал, его мысли блуждали, он проверял результаты действий и историю, которую придется рассказать.

Он не заметил, как она заснула, но, в конце концов, понял, что ее дыхание стало медленным и ровным. Что она пережила за последние несколько дней? Он причинил ей страдания, или это случилось бы в любом случае?

Вопросы беспокоили его, но в его голове проступила новая мысль, новая цель, которую он должен был преследовать.

В конце концов, Коджи заснул, его сердце было настроено исправить его самую большую ошибку.

Глава 5

Она шла лишь несколько дней, но Аса уже устала оглядываться. Какое-то время люди опасались клинков, но теперь на Асу и ее вид охотились, они стали мишенями.

Она привыкла к подозрению во взглядах, страху на лицах прохожих. Раньше путники могли угостить ее едой, а теперь на нее бросали взгляды. Никто не делился и не говорил с чужаками, даже не клинками. Она всегда была на грани, всегда ждала нападения. Она снова и снова думала об этом случае в дороге. В один момент она была полезным незнакомцем, а в следующий — врагом, ради которого стоило рискнуть жизнью. Переход казался невозможным за такое короткое время.

Аса устала. Постоянная бдительность была непривычной, изматывала ее, как точильный камень, стирающий когда-то острый нож.

Два дня Аса уходила от дороги, всегда держась северо-востока. К сожалению, необходимость заставила ее вернуться на людные тропы. Она недостаточно хорошо знала территорию, чтобы бродить по ней без проводника. Ей нужно было держаться поближе к дороге, как бы она ни ненавидела эту идею.

Временами она задавалась вопросом, станет ли ей легче после нападения. Ей не терпелось провести тренировку, но сейчас у нее не было шанса. Если бы кто-нибудь ее увидел, ее бы безжалостно преследовали.

Несмотря на ее настороженность, никто не напал на нее во время путешествия. Она слилась с морем людей, уходящих от Убежища, прочь от войны.

Она почти не заметила знак Края Реки, сбитый у обочины дороги. Кто-то прибил к тому

же сломанному столбу еще одну табличку с надписью «НЕТ ЕДЫ — НЕТ КОМНАТЫ». Буквы были ярко-красными, впились даже в измученное сознание Асы.

Аса не нуждалась в пище или укрытии, она смутно помнила, что в Крае Реки была станция для клинков. Если ей не изменяли смутные воспоминания, маленькая деревня находилась всего в получасе ходьбы от дороги.

Она решила изменить курс. Горы на северо-востоке будут там и позже, но Аса увидела шанс найти место для отдыха. На станции будут койки и еда. Она могла тренироваться, не опасаясь охоты. Предложение было слишком хорошим, чтобы отказаться от него.

Дорога в деревню была почти полностью заброшена, и Аса решила пойти по ней, не видя причин заблудиться на незнакомой территории.

Когда она впервые увидела Край Реки, ее сердце упало. Руины станции ничем не отличались от руин Убежища, которые тлели через несколько дней после того, как сгорели. Ей не нужно было спрашивать, что случилось. Хотя в деревне насчитывалось менее сотни человек, казалось, что каждый сердито смотрел на руины, проходя мимо, как будто одним своим взглядом мог разжечь пламя.

Остатки промежуточной станции резко контрастировали с природной красотой города. Большинство домов недалеко от центра города были двухэтажными, роскошными по большинству стандартов. Глаза Асы следили за рекой, и она предположила, что, хотя деревня была небольшой, ее жители жили в достатке за счет торговли по реке.

Если бы не сгоревшие остатки станции, деревня выглядела бы мирно. В Крае Реки не было шума и суеты такого города, как Убежище, но его магазины были хорошо снабжены едой и специями. На заднем плане мягкие звуки реки.

Аса села рядом с рекой, текущей через город, совершенно измученная. Все, что осталось, — это унылый, казалось бы, бесконечный путь. Она не хотела так жить.

Ее голова была подперта руками, когда она услышала за спиной дружелюбный голос: — Простите, мэм, но вам нужно где-то остановиться?

Аса подняла взгляд и увидела пожилого мужчину, может, пятидесяти лет, смотрящего на нее с озабоченным лицом. Он был в обычной одежде: свободную накидку бесчисленное количество раз залатывали, а еще сандалии и широкая шляпа. На первый взгляд он казался невзрачным, но, изучая его, она поняла, что он держался хорошо, почти с балансом мечника.

Она почти сказала «да», но воспоминания о встрече с семьей у дороги остановили ее.

— Это очень любезное предложение, но я в порядке, спасибо.

Седовласый мужчина выглядел бодро, что не сочеталось с возрастом. Его взгляд пронизывал, и он улыбался, хотя Аса просто пыталась быть вежливой.

— Чушь. Я знаю, как выглядит уставший путник. У нас достаточно еды, и у нас есть удобная комната для гостей, ведь сын ушел служить в армию. Я не приму ответа «нет».

Асе следовало сказать «нет». Но перед его энергией и добротой было невозможно устоять. И она устала. Слишком устала, чтобы отказаться от предложения, которое, как она была уверена, плохо кончится.

Аса вздохнула и поклонилась.

— Большое тебе спасибо. Я очень благодарна.

Пожилой мужчина привел ее к своему дому на окраине деревни, что мало что говорило. Всю деревню можно было пройти быстрее, чем варился рис.

Мужчина быстро рассказал ей о себе. Его звали Дайки, и он был и фермером, и торговцем. Он продавал мебель и некоторые выращенные им культуры. Он жил дома со

своей женой Аяно. Их единственный ребенок, Акихиро, был частью армии Исаму, и хотя он хотел узнать о мальчишке, Аса ничего не могла ему сказать. К сожалению, она была не в курсе последних новостей.

Их дом был маленьким, но за ним находилась красивая мастерская, гордость Дайки. Снаружи дом был не примечателен, но столы и инструменты внутри были прекрасно обработаны. Резьба на ножках стола была изысканной, а дерево было отполировано, и Аса увидела свое отраженное лицо. Она едва могла различить стыки. Она была удивлена. Этому человеку, по всей видимости, небогатому, строители мебели позавидовали бы.

Аяно уставилась на Дайки взглядом, который мог расплавить камень, когда он вошел с Асой. Женщина была крупной и сильной, знающей тяжелую работу. Хотя ее гнев был очевиден, он быстро рассеялся мягкостью Дайки.

— Я знаю, что тебе не нужны гости, но она уже несколько дней находится в пути, без отдыха. Она выглядела так, будто вот-вот заснет на улице. Я ничего не мог поделать, но позволил ей остаться на ночь.

Взгляд Аяно смягчился, и Дайки воспользовался возможностью, чтобы извиниться. Он утверждал, что у него есть работа, которую нужно закончить до захода солнца. Когда Аса смотрела на пару, ей казалось, что она смотрит спектакль, который артисты разыгрывали сто раз.

Как только Дайки вышел из комнаты, Аяно вздохнула, глядя на Асу.

— Он хороший человек. Возможно, слишком хороший для грядущих времен, если верить слухам, которые мы слышим с ветром.

Аса поклонилась, стараясь не раскрыть клинок, спрятанный на спине. Она не повторит эту ошибку.

— Спасибо, что открыли мне двери. Я очень благодарна.

Аяно внимательно смотрела на Асу.

— Пожалуйста. Как ты оказалась в дороге одна?

Аса знала, что приближается этот вопрос — невысказанное подозрение. Она боролась с этим на протяжении всей жизни, будучи женщиной, путешествующей по дорогам в одиночку, инкогнито в роли клинка. Ложь давалась ей легко, практика всей жизни позволяла ей не дрогнуть.

— Дом моей семьи сгорел в Убежище. Я пыталась найти их в лагерях, но безуспешно. До меня доходили слухи, что они отправились на северо-восток. Когда я увидела табличку с деревни, я решила попытаться счастья.

Глаза Аяно сузились.

— Мне жаль слышать о твоей потере. Чем занималась твоя семья?

— Мой отец был кузнецом.

Взгляд пожилой женщины расслабился.

— Хорошая профессия. Тяжелый труд всегда вознаграждается. Сколько тебе лет?

— Девятнадцать, — еще одна ложь, но если бы она сказала правду, Аяно удивилась бы, почему она не замужем. Ей едва могло быть девятнадцать.

— Выглядишь старше, — тон Аяно был ровным.

Аса улыбкой попыталась обезоружить внимательную женщину.

— Мой отец всегда говорил, что я выгляжу старше.

— Почему ты не замужем?

Вопрос был слишком грубым. Если бы Аяно задала такой вопрос публично, ее бы

избегали в вежливой компании долгие годы. У Асы создалось впечатление, что женщина все равно спросила бы. Она была прямолинейной и несгибаемой, как камень.

Аса посмотрела на пол, как и ожидала от незамужней девятнадцатилетней девушки. Она говорила тихо:

— Мой отец искал подходящую пару, когда в Убежище начались проблемы. Он сказал, что нашел кого-то многообещающего, но тот тоже пропал.

Аса опустила голову, используя чувство, а не зрение, чтобы судить о реакции Аяно. Вес женщины сдвинулся, и она внезапно обняла Асу. Аса на мгновение запаниковала, но сообразила, что ее мешок все еще был привязан к спине, защищал ее клинки от нежелательного обнаружения.

— Добро пожаловать в наш дом. Сзади есть вода, если хочешь помыться. Ты выглядишь грязно.

И Аса стала частью семьи. Она поклонилась доброте Аяно и пошла мыться.

Той ночью Аса ела, как не было больше месяца. Они втроем ели говядину и овощи с крепким вином. Асе позволили все чашку из-за ее возраста, но весь ужин был вкусным. Аяно чудесно готовила.

После они сидели, сытые. Дайки рассказывал истории из своего времени в армии Исаму. Несмотря на усталость, Асе было интересно. Дайки был типичным пехотинцем, и его точка зрения была такой, какой Аса никогда не слышал. Больше всего его бывший отряд беспокоили хулиганства, и большая часть историй Дайки вращалась вокруг шуток и скучных высших командиров.

Она никогда по-настоящему не думала о войне и сражении с точки зрения тех, кто к ней был ближе всего. Если бы во время службы Дайки вспыхнул конфликт, он был бы одним из первых, кто погиб. Аса, как клинок ночи, использовалась бы с осторожностью любым разумным командиром, в то время как Дайки был бы брошен в гущу битвы, никто не думал бы о его личной жизни.

Между рассказами и тоном, которым он их рассказывал, была поразительная разница. Эти рассказы сделали его пребывание в армии Исаму ужасным: бесконечные бюрократические распри, больше правил, чем можно сосчитать, и знание, что вас могут призвать в бой в любой момент. Несмотря на это, Дайки словно говорил о давно потерянном друге. Асе было достаточно любопытно, чтобы спросить его о разнице.

Дайки засмеялся.

— Ты права. Дело в том, что каждый день моей службы, наверное, был ужасен. Если бы мне пришлось пережить те дни, я уверен, что я бы бесконечно жаловался, как и все мы тогда. Но были и хорошие воспоминания, а время смягчает грани боли.

Впервые за всю жизнь Аса почувствовала себя расслабленно. Возможно, из-за вина, а может, компании. Дайки и Аяно не могли быть более разными, но сила связи между ними была очевидна даже за то короткое время, которое Аса провела в их компании.

Аса иногда думала о доме и семье. Еще месяц назад всю ее жизнь двигали мысли о мести. Теперь, когда она убрала убийцу своего отца, у нее появилась возможность. Раньше ее никогда не искушали, но, сидя здесь с этой парой, она начала видеть притягательность. Это ждало ее дальше?

Она подумала о Коджи. Из всех, с кем она недавно знакоилась, он был любопытнее всего. Он убил короля. Подвиг. Она ожидала, что он сбежал. Он был слишком силен, чтобы его легко поймали.

Она поздно поняла, что ей задали вопрос. Она вздрогнула, посмотрела на улыбающегося Дайки.

— Простите, что?

Дайки отмахнулся от вопроса.

— Не нужно извиняться. Было грубо так задерживаться. У нас давно не было гостей, и я забыл, что ты устала после пути.

— Нет, вы оба были очень добры. Простите, но я давно не была так расслаблена. Я искренне благодарна.

Аса снова похвалила еду Аяно, а потом удалилась в комнату и уснула, едва голова легла на подушку.

На следующее утро Аса проснулась в тихом доме. Она заподозрила ловушку, едва не выскочила из постели. Однако проверила чувством, ощутила, что Дайки снаружи работал в своем пространстве за домом. Она нигде не чувствовала Аяно.

После первоначальной паники Аса не спешила готовиться к новому дню. Она подумала, что ей следует продолжить путь к Звездопаду, но было трудно собрать энергию или желание для этой задачи. Ее ночь была мирной и непрерывной. Сейчас это было все, чего она хотела.

Она неспешно проверила оружие в уединении комнаты. Как и ожидалось, все были в отличном состоянии, но лучше проверить, чем погибнуть. Она спрятала их на своем теле в привычных местах и вышла поговорить с Дайки.

К тому времени, как она добралась до его большого рабочего места, Дайки сильно вспотел. Некоторое время она наблюдала за ним. На стенах в точном порядке висели инструменты, ручные пилы разных форм и размеров, молотки, долота и множество других предметов, которые Аса не знала. Насколько могла судить Аса, он строил низкий столик. Она никогда не видела в действии мастера по дереву, но ее любопытство тут же загорелось.

Дайки не заметил ее присутствия, хотя Аса намеренно поднял шум, подходя, чтобы не напугать его. Он должен был знать, что она здесь, но его внимание было сосредоточено на ремесле.

Он разрезал дерево пополам, его пила двигалась вперед и назад плавными, ровными движениями. После этого он занялся очисткой краев доски, их сглаживанием. В мгновение ока Аса увидела доску, которую можно было добавить к столу.

На ее глазах он взял сырье и придал ему форму, которую можно использовать каждый день. Она наблюдала, как он соединил созданную доску с другой, его удары и техника были простыми, но красиво удерживают две части вместе.

Она, вероятно, стояла там большую часть утра, когда он поднял взгляд, его глаза смотрели на нее, как будто он только что проснулся.

— Вы очень терпеливы для молодежи. Мой сын бы уже раз десять сбежал. Прошу прощения за грубость, но когда я что-то создаю, мне трудно остановиться.

Аса была совершенно не против и сказала то же самое.

— То, что вы делаете, увлекательно.

— Да. Знаю, мое время в армии не было интересным, но все время на службе я мог думать только о том, что нужно уничтожить, чтобы выполнить долг. К счастью, я вдел бой лишь раз, этого мне хватило. Когда я вернулся, я помогал отцу на ферме, но я всегда хотел делать больше. Я всегда хотел создавать.

Аса посмотрела на работу в процессе.

— Вы очень хороши.

— Спасибо. Я много лет старался улучшить технику.

Дайки явно заметил, как взгляд Асы блуждал по его инструментам.

— Хочешь помочь?

Аса удивила себя, согласившись. Вместе они пошли работать за столом, день пролетел. Дайки был терпеливым учителем, уделял особое внимание деталям и вниманию, а не скорости и завершению. Аса погрузилась в обучение, движущуюся медитацию.

Солнце уже садилось, когда Аяно позвала их на ужин. Аса так отвлеклась на помощь Дайки, что не заметила, когда Аяно вернулась домой. Еще более удивительным было осознание того, что ее даже не беспокоила эта увлеченность.

Этот вечер был почти повторением вчерашней ночи. Дайки и Аяно рассказывали истории, и Аса слушала их с восхищением. Как и прежде, она устала, ее плечи, спина и руки болели от физического труда.

На следующее утро она встала рано, позавтракала с парой. Аяно ушла в дом соседа, Аса поняла, что она делала так все время. Дайки повел ее к рабочему месту, и вместе они вернулись к работе за столом.

К полудню проект был завершен. Аса отступила и восхитилась ее работой, глубокое чувство удовлетворения наполнило ее кости. Было что-то в создании физической вещи, имеющей смысл. Она легко провела пальцами по поверхности, улыбаясь.

Она мало что сделала. Большая часть работы по-прежнему выполнялась Дайки. Но она помогла сделать стол.

Дайки посмотрел на нее и улыбнулся.

— Идеально. Спасибо.

Он ходил по кабинету, убирая инструменты, явно готовый к сегодняшнему дню. Ошеломляющее чувство потерянности внезапно охватило Асу. Что делать до конца дня? Должна ли она вообще оставаться?

Движение Дайки привлекло ее внимание, и она сосредоточилась на мужчине. В руках он держал два деревянных меча чудесной работы. Он протянул ей один.

— Может, окажешь мне честь коротким сражением?

Мысли Асы метались, сбитые с толку внезапным сдвигом. Она напряглась, когда поняла, что каким-то образом он знал, кто она.

Его смешок только смутил ее еще больше.

— Прости. Да, я знаю, что ты клинок ночи, но тебе не о чем беспокоиться. Твой секрет в безопасности со мной.

— Как вы узнали?

— Что ж, для женщины необычно путешествовать одной, но уже не так. Я наблюдал за тобой, когда ты пришла в деревню. Тебя выдало то, что ты взглянула на одного из моих соседей, прежде чем он даже свернул за угол, прежде чем ты могла его увидеть. У тебя есть дар чувства, и когда-то я был мечником, так что вижу умение, а это значит, что ты — клинок ночи.

— Зачем вы позвали меня, если знали?

Дайки вздохнул.

— О клинках ходит много сплетен. Я не знаю, что правда, а что нет. Но все всегда говорят о клинках, как будто они — одна большая группа, которая действует и думает одинаково. Они забывают, что будут хорошие лезвия и плохие клинки, точно так же, как есть

хорошие и плохие люди. Ты — клинок, но, похоже, у тебя благородный дух, и я всегда готов помочь праведным людям. Я ошибся насчет тебя?

Аса уставилась на пол, стыдясь такой простой веры.

— Я даже не знаю.

Нежный смешок Дайки заставил ее поднять взгляд.

— Только хороший человек будет неуверенным, так что можешь поверить мне.

Он отошел от нее и занял боевую стойку.

— С тех пор, как я был в армии, я хотел сразиться с клинком. Теперь, впервые, у меня есть такой шанс. Сразишься?

Аса еще не осознала, все еще шокированная тем, что ее секрет стал известен. Но ей нравился Дайки, и любая практика казалась лучше, чем никакой. Она согласилась.

Она ждала, когда он нападет, но он, казалось, хотел позволить ей нанести первый удар. Это было нормально. Она вступила в бой, атакуя по базовой схеме, которой мог избежать любой обученный. Этот шаг был проверкой. Дайки выглядел почти обиженно, потому что она попробовала что-то такое простое. Прежде чем он успел пожаловаться, она снова напала, пытаясь отогнать его.

Дайки устоял. Асу удивляла ловкость мужчины. У него были седые волосы, но его движения были сильными, как у воина младше. Аса все еще ощущала каждое движение, но бой был лучше, чем она ожидала.

Она дважды проникала близко к нему, нанося каждый раз мягкие удары. Она отскакивала, но он нападал снова, широко улыбаясь. Он выглядел как ребенок, получающий подарок, которого ждал целый год.

Он атаковал серией ударов, которые заставили Асу защищаться. Атака закончилась выпадом в сторону ее сердца, он явно тренировал это десятки раз. Комбинация была хорошей, меч противника оказался бы в плохом положении против выпада. Против другого воина это сработало бы. Но Аса ощутила атаку Дайки и легко уклонилась, коснувшись мечом его шеи в ответ.

Хоть он проиграл, Дайки смеялся от души, Аса такого смеха еще не слышала. Его энтузиазм был заразителен, и Аса не могла не улыбаться. Прошло слишком много времени с тех пор, как она тренировалась.

Когда Дайки перевел дыхание, он низко поклонился ей.

— Спасибо! Когда я был моложе, я тренировал эту последнюю атаку каждую ночь, думая, что открыл, как победить даже могущественного клинка ночи! Мне повезло, что у меня никогда не было возможности попробовать настоящую сталь.

Аса ответила на поклон Дайки.

— Атака была хорошо спланирована, но этого недостаточно, чтобы победить одаренного чувством.

— Окажешь мне еще одну услугу?

— Если я могу.

— Могу я увидеть одну из твоих техник?

Аса согласилась, вытаскивая мечи из ножен на спине. Без представления она стала двигаться. Она сосредоточилась на положении ступней, пока меч опускался, а затем сразу поднялся и развернулся, нанося удар сверху. Она ударила по воздуху, затем повернулась и нанесла низкий удар. Практика была приятной, мышцы расслабились от напряжения, о котором она и не подозревала. Как всегда, она начала медленно, прибавляя скорости по мере

того, как сосредоточилась. К тому времени, как она закончила, ее клинки поднимали опилки, проходя близко к полу.

Она вложила мечи в ножны, радуясь возможности попрактиковаться, но боясь реакции Дайки. Ей незачем было волноваться. Если это было возможно, его улыбка стала еще шире, отражаясь в его глазах.

Он недоверчиво покачал головой.

— Я, конечно, слышал истории о владении клинками, но я никогда в жизни не видел ничего подобного. Насколько ты хороша?

— Лучше, чем многие, но далеко не лучшая, — ответила она. Говорить правду тоже было приятно. Она устала прятаться и лгать, чтобы оставаться в безопасности.

Аса помогла Дайки убраться в мастерской, смести опилки и разложить инструменты. Они закончили, Дайки не дал ей уйти.

— У тебя есть планы?

— Нет. Я думала проверить ситуацию в Звездопаде, но я не хочу участвовать в том, что происходит.

Дайки задумался на миг, а потом сказал:

— Мне, конечно, нужно сначала поговорить с Аяно, но ты можешь оставаться тут, сколько хочешь. Я благодарен за помощь, и я вижу, как тебе хочется место для тренировок. Мастерская тут небольшая, но тебе хватит, чтобы скрыться от взглядов.

Аса была благодарна больше, чем могла себе представить. Но вопрос остановил ее.

— Аяно тоже знает?

Дайки покачал головой, в его поведении было видно печаль.

— Нет. Моя жена очень хорошая женщина, заботится только о безопасности дома и нашего сына. Но, когда он ушел, она легко поверила новостям из Убежища. Она бы с радостью отравила тебя, если бы знала правду.

Асу это не расстроило, но она не понимала. Не могла. Но она действительно сочувствовала женщине. Ее сын был на войне, его будущее становилось все более неопределенным с каждым днем. Большинство людей сталкивались с клинками всего несколько раз в своей жизни, и то только на мгновение или самое большее на вечер. С даром, столь загадочным для тех, кто им не обладал, клинки были легкой и очевидной целью. По крайней мере, в этом Шин был прав.

— Я понимаю. Если мое присутствие станет причиной разлада между вами, я уйду.

— Ерунда. Ты хорошо скрываешь свое мастерство, и я не сомневаюсь, что она тебя не обнаружит. Она не из тех, кто лезет в душу, по крайней мере, не дальше вопросов. Похоже, тебе стоит отдохнуть, и я рад, что у меня есть помощник.

— Я очень благодарна, — Аса снова поклонилась. — Большое спасибо.

— Не за что. Скажи, ты позволишь мне и дальше наблюдать за твоей тренировкой?

Аса кивнула, на ее лице появилась редкая улыбка от мысли о новых ночах непрерывного сна.

Глава 6

Свечи догорали, и Мари стоило уже готовиться ко сну. Но она не могла прогнать ощущение, что ее брат вел их дом к обрыву.

Армия Исаму была уничтожена силами Каташи. К счастью для побежденного лорда, он не был пойман или убит, но у него почти не было шансов на трон. Силы Каташи тут же повернули и пошли к армии Хироми, но бой еще не прошел. Если Мари могла повлиять, боя

и не будет.

Она прижала ладони к глазам, пыталась отогнать усталость. Целый день она читала и перечитывала всю имеющуюся информацию. Одна из ее теней, служанка при дворе Каташи, дала ей представление о разуме молодого лорда.

Каташи не праздновал победу. Тень Мари принесла ему вино, но он отказался. Она утверждала, что он изучал карты с пугающим вниманием. Мари заплатила бы золотом, чтобы точно знать, что изображено на этих картах, но намерение Каташи было ясным.

Он был сосредоточен на уничтожении военной мощи Исаму и Хироми.

Мари вздохнула. Мужчины всегда сосредотачивались на демонстрации своей силы, думая, что власть проистекала из мощи, и что соревнования могли решаться только на поле битвы. К сожалению, Хироми верил в то же самое.

Ее брат под влиянием генералов готовил войска к битве. Мари не была генералом, но она видела, как хорошо организованы войска Каташи. Силы ее дома тоже были дисциплинированы, но она не думала, что они выиграют.

Но у нее не было полномочий остановить бой. Хироми был полон решимости, его гордость требовала, чтобы он атаковал и завоевал трон с одной чистой победы. Его генералы шептались ему на ухо, говоря, что каждый день промедления был еще одним днем, когда он позволял врагу отдохнуть и подготовиться.

«А что знает женщина, когда дело касается таких дел», — с горечью подумала Мари. Они участвовали в одном сражении, и, казалось, видели два совершенно разных конфликта. Даже если Хироми и его генералы были правы и могли победить, какая польза от этого? Сотни, если не тысячи, их людей умрут. И даже если они выиграют, чтобы Хироми стал королем, Исаму и Каташи нужно было признать его.

Мари искала выход, просматривая свои письма и переписку теней, разбросанных по Королевству. Все лорды думали о своих землях и людях. Но о здоровье Королевства больше никто не думал.

Их последнее собрание совета было утром, и Мари знала, что они примут решение пойти на войну. Она неоднократно просила Хироми прийти к ней или принять ее, но все ее послания остались без ответа, а его стража прогнала ее. У него не было с ней личных разговоров, и если она выскажется на совете, она рискнула потерять то небольшое влияние, которое у нее было.

Она стукнулась тихо лбом об стол, сдвигая бумаги. Стонать из-за сложностей было бесполезно. У нее еще было время. Если Хироми выбрал для них этот путь, развернуть его не выйдет. Дома пойдут воевать, и земля будет опустошена. Ей нужно было остановить брата.

Плеча Мари нежно коснулись. Она проснулась, голова загудела от резкого движения. Она открыла глаза и быстро заснула, ругая себя за то, что снова уснула за письменным столом.

Она посмотрела на Такахиро, главу ее личной стражи и близкого друга для нее и всей семьи. Такахиро был на пару лет старше Джуро, один из лучших мечников в их доме. Он был главой стражи Мари десять лет, он был к ней теперь ближе всего, когда Джуро ушел в Великий Цикл.

— Прости, что разбудил, но вот-вот начнется собрание совета.

Мари не спешила. Такахиро знал, сколько времени ей требовалось на подготовку, и он дал бы ей достаточно.

Она почти не двигалась. Решение не пришло к ней ночью. Она не знала, что делать. Она не знала, как продолжать. Их ждала война.

Но она не могла дать этому остановиться. Она попробует, а если не выйдет, попробует снова. Хироми послушает ее, даже если это означало, что ей придется отдать кусочек власти, который у нее оставался.

Такахиро заметил ее колебания.

— Что тебя беспокоит?

— Хироми разрушит этот дом, если пойдет на войну. Но, кажется, никто в это не верит.

В отчаянии Мари повернулась к Такахиро.

— Ты веришь мне?

Такахиро не стал ей лгать и тщательно продумал свой ответ.

— Я не причастен к дискуссиям командиров, так что это неполный ответ. Однако я понимаю, что одна из причин, по которым мир всегда поддерживался, в том, что дома имеют примерно одинаковую силу. В таком случае решающая победа сложна, а то и невозможна.

— Так как же предотвратить катастрофу?

Такахиро нахмурился.

— Я не знаю. Моя роль в жизни всегда заключалась в том, чтобы подчиняться приказам. Я не знаю, как манипулировать мнением других.

Разочарованная, но не испуганная, Мари отпустила Такахиро, готовясь к новому дню. Она не знала, что сделает, но, возможно, представится шанс. Она будет готова.

Когда пришла Мари, совет еще не начался, чему она была благодарна. Она опустилась на колени в углу, ожидая прибытия остальных генералов.

Когда начался совет, сразу же заговорили о подготовке к войне. Мари опешила. Она не осознавала, как далеко зашла дискуссия. Все в комнате говорили, будто решение о бое уже было принято. Все, что оставалось, — это придумать и осуществить лучший план.

Мари нужно было поговорить с Хироми наедине. Она кашлянула и попыталась повторить трюк, который сработал раньше, но суровый взгляд младшего брата дал понять, что такое поведение недопустимо. Мари чувствовала себя запертой в невидимой клетке, которая медленно сужалась.

Понимание было сокрушительным. Ее клетка была очень реальной, и она была заполнена песком, душала ее и делала ее беспомощной. Она ничего не могла сделать. Ничего не изменится. Она боролась с желанием плакать, ругаться и кричать.

Она знала, что поступок был неразумным, но не могла позволить разговору продолжаться без ее голоса.

— Мой лорд.

При звуке голоса Мари все в комнате посмотрели на нее, среди них не было ни одного дружеского взгляда. Она знала, как они ее видят — женщину, которой ее старший брат дал слишком много голоса. Ее присутствие было в лучшем случае раздражением, а в худшем — угрозой. Самым строгим взглядом в комнате был взгляд Хироми. Мари исчерпала все свое влияние на него. Слезы чуть не потекли по ее лицу, когда она поняла, что поступила глупо, полагая, что обладала какой-либо властью над этими мужчинами. Тем не менее, она не доставила им удовольствия.

— Я понимаю, что не мне говорить, но вы все дураки. У нас нет шансов завоевать трон силой. Любая победа уничтожит нас так же непременно, как и наших противников.

Гордость и честь должны уравниваться нашим долгом перед народом. Остановите это безумие и найдите другой путь! Ради нашего народа, прошу!

Мари было что сказать, но ее брат подал знак охранникам. Она сыграла свою последнюю карту, уверенная, что это не сработает, но все равно сделала так.

— Хироми, ты же знаешь, что это неправильно! Ты должен знать, что не сможешь победить, если приведешь наш дом в эту войну. Ты знаешь, Джуро согласился бы со мной.

Глаза Хироми впились в нее сильнее, мгновенно превратившись из камня в сталь.

— Джуро мертв. Моя дорогая сестра, твое присутствие на совете больше не требуется. Спасибо за службу.

Мари почти боролась с охранниками, но, по крайней мере, смогла сохранить свое достоинство.

Дверь захлопнулась перед лицом Мари, и, как только она скрылась из поля зрения генералов, она позволила своим слезам пролиться. Она могла думать только о своем народе и о страданиях, которые им предстояло вынести из-за того, что их лорд хотел быть королем.

Мари вытерла слезы и выругалась у двери. Она найдет способ спасти свой народ.

Мари сосредоточилась на дыхании, натянула тетиву до лица, ладонь удобно легла под ее ухом. Она думала о дыхании и положении тела, разум опустел от отвлечений, была лишь ее стрела. Она выпустила стрелу плавно, и та вонзилась в яблочко.

Такахиро рассмеялся.

— Не знаю, почему ты зовешь меня каждый месяц, чтобы повторить эту игру. Мы оба знаем, что ты с луком куда лучше, а я лучше не становлюсь.

Мари отошла от линии, удовлетворенная выстрелом. Она целилась немного выше, но попала. В бою ее стрела убила бы врага, и это все, что имело значение.

— Сделай выстрел. Может, тебе повезет.

Такахиро взял лук, и Мари раскритиковала его позу в своей голове. Его тело было слишком напряженным, ему не хватало устойчивости, и она видела, как острие его стрелы двигалось взад и вперед, пока ее страж целился. Он хорошо отпустил тетиву, но выстрел был низким, попал в цель на несколько ладоней ниже стрелы Мари.

Как солдат, Такахиро обучался владению мечом и луком, но его навыки обращения со сталью намного превосходили его мастерство владения луком.

— Кажется, я снова оказался прав.

Тон его голоса указывал на покорность, но Мари знала, что ему нравились эти прогулки не меньше, чем ей. Он тренировался каждый день со своим мечом, а Мари практиковалась с луком так часто, как только могла. У него было столько же шансов победить ее в состязании по стрельбе из лука, сколько у нее одолеть его в бою на мечах.

В детстве Мари всегда хотела тренироваться с Джуро и Хироми. Их отец не хотел этого. Мечи предназначались для мужчин, и его дочь не стала бы так тренироваться. Но он смягчился насчет стрельбы из лука, и Мари стала тренироваться. Она стремительно опередила мальчиков, став лучшим лучником в семье. Этот подвиг всегда был предметом гордости для нее, даже если ее братья отказывались это признавать.

Когда Мари выросла в молодую женщину, Джуро обучил ее искусству боя на ножах. Его объяснение было простым и прямым, как он сам. Мир был опасным местом, особенно для женщин. Стражей не всегда хватало. Нож мог убить противника или даже себя, если ситуация была достаточно тяжелой. Мари приняла это обучение с таким же рвением.

Благодаря ножу и луку Мари обрела уверенность в своих физических способностях. Она осознавала свои ограничения, но также знала, что она была намного опаснее многих женщин. Противники недооценивали ее, и в некоторые дни ей хотелось использовать это в своих интересах.

Она надеялась, что прогулка с Такахиро очистит ее разум, но в лучшем случае это отвлекло ее на время. Было принято решение атаковать Каташи. Несмотря на то, что Мари и глава ее стражи наслаждались послеобеденной стрельбой из лука, их люди собирались и готовились к штурму. Если бы она позволила себе слишком много думать о ситуации, то рассердилась бы.

В ее разуме зарождалась идея, потому она и позвала Такахиро. Он всегда честно давал ей советы, это было редким качеством в их доме.

Мари весь день думала, обсудить ли ее идею. Но если не рискнуть, она ничего не получит, а времени оставалось мало.

— Такахиро, я бы хотела твой совет.

Страж оторвал взгляд от лука, его лицо ничего не выдавало.

— Я подумывала побывать в Звездопаде.

Такахиро не отреагировал, это помогало ему в картах и на службе ей. Он продолжил разбирать лук, словно ничего не произошло.

Мари хотела сказать больше, но она хотела его реакцию.

Он не заставил ее долго ждать.

— Такое решение кажется не мудрым.

Это было произнесено без эмоций, и она это отметила. Сейчас в Звездопад идти было не просто не мудро, а глупо. Мари хваталась за все возможные шансы.

— Почему вы думаете, что такой поход стоит риска?

Мари осторожно выбирала слова. Если она не убедит Такахиро, который с радостью служил ей годами, то ее идея была глупой.

— Если есть хоть какая-то надежда на мир сейчас, когда мой брат решил пойти на войну, то это с клинками. Общество может быть против них, но мы не можем игнорировать их силу. Каждый путь к миру, который я придумала, включает их, будь то союз с одним домом или подавление всех трех.

Лицо Такахиро вытянулось, и Мари задалась вопросом, что его опечалило.

— Миледи, вы всегда понимали действия домов намного лучше, чем я. Но, если можно так сказать, вы не понимаете своих подданных так хорошо, как я. Общество не просто настроено против клинков. Они ненавидят клинков. Люди всегда боялись и уважали силу, которой они обладают, но лорд Шин подтолкнул этот страх еще на один шаг к гневу. Он развел огонь, который будет гореть еще долго после того, как руины Убежища перестанут тлеть.

Мари было стыдно признаться, что это было новостью для нее.

— Ты уверен?

Его голос был твердым.

— Мари, они заживо сжигали клинков дня. Клинков дня, которые были в своих деревнях, чтобы лечить. Они отвергли солдат, носящих мечи, просто потому, что подозревали, что солдат может быть клинком ночи. Клинков обвиняли во всем, от голода до загадочных болезней. В истории сложно поверить, но я слышал их от солдат, возвращающихся из патрулей. Если у вас есть какой-то план, который зависит от клинков, я

настоятельно рекомендую его пересмотреть.

— Но что, если они абсолютно необходимы?

Такахиро покачал головой.

— Тогда я боюсь, что мы обречены.

В ярости Мари прошла к своему луку, подняла его и поправила тетиву. Одним движением она вложила стрелу, подняла лук, натянула тетиву и выпустила стрелу в самое сердце мишени.

— Такахиро, я не вижу другого выхода. Ни один из домов не имеет превосходства над другими. Каташи одержал скорую победу, но у него нет войск или ресурсов, чтобы завоевать и удержать все Королевство.

Ее страж согласился.

— И зима близко. Он надеется, что Исаму и Хироми капитулирует, если он победит вашего брата. Но даже если он победит против нас, он не может отправляться в крупную кампанию. Ему нужно будет готовиться к атаке весной, но к тому времени мы поднимем защиту. И нас будет ждать затяжная война.

Это ужасно беспокоило Мари.

— Нам нужны клинки, Такахиро. Даже если их ненавидят, их сила нужна, чтобы положить конец конфликту.

Она смотрела, как мысли борются в нем, по его лицу. Он не хотел помощи клинков, но видел достаточно сражений, чтобы понимать ужас затяжной войны. Вопрос в том, что было меньшим из двух зол для него? Мари была уверена в своем ответе, но Такахиро для нее представлял народ. Если он выберет разрушение войны, все ее планы будут напрасными.

Он принял решение и посмотрел ей в глаза.

— Как мы выберемся отсюда посреди приготовлений к бою, чтобы попасть в Звездопад?

Глава 7

Меч Коджи рассекал густой воздух амбара за домом фермера. Хоть осенняя погода все еще была холоднее обычного, Коджи был голым по пояс в амбаре. С потом его не лучшей тренировки и жаром, исходящим от животных, ему было достаточно тепло.

Коджи снова и снова взмахивал, ступни, руки и меч были продолжением его сердца. Он давно закончил упражнения и теперь сражался с волнами воображаемых противников. Его руки скользили по рукояти, но он не мог остановиться. Он не мог остановиться, пока не устал.

Амбар был одним из величайших подарков фермерского дома. Путешествовать инкогнито означало не заниматься в ранние утренние часы, и Коджи всегда чувствовал себя не так, когда пропускал тренировку, как будто последующий день был для него не совсем реальным. Его упражнения поддерживали его, сохраняли привязанным к настоящему моменту.

Он сердито сделал выпад, представив себе маленькую ухмылку Рё, как другой клинок всегда смеялся над шуткой, которую никто не понимал. В его сознании его следующие атаки рассекали Хироки, крупного человека, потрясенного из-за своей смертности.

Коджи хотел ускорить тренировку, двигаться быстрее, приближаясь к пределам своих возможностей. Но он не посмел. Рё и Хироки стали в его разуме врагами. Независимо от того, был он уверен в этом или нет, он не хотел рисковать, демонстрируя всю свою силу. Лучше быть недооцененным.

Он собирался сразиться с ними утром после того, как к нему пришла Хана. Этим утром Рё завтракал с ним. Хироки не присоединился к ним, оставшись рядом с младшей дочерью семьи.

Рё пристально посмотрел на него через стол.

— Ты не спал с девушкой прошлой ночью, — комментарий был наполовину заявлением, наполовину обвинением.

Коджи встретился взглядом с другим ночным клинком. Он не мог действовать, пока Хироки был в другой комнате. Ему нужно было выждать, пока они двое окажутся вместе. Тогда он сможет противостоять им и сразиться, если противостояние перерастет в жестокость. А до тех пор ему приходилось подыгрывать. Он не умел обманывать.

— Она была не в моем вкусе.

Рё медленно кивнул, и Коджи ощутил отчетливое ощущение, что клинок ночи расплетал его слова и смотрел прямо на правду. Ни один из них не был уверен в другом. Каждый ощущал подозрения, но ни один из них не хотел проливать кровь, пока что.

С того завтрака два клинка ночи никогда не были вместе. Один всегда был с членом семьи, а другой выполнял различные повседневные дела. Рё, в частности, постоянно писал и принимал письма. Из семьи фермера вышли отличные курьеры.

Шли дни, Коджи встретил членов семьи, в чьем доме теперь спал. У отца только появилась седина в волосах, и он заметно хромал. Его жена была невзрачной женщиной, которая готовила одни из лучших блюд, которые Коджи когда-либо пробовал. Оба старались избегать его, и он видел пару только мельком.

Коджи видел чаще четверых детей. Старший сын часто уносил письма Рё, но иногда отправляли старшую дочь, на один или два года младше сына. Двое младших детей, также сын и дочь, чаще всего выполняли работу по дому.

Никто из них особо не разговаривал с Коджи, они смотрели в другую сторону, когда он входил в ту же комнату или коридор. Время от времени старшая дочь смотрела в глаза, но в остальном ему казалось, что он жил в доме призраков.

Чем больше времени Коджи проводил с двумя другими клинками, тем больше он начинал верить, что они замешаны в чем-то большем. Переписка была самым большим ключом к разгадке. Курьеры прибывали в течение всего дня, и с первого взгляда у Коджи создалось впечатление, что они были вынуждены выполнять свои обязанности, как и семья фермера. Объем показывал, что письма доставлялись недалеко. Коджи охватило любопытство, но он сдерживался.

Каждое утро, просыпаясь, Коджи надеялся, что именно в этот день он сможет обсудить поведение захватчиков. Он чувствовал их действия по ночам, и все, что он мог сделать, это не вылететь из своей комнаты. Но разве молчание не лучше потери жизни? Каждую ночь он сжимал зубы и сдерживал гнев.

Рё, по крайней мере, был умен. Эти двое не ошибались, никогда не были вместе нигде, кроме как рядом с заложником, и Коджи с таким же успехом мог быть привязан к стулу, ведь не мог помочь. Его единственным выходом была утренняя тренировка, какой бы неудовлетворительной она ни была.

Коджи почувствовал приближение Ре к амбару, но не прекратил тренироваться. Он перешел на стандартные упражнения, которым учили всех клинков ночи, когда они были юны. Его меч поднялся над его правым плечом выше головы, и он развернулся, отступил и нанес удар. Он шагнул вперед и снова поднял свой меч, его тело легко вспомнило технику,

которую он прорабатывал тысячу раз. Даже если бы Рё наблюдал за ним, он мало что узнал бы из практики.

Рё наблюдал, как Коджи завершает технику, затем одобрительно кивнул.

— Жизненно важно практиковать основы. Хироки может чему-то научиться из твоей преданности делу. Как давно у тебя статус мастера?

— Почти два года, — Коджи не мог не почувствовать прилив гордости в груди. Он был одним из самых молодых клинков ночи, когда-либо проходивших испытания мастерства.

Ре согласился.

— Ты был молод, — клинок, казалось, собирался сказать что-то еще, но остановился. Но Коджи мог догадаться. Прохождение испытаний в таком раннем возрасте указывало на уровень мастерства, который Коджи еще не продемонстрировал. Его ограниченная тренировка была еще одним доказательством того, что он не доверял Рё.

Коджи хотел прервать мысли Рё, пока они не зашли слишком далеко. Если он собирался помочь семье, ему нужно было оставаться в благосклонности Рё.

— Я могу помочь?

Рё вышел из транса и посмотрел на Коджи.

— Да. В этот вечер собираются клинки. Я хочу, чтобы ты присоединился ко мне.

— Хироки идет?

Рё покачал головой.

— Он хотел бы, но кто-то должен остаться здесь, чтобы семья не пыталась распространять о нас новые необоснованные слухи. Он хотел, чтобы я попросил тебя остаться, но мы оба решили, что для тебя важнее встретиться с некоторыми людьми на собрании.

Коджи обдумал предложение. На самом деле он не мог отказаться. Встреча была либо проверкой его верности, либо ловушкой. Возможно, всем сразу. Но Рё подтвердил то, что подозревал Коджи — поблизости были другие клинки. Коджи хотел пойти на встречу, независимо от ее цели. Он боялся оставить семью наедине с Хироки, но не видел лучшего варианта.

— Было бы приятно познакомиться с другими клинками. Спасибо за приглашение.

Рё слегка поклонился и ушел.

Коджи покинул дом со странной смесью трепета и волнения. День прошел, как последние несколько дней. Он тренировался и пытался медитировать, пока Рё и Хироки занимались повседневными делами. Коджи внимательно следил за любыми перерывами в их распорядке. Он ничего не нашел.

Солнце село, когда двое воинов покинули дом. Коджи был впечатлен холодной погодой. До зимы был еще месяц, но снег хрустел под его ногами, пока они шли. Он понял, что будет почти невозможно куда-то пойти, не оставляя следов.

Он следовал за Рё, который, казалось, хорошо знал эту землю. Они без колебаний двигались вперед по темному снегу, к неизвестному месту назначения. Их путь был тихим, Коджи направил чувство дальше, чем обычно, чтобы заметить любые возможные ловушки.

Он почувствовал клинков незадолго до того, как увидел другой фермерский дом. Удивительно, учитывая, что они были на равнинах. Он должен был увидеть его раньше. Только после того, как они поднялись на небольшой холм, Коджи понял, что Рё подошел к ферме, удерживая холм между ними и их местом назначения. Коджи не был уверен, но они

явно выбрали не прямой путь. Неужели клинки сделали ловушки для защиты фермы? Чувство не очень помогало против заостренного кола в земле посреди ночи.

На ферме оказалось больше клинков, чем ожидал Коджи. Ему показалось, что многие клинки из Убежища оказались тут. Не меньше двух дюжин.

Коджи не ожидал того, что обнаружил, когда вошел. Мало того, что фермерский дом был заполнен клинками, но и настроение было почти бурлящим. Одаренные свободно разносили кружки с напитками, и комната наполнялась смехом и криками.

Все в нем сжалось. Ему хотелось напиться, но увиденное вызывало отвращение. Некоторые клинки были так пьяны, что лица были красными, а голоса — неуправляемыми. Другие были сдержаннее, но их было мало. Коджи помнил, что за стенами Королевство охватила гражданская война. Его гнев был сильным, и потребовались все силы воли, чтобы сдержаться. Рё пристально смотрел на него.

Коджи взял первую предложенную кружку. Одна не навредит, и если выпивка отгонит подозрения Рё, это даже лучше.

Они общались, больше клинков собралось в доме. Коджи узнал некоторых. Пока он был рядом с Минори, он ходил в места, где собирались клинки в Убежище. Он искал лидеров или клинков, наиболее склонных к распространению слухов. Им он рассказывал свою историю о приговоре к смертной казни за выполнение долга. Минори спас его, и задача Коджи заключалась в том, чтобы дать клинкам понять, что его хозяин встал на защиту их прав. Благодаря этой работе Коджи знал нескольких человек, и некоторые тоже узнали его.

К счастью, его имя было известно сильнее, чем лицо. Многие видели его так же, как он видел их — в гостиницах и чайных вокруг Убежища. Один или двое знали его имя, но он изо всех сил старался держаться от них на расстоянии в маленьком зале.

Дверь в комнату открылась еще раз, и в толпе медленно воцарилась тишина. Коджи повернулся, все в нем сжалось, когда он увидел, кто вошел.

Коджи слишком хорошо знал ее, и она знала его тоже. Ее звали Акане, яростный клинок ночи, которая была готова смотреть, как мир сгорает. В местах, куда Коджи приходил в качестве помощника, сочувствовали его рассказу. В ту ночь Акане хотела выйти на улицы и атаковать лордов.

Коджи хотел узнать о ней больше. Она была свирепой и считала, что клинки должны иметь больше власти в Королевстве. Акане явно была лидером этого отряда клинков, группы, достаточно сильной, чтобы изменить ход событий. Он подозревал, что уже знал, каковы ее цели.

Акане узнала его, и ее лицо просияло. Она закричала, хотя при ее входе в комнате практически воцарилась тишина:

— Братья и сестры! Какой замечательный день! Вы знаете, кто в комнате с нами? Это Коджи, ранее правая рука Минори и человек, убивший короля Шина!

Сердце Коджи пропустило несколько ударов, когда он многократно мысленно выругался, и на его лице появилась фальшивая ухмылка. Как она узнала? Должно быть, она была близко к платформе, увидела его. Может, ей даже пришла в голову такая же идея, а он ее просто опередил.

Все это не имело значения. Все в комнате смотрели на него, и он боялся, что они смогут увидеть сквозь его ухмылку дилемму, пожирающую его изнутри.

Они не увидели. Их улыбки стали шире, и Коджи смотрел, как оживал ужас, о котором он никогда не думал. Он был их героем. Некоторые низко ему кланялись, остальные кивали

и вопили, но он ничего не слышал. Ему несли кружки, и он пил их, надеясь найти покой. Он убил короля. Убил их короля. А они радовались ему.

Он сел справа от Акане на почетном месте. Встреча началась, и Коджи все еще не мог понять, что произошло. Звук медленно возвращался к нему, и он понял, что его кошмары сбылись. Они обсуждали увеличение рядов, чтобы биться с армиями лордов.

Внимание Коджи вернулось, когда он услышал знакомое имя. Акане продолжала монолог:

— Такаши, один из величайших командиров, научил нас, что впереди новый мир, где все смогут свободно выбирать свой путь.

Лидер группы махал книжкой. Коджи заметил надпись на обложке: «Учения Такаши».

Где он слышал это имя? Пришло воспоминание, особенно сильное в его нынешней компании. Он вспомнил, как пил с Асой в ту ночь, когда они сразились. Она рассказала ему свою историю, которая началась с убийства, совершенного ею для Совета Клинков. Такаши был человеком, которого она убила, человеком, который был командиром ее отца во время резни в Двух Водопадах.

Мир был большим пространством, но иногда не казался таким, нити жизни людей постоянно переплетались. Значит, у человека, которого она убила, были учения, которые распространялись по земле? Он задавался вопросом, посчитает ли она это таким же смешным, как он сейчас. Минори, Киоши, а теперь и Такаши. Клинки настоящего не могли смотреть дальше клинков прошлого.

Его внимание вернулось к повышающемуся голосу Акане.

— В недалеком будущем я вижу день, когда клинки смогут решать свою судьбу! День, когда нашу силу и наши способности будут уважать за их дары!

Она закончила свою речь тем, что постучала чашкой по столу и выпила. К ней присоединились многие в комнате. Коджи изучил группу. У Акане были явно восторженные сторонники, но Коджи не сомневался, что даже те, кто не кричал, тихо соглашались с ее словами.

После того, как Акане закончила, Рё заговорил следующим. Коджи принял это к сведению. Другой клинок ночи был высоко в местной иерархии.

— Наш лидер говорит правду. У нее есть видение, и каждый из нас должен воплотить его в жизнь. Наше число растет день ото дня, но мы приближаемся к точке, когда в непосредственной близости уже мало клинков. Мы с Акане поговорили, и мы считаем, что пора перейти к следующим этапам плана. Идея поселиться в фермерских домах была хорошей. Мы смогли собрать множество клинков, путешествующих между Убежищем и Звездопадом.

Это было новым для Коджи. Он думал, что наткнулся на дом случайно. Но если все тут тоже жили в домах фермеров у дороги меж двух городов, они ловили всех клинков, которые шли в Звездопад за советом. Умный и простой план.

— К сожалению, мы собираем все меньше клинков. Этого следовало ожидать. Мы предполагали, что большинство направится к Звездопаду, а в окрестностях нас осталось мало. Теперь дистанция между нами не сила, а слабость. Мы должны оставаться на небольшой территории, чтобы лучше защитить себя.

Коджи видел логику этой идеи. Если бы клинков обнаружили сейчас, армии могли бы изолировать фермерские дома и убрать их по два или три за раз. Чтобы убрать всех, потребуется подавляющая сила.

— После долгих споров мы хотели бы предложить Край Реки в качестве нашего нового места, — Рё поднял руку, чтобы остановить спор, который мгновенно разгорелся вокруг стола. — У нас будет возможность обсудить это решение, но вот наши причины: во-первых, мы послали тень в деревню несколько дней назад. Там много еды на зиму, которая обещает быть холодной. Во-вторых, благодаря выходу к реке мы сможем получать сообщения и новости быстрее, чем по суше. В-третьих, они сожгли нашу станцию. Они не любят клинков, и стоит научить их ошибаться в этом.

Собранные клинки начали бурную дискуссию, голоса поднялись от недоверия и гнева. Коджи думал, что их план очень похож на план клинков, которые жили в Двух Водопадах, и он был одним из немногих, кто знал, чем это на самом деле обернулось. Прошло более двадцати лет с тех пор, как эта группа клинков попыталась вырваться из-под власти Королевства, и каждый из них присоединился к Великому Циклу. Но он не стал раскрывать эту историю, вместо этого слушал аргументы. Казалось, они делились на две категории.

Некоторые считали, что Край Реки был слишком мал. Если они хотели расти, им нужно было больше места и больше домов. Другим казалось, что собираться неудобно. Они были более уязвимы по отдельности, но их передвижение было безопаснее. Их нельзя было уничтожить одним военным маневром.

Хоть Коджи видел гнев, он заметил признаки жизни под управлением Акане. Все клинки могли высказаться. Все озвучивали тревоги — сложности управления деревней или этику их поступков — и все тревоги обсуждались на равных. Коджи такого еще не видел, и он почти забыл контекст и был впечатлен лидерством Акане. Вот только собрание затянулось до ночи. Было быстрее сказать другим, что делать, чем убедить всех в курсе действий.

Так думал Коджи. Он смотрел со стороны, его опыт отличался. Он заметил, что, хотя было место для выражения разногласий, не возникало сомнений в том, что произойдет. Детали могли измениться, но не более крупная миссия. Несомненно, никакие опасения, какими бы серьезными они ни были, не изменили бы мнение Акане. Она хотела Край Реки, и они собирались его взять. Но сначала они собирались поговорить.

Встреча была просто маской. Еще одна иллюзия власти. Большинство клинков за столом говорили не больше, чем когда они принимали команды Совета Клинков. Они просто обменяли одного хозяина на другого.

Теперь, когда он не много выпил, Коджи не мог вызвать гнев, который у него был ранее в тот вечер. Теперь он был просто опечален. Монахи, посвятившие себя учению Великого Цикла, были правы. История всегда повторялась, бесконечный цикл, который никто не знал, как разорвать.

Когда встреча, наконец, закончилась, луна миновала пик. Как и ожидал Коджи, было принято решение атаковать Край Реки. К их чести, клинки двигались быстро, решив атаковать послезавтра.

Все собирались разойтись, когда Акане сделала последнее объявление:

— Братья и сестры, помните, что мы не можем оставлять свидетелей, когда наше движение так молодо. Когда вы покидаете фермы, убедитесь, что нет никого, кто мог бы рассказать о наших планах или опорочить нашу репутацию.

Даже в состоянии алкогольного опьянения Коджи был шокирован. Приказ был встречен остальными безмолвно.

Его гнев, даже подавленный выпивкой, снова вспыхнул, его ярость и разочарование

были такими же горячими, как всегда. Эти клинки всю жизнь тренировались защищать людей, которых теперь решили убивать! И они даже не возражали. Коджи было противно находиться среди них.

Он едва сдерживал эмоции. Раньше он не знал, что делать, но теперь был предан делу.

Холодный воздух быстро отрезвил Коджи. Он и Рё шли какое-то время, но голова Коджи уже стала яснее, и маленькие проверки рефлексов показали ему, что скорость была на месте.

Рё молчал после собрания, наверное, думал о деталях атаки. У Коджи было ощущение, что Рё заботился о деталях. Акане руководила, была фигурой, за которой были готовы следовать воины.

В конце концов, внимание Рё переключилось на Коджи.

— Что ты думаешь о встрече, убийца короля?

Коджи ненавидел титул, данный ему несколькими клинками. Вопрос был наполнен смыслом, но Коджи определился со своим курсом действий. Он не мог увести Рё и Хироки от семьи, как ни крути. Скоро у него не будет шансов.

— Я думаю, что вы все дураки.

Рё остановился как вкопанный, его рука опустилась на меч. Коджи было наплевать. У него никогда не было возможности увидеть Рё в бою, но он наблюдал за клинком несколько дней. Он был уверен, что ему не стоило бояться мастерства другого клинка.

— Повтори.

— Никто из вас не знает, что вы обречены на неудачу. Некоторые из ваших идей заслуживают внимания, но вы живете без чести.

Рё обнажил свой меч. Коджи по-прежнему не действовал. Было приятно раскрыть чувства. Если такое выражение рассердило Рё, даже хорошо, что они сразятся.

— Да, я убил короля. Я чувствовал, что это был долг чести человеку, который спас мне жизнь. Но теперь, когда я вижу результаты своих действий, я сожалею о том, что сделал. Королевство нуждается в нас больше, чем когда-либо, а вы стремитесь разорвать его на части в своих интересах.

Рё атаковал, последнее оскорбление было невыносимо для его гордости. Удар был очевиден, атаку сверху заметил бы даже обычный человек. Коджи легко уклонился, сталь безвредно полетела справа. Он ударил Рё кулаком в живот, выбил из него воздух и отбросил на заснеженную землю.

Старший клинок закашлялся и задышался, царапая живот, как будто он мог открыть его и впустить воздух. Коджи вытащил меч и ждал. Следующая атака Рё будет лучше, но Коджи хотел, чтобы он чувствовал себя таким же беспомощным, каким он заставил чувствовать себя семью фермера.

Коджи глубоко вдохнул и огляделся. В свете луны было видно пару деревьев. Многие листья еще были на них, снег упал раньше, чем деревья подготовились к зиме. Он выдохнул, дыхание вылетело паром.

Его противник напал раньше, чем он ожидал, поднял меч и попытался ударить снизу. Коджи ощутил удар и отпрянул на шаг, кончик меча пролетел на расстоянии ладони от него. Хоть он знал, что шанс был, но не напал.

Рё поднялся и бросился в атаку, быстро взмахивая мечом, но Коджи был разочарован. Он ожидал лучшего от клинка ночи. Этот бой был слишком простым.

Коджи смотрел, как огонь угасал в глаза Рё с каждым промахом. Что бы ни делал старший клинок ночи, он не мог задеть Коджи мечом.

Он отразил удар и шагнул к Рё, ударил мужчину локтем по лицу. Коджи ощутил приятный хруст, нос Рё сломался от удара.

Рё снова упал, держась за кровавое лицо. Он посмотрел на Коджи с ненавистью в глазах.

— Ты не можешь это остановить, Коджи. Ты хочешь получить все сразу. Ты вместе с клинками или теми, кто ненавидит тебя? Нужно решить. Война близко.

Рё, наверное, думал, что отвлек Коджи, потому что снова ударил. Коджи остановил его меч своим, оттолкнул слабый удар и рассек шею Рё. Противник рухнул, жизнь выливалась из него толчками.

Коджи склонился, чтобы Рё в конце видел только его.

— Война уже тут, дурак.

Коджи вернулся в фермерский дом до рассвета. Он был осторожен в бою с Рё, чтобы на нем не осталось крови. Его меч был чистым, не было следов, что он сражался.

Если кто и мог доставить проблемы, так это Хироки. Он был огромным и двигался с грацией кота. Он явно был мышцами группы. Коджи не боялся. Он был уверен в своих силах. Он с нетерпением ждал встречи с другим клинком.

Он вошел в дом и снял сандалии. Он не спешил. Он пытался двигаться, будто устал от долгой ночи, хотя ничто не могло быть дальше от истины.

Как он и надеялся, Хироки вышел в гостиную встретить его. Он взял с собой младшую дочь, но не был насторожен.

— Где Рё?

— Встреча длилась долго, и он решил ненадолго задержаться с Акане, чтобы обсудить планы. Мы собираемся атаковать Край Реки через несколько дней.

Коджи говорил небрежно, наблюдая, как Хироки принимал новую информацию. Это было лучшее время для атаки. Хироки отвлекся, и он не успеет схватить девушку до того, как Коджи доберется до него.

Коджи бросился на второй клинок ночи. Хироки был быстр. Даже отвлеченный, он вытащил меч из ножен, когда Коджи подошел к нему. Коджи, возможно, и напал первым, но единственной мыслью в его голове было увести Хироки от семьи. Он опустил плечо и врезался в Хироки прежде, чем меч мужчины смог вырваться из ножен.

Меч Хироки вернулся в ножны, и они вдвоем проббили одну из бумажных стен, разделявших комнаты. Примечательно, что Хироки сохранил равновесие, даже когда он отступил назад через просыпающуюся старшую дочь фермера.

Коджи тоже перешагнул через нее, сильно вонзаясь ногами, толкая большого мужчину через другую стену в пустую комнату. Он попытался вонзить кулак в живот Хироки, чтобы выбить из него дыхание, как с Рё, но не смог отвести кулак достаточно далеко, чтобы произвести нужную мощь, а когда он ударил, его рука будто разбилась о кирпич.

Коджи сделал последний толчок, и оба воина отпрянули. Коджи был быстрее, но рука Хироки была ближе к его руке. Коджи отразил удар Хироки, но это было опасно.

Он не ожидал, что Хироки будет так быстр. Крах большинства физически сильных бойцов на мечах заключался в том, что они имели склонность полагаться на свою силу в пылу боя. Хироки не совершил этой ошибки, и их мечи перекрестились трижды, прежде чем

они разошлись.

Коджи ожидал небольшой перерыв, но Хироки его не дал. Огромный клинок ночи использовал пространство, чтобы направить меч к слабой стороне Коджи и исполнить сильную атаку. Коджи остановил ее, Хироки повернулся на ноги, пытаясь зайти за юного клинка.

Коджи пустил его, уверенный, что Хироки привык биться с солдатами и людьми без дара. Если воин заходил за обычного человека, бой кончался. Человек не знал, что происходило, и умирал. Но клинок ночи ощущал атаки сзади. Коджи уловил атаку, пригнулся и повернулся.

Хироки был быстрым, хоть его и застали врасплох. Меч Коджи рассек одежду крупного мужчины задела его живот.

Дуэль продолжилась, Хироки был осторожнее. Рана болела, но его лицо не выдавало эмоции. Они медленно кружили, Коджи пытался удержать врага от остального дома. Он ощущал, как другие двигались за ним, собирались и смотрели на бой за их жизни.

Солнце только восходило, света хватало, чтобы семья видела, что происходило. Коджи был в худшем положении, ведь защищал их. Хироки понял это и стал двигаться к семье.

Это нужно было закончить. Хироки не был как Рё. Коджи не мог запугать его и убить, как было с его мастером. Коджи нужно было просто его убить.

Он глубоко вдохнул и бросился вперед. Сталь встретила сталь в тусклом свете. Пять ударов, и Коджи подобрался близко, был слишком быстрым для крупного мужчины. Один удар вспорол руку клинка ночи, но убил его удар в сердце. Когда Хироки умер, его лицо все еще было без эмоций.

Хоть он знал, что поступил правильно, Коджи ощущал, как его сердце разрывалось от его действий. Было все еще неправильно убивать его братьев и сестер.

Коджи ощутил движение за собой, но не отреагировал. Семья была теперь в безопасности. Он поможет убрать тело и уйдет. Он не знал, как мог спасти один Край Реки, но должен был попробовать. Если он умрет, его проблемы закончатся.

Он ощутил приближение удара, но пустил фермера близко, решив, что он не был угрозой, отвлекшись на будущее. Коджи стал поворачиваться, но мир резко почернел.

Первым ощущением Коджи была боль. А потом стало больше боли.

Он проснулся, задыхаясь, его голова немедленно вспыхнула. Он сморгнул звезды перед глазами, мог вот-вот потерять сознание снова.

Один или два раза, когда он был моложе, его били по голове, но он не мог вспомнить ни одного случая в недавней памяти. Боль была мучительной. Каждый раз, когда он поворачивал голову, боль возвращалась с новой силой.

Коджи заставил себя оставаться на месте. Он попытался дотянуться рукой до шишки на затылке, но понял, что был к чему-то привязан.

Он застонал. В тот момент его не волновало, почему его связали. Его не заботило, кто его схватил и где он находится. Все, что он чувствовал в этот момент, было непреодолимым желанием выпить бутылку сакэ.

Его воспоминания быстро вернулись к нему. Он вспомнил встречу и убийство Рё и Хироки. Он вспомнил, как фермер шел позади него в темноте. Потом он вспомнил, что клинки собирались скоро атаковать деревню.

Коджи боролся с оковами, ощущая новую волну агонии, спускающуюся с его головы по

спине. Тот, кто его удерживал, хорошо постарался. Нужно было время, чтобы сбежать, и он не знал, было ли оно у него. Как долго он был без сознания?

Дверь открылась, и Коджи с некоторым недоверием наблюдал, как фермер и вся его семья вошли в комнату. Все пришли. Сначала фермер и его жена, затем старший сын и Хана, а за ними младшие сын и дочь. Они постояли там какое-то время, и если бы не было больно шевелиться, Коджи рассмеялся бы над тем, какой абсурдной казалась ситуация.

Фермер заговорил первым:

— Прости, что я причинил тебе боль. Я увидел шанс освободить свою семью, и не был уверен, что ты лучше других. Если бы решал я, я бы убил тебя, но Хана утверждает, что ты ей помог.

Коджи взглянул на свои путы.

Фермер продолжил:

— Хотя я доверяю своей дочери, пойми: безопасность моей семьи была поставлена на карту. Я чувствовал, что это был мой единственный вариант, пока мы не поговорим.

Коджи было все равно. Семья была защищена, он выполнил долг. Его беспокоило лишь одно:

— Как долго я был без сознания?

— Почти весь день. Уже вечерет.

Коджи выругался.

— Как далеко Край Реки?

— Полтора дня пешком, а что?

Коджи выругался снова, не стесняясь младшей девочки.

— Неподалеку есть лошади?

Фермер нахмурился, вопросы его сбили с толку. Но он все еще слушался клинков, так что ответил на вопросы Коджи:

— У фермеров богаче есть лошади, но их поймали клинки.

Фермер понял, что дал ответ, хотя он был у власти. Он попытался задать вопрос:

— Ты опасен для моей семьи?

Коджи покачал головой.

— Это сейчас не важно, — он соображал.

На лошади полтора дня станут половиной. Он мог добраться до Края Реки вовремя. Ему нужно было дойти до ближайшей фермы с лошадьёю, убить клинков, пока они не ушли. Сложное задание, но если он уйдет сейчас, может, шанс еще будет.

Сначала нужно было выйти из дома. Фермер хотел задать вопрос, но Коджи впился в него взглядом.

— Отпустите меня. Живо. И направьте к ближайшей ферме с лошадьми.

Фермер опешил. Он огляделся, и Хана кивнула. Но фермер медлил.

— Ну же, старик! На это нет времени. Остальные клинки собираются атаковать Край Реки. У меня еще есть время остановить их, но мне нужно поторопиться.

Его слова заставили фермера оправиться от нерешительности. Он быстро развязал Коджи, дал ему направление к ближайшей лошади.

— Я могу пойти с тобой.

— Сможете ли вы пробежать весь путь?

Фермер покачал головой.

— Тогда вы просто задержите меня. Оставайтесь здесь и защищайте свою семью.

Коджи сел, на него накатила волна тошноты. Фермер сильно ударил его. Он неуверенно потянулся чувством, благодарный за то, что мог использовать эту способность без дополнительной боли.

Отбросив дискомфорт, Коджи встал и схватил свое оружие, сложенное в углу.

Указания фермера были ясны. Коджи побежал, видя все описанные ему ориентиры. Он мчался по полю, ноги несли его так быстро, как только могли. Однако в тот момент, когда он увидел фермерский дом, он понял правду. Он никого не чувствовал.

Ферма была для чувства так же мрачна, как и для его зрения. Он не знал, что еще делать, Коджи все равно вошел, чувствуя отвращение при виде трупов, разбросанных по полу.

Клинки, которые сделали этот дом своим домом, не обошлись с телами с уважением. Они не устроили семье воинскую смерть. Тела были покрыты синяками, ножевыми ранениями и порезами, но нигде он не нашел тела с единственным чистым смертельным ударом, которым гордилось большинство клинков.

Коджи даже не заглянул в сарай. Он мог бы почувствовать лошадей. Ничего не было.

Он вышел в поле, глубоко вздохнул и боролся с нарастающим разочарованием и гневом. Эти клинки, ведомые Акане, были позором для всего, чему его учили.

Без лошади Коджи пришлось бежать.

Глава 8

Аса выросла на ферме. Многие ее ранние воспоминания были о времени в полях, где она сажала и собирала рис. Работа всегда была для нее пыткой, но нужны были все руки, и ранние годы дали ей нынешнюю силу, повлияли на ее тело и разум.

Когда она начала тренироваться в качестве клинка ночи, она не думала вернуться к сельскому хозяйству. Работа была трудной, а награда — небольшой. Она вспомнила, как в тот день, когда уезжала, думала, пока ее мать махала рукой на прощание и плакала, что она никогда больше не будет работать на ферме. В тот день это была ее единственная счастливая мысль.

Теперь, годы спустя, она охотно работала на ферме. Было уже слишком поздно, чтобы собрать много урожая, но еще предстояло проделать кое-какую работу, с которой она была уже давно знакома.

Она была удивлена, как быстро позволила себе погрузиться в рутину. Она была с парой меньше четверти месяца, но уже проявилась определенная закономерность в ее днях. В жизни была красивая и суровая простота. Все трое вставали рано утром, Аса помогала по хозяйству, чем могла. Сбор риса был ее основной обязанностью. Она срезала оставшиеся стебли и вешала сушиться. Затем молотила рис и бросала, наблюдая, как шелуха улетает с ветром. Урожай она могла собирать без особого надзора. В других случаях она помогала Дайки в его мастерской по дереву, обучаясь и помогая.

Аяно пыталась привлечь ее к более женственным обязанностям, как стирка и приготовление пищи, но быстро обнаружила, что легче выполнять задачи самостоятельно, чем контролировать Асу. Основные недостатки молодой женщины сбили с толку Аяно, которая, казалось, думала, что Аса никогда не найдет мужа без самых фундаментальных навыков.

Дайки, по крайней мере, нравилось замешательство его жены. Он не сомневался, что Аяно оценивала Асу как пару их сыну, и явный дискомфорт Асы при этой мысли казался одной из его величайших радостей.

Несмотря на возникающие порой неловкости, Аса чувствовала себя спокойнее, чем в детстве. Каждый день был наполнен делами, и каждую ночь она засыпала усталой. Жизнь была тяжелой, но простой.

Однажды утром Аса наткнулась на Дайки на коленях перед маленьким семейным храмом Великого Цикла. Она была удивлена. По утрам он небрежно кланялся храму, но не более. Движимая любопытством, она опустилась рядом с ним на колени.

Когда он закончил, он посмотрел на нее.

— В большинстве случаев я могу вести свою жизнь так, как будто ничего необычного не происходит. Я чищу инструменты и создаю новые творения в амбаре. Я могу потеряться в работе. Больше всего то, что я делаю руками, на чем сосредоточиваюсь, позволяет мне забыть о внешнем мире.

Аса достаточно хорошо понимала его. То же самое она чувствовала и в тренировках с мечом.

— Но бывают дни, — продолжил Дайки, — когда я делаю все, что в моих силах, просто чтобы сохранять спокойствие. Дни, когда я могу думать только о том, как отчаянно скучаю по Акихиро. Мы много работали, чтобы вырастить его и дать ему будущее. Я гордился своей военной службой. Я неплохо сражался, и в то время военные дали мне приказ и цель, в которых я так отчаянно нуждался в молодости. Когда пришло время отправить моего сына на службу, я был рад, думая, что он испытает то же, что и я.

Аса не знала, что сказать. Она никогда не умела утешать других. Ее детство лишило ее этой способности. Но вид такого уязвимого Дайки заставил ее хотя бы попробовать.

— Есть все шансы, что он все еще жив.

— Возможно. Или нет. Часть меня хочет знать правду. Мой сын жив или нет? Но другая часть говорит, что лучше не знать. По крайней мере, сейчас я могу притвориться, что он все еще жив. Иногда иллюзия даже работает.

Аса указала на храм.

— Помогает?

— Иногда. Хотя бы дает надежду.

Дайки взглянул на нее, будто не был уверен, задавать свой вопрос или нет.

— Говорят, что вы, клинки ночи, знаете о смерти больше, чем кто-либо.

Аса кивнула. Она направила чувство, чтобы убедиться, что Аяно нет в доме. Поняв, что их не услышат, она тихо заговорила:

— Я не знаю наверняка, что происходит, когда мы умираем. Никто не знает. Но вы ведь знаете, что такое чувство?

Дайки посмотрел на нее, будто она спрашивала его, знал ли он, что такое дерево.

— Ты чувствуешь энергию живых существ.

Простое объяснение, но достаточно точное.

— Да. Я также знаю, что когда люди умирают, их энергия не исчезает. Вместо этого он рассеивается и растворяется в окружающей нас жизни. Хотя я не могу сказать, на что это похоже, я могу с уверенностью сказать, что какая-то часть нас продолжает существовать после смерти тела.

Дайки повернулся к ней и низко поклонился, его благодарность звенела без слов.

Они встали, и Аса подумала, что Дайки выглядел немного старше, менее подвижным, чем вчера. Он бросил последний взгляд на храм.

— Я так отчаянно хочу, чтобы мой сын был жив. Я хочу крепко его обнять, даже если он

попытается вырваться. Мое желание настолько реально, что иногда, когда тыходишь в комнату, я на мгновение думаю, что ты — он. Но я слышал то же, что и все остальные. Дома воюют, и, скорее всего, мой сын мертв.

Аса остановила его.

— Вы не можете так думать. Не нужно терять надежды.

Дайки медленно покачал головой.

— Нет. Возможно, в присутствии жены я могу притворяться, но я всегда считал, что важно видеть вещи такими, какие они есть, а не такими, какими мы хотим их видеть.

Аса не могла на это ответить. Она согласилась с Дайки и не могла утешить его.

Он взглянул на нее и улыбнулся, выражение его лица выражало более глубокую печаль, чем любая слеза.

— Пойдем, у нас есть работа.

Аса резко проснулась. Первые лучи солнечного света только начинали пробираться в окно, и в ее комнате было очень холодно.

Чувство подсказывало ей, что что-то не так. Что-то разбудило ее, но она не знала, что именно. Она мягко направила чувство. Аяно и Дайки спали в соседней комнате. Снаружи все было тихо. С кровати Аса видела небо, совершенно чистое и безоблачное. В общем, восходящее солнце обещало идеальный, хоть и прохладный, осенний день.

Но она научилась доверять инстинктам, и что-то ее разбудило. Она села и еще раз взглянула в окно. Все было так, как казалось. На улице было тихо, даже животные еще не проснулись.

Чувство беспокойства нарастало в животе Асы, туго скручивая его. Ее дар чувства был посредственным. Если что-то разбудило ее, значит, что-то серьезное было не так.

Аса глубоко вдохнула и широко раскрыла чувство. Когда она узнала правду, ей показалось, что ей глубоко ударили ножом в грудь. Некоторое время она едва дышала.

Край Реки был окружен. Аса не чувствовала клинков, но чувствовала, как их дар, как и ее, распространился по всей деревне, как сеть.

Аса выругалась. Она не могла разобрать количество, но их было больше дюжины. Зачем столько клинков? В глубине души она знала, что такое скопление клинков не могло предвещать ничего хорошего.

Она быстро перебирала варианты. Выхода из деревни не было. Она ощущала дары других вокруг.

Она могла выйти и поговорить с ними, урезонить их. В этой идее были достоинства, но Аса не думала, что это сработает. Если бы клинки были мирными, они бы не окружили деревню. Она пыталась придумать причину, по которой они выстроились там, но ничего не было.

Она могла сражаться, но достаточно сильный клинок ночи убьет ее в дуэли. У нее не было шансов справиться с дюжиной.

Аса выругалась. Они могли пощадить ее, но проблема была не в этом. Ее мысли сосредоточились на Дайки и Аяно, ждущих своего сына. Сможет ли она сбежать с ними в суматохе нападения?

Единственным выходом, хоть он ей не нравился, было выйти и поговорить с напавшими. Она не думала, что у нее была надежда на успех, но даже малейший шанс был лучше, чем другие варианты.

Аса пристегнула все свое оружие, опасаясь, что оно понадобится ей снова, впервые за долгое время.

Она тихонько выскользнула из дома за окраину деревни. Небольшой холм возвышался над деревней на юге, и она думала, что, если у этого рейда был командир, она нашла бы его там.

Аса не была разочарована. Когда она поднялась на вершину холма, она наткнулась на линию клинков, почти все были клинками ночи. Но Аса увидела двоих в белой одежде клинков. Ее чувство и зрение подтвердили, что ситуация была хуже, чем она думала. Деревню окружали более двух десятков клинков.

Вскоре Асу встретил другой клинок ночи, женщина, которая была как минимум на голову выше ее. Аса подняла голову и коротко поклонилась ей в знак любезности среди собратьев. Поклона в ответ не было.

— Какие дела у вас в Краю Реки? — спросила Аса.

Вопрос казался пустым даже для нее. Какими бы ни были дела у более высокого клинка ночи, у нее была сила, чтобы это произошло. Имея в своем распоряжении такое количество клинков, очевидно, она могла захватить и удерживать город.

Другая женщина не ответила на вопрос Асы.

— Я могу спросить о том же. Что делает клинок в окружении мирных жителей?

Вопрос показался Асе невероятно странным. В мире было не так уж много клинков, и почти все они большую часть времени проводили в окружении мирных жителей. Вопрос был намеком на образ мыслей женщины, и Асе не понравилось то, что она увидела.

— Я укрылась от преследующей нас бури ненависти. Тут есть добрая пожилая пара, которая приютила меня много дней назад.

— Они знают, что ты — клинок ночи?

Аса кивнула. Это было наполовину правдой.

Аса надеялась, что хоть это вызовет позитивный ответ, но была разочарована.

— Хорошо, тогда они будут слугами, когда мы войдем.

Аса догадывалась о плане группы, но слова женщины подтвердили ее страхи. Клинки ночи пытались захватить деревню и сделать ее своей. Аса вспомнила время, проведенное с Киоши, и знания о резне у Двух Водопадов. То был ужасный день для Королевства, а этот, похоже, ничем не отличался.

Глядя на суровые лица рядом с ней, Аса поняла, что единственной надеждой на выживание, на спасение пары, о которой она стала заботиться, был обман.

Она не возражала. Честь мало что для нее значила.

— Если вы планируете захватить деревню, я могу предоставить вам любую информацию. Я знаю, где они хранят еду, и какие жители могут создавать проблемы.

Другая женщина холодно посмотрела на нее.

— У нас уже есть вся необходимая информация. И никто из жителей деревни не создаст нам проблем.

Тон женщины был ясным. Она планировала убить всех жителей деревни. Ей нужны были их дома, а не их жизни.

Аса старалась сохранить лицо пустым, как камень. Если был шанс спасти Аяно и Дайки, ей нужно было принять участие в нападении.

Женщина, похоже, не собиралась делать предложение, поэтому Аса была вынуждена спросить.

— Если вы устраиваете место для нас, я хочу к вам присоединиться. Меня зовут Аса. Взгляд женщины был прохладнее утреннего воздуха, но, в конце концов, она кивнула.

— Хорошо. Мы поговорим еще после того, как работа здесь будет завершена. Меня зовут Акане, и я возглавляю отряд клинков.

Аса поняла, что она была лишь отвлечением, так что присоединилась к кольцу клинков вокруг деревни. Она разглядывала каждого, пытаясь оценить их силу. После нескольких она сдалась. Спасение Дайки и Аяно было почти безнадежным. Но ее решимость была острой, как ее мечи. Если она не хотела сражаться здесь, она ничего не стоила.

За несколько мгновений до начала атаки на деревню Аса почувствовала, что полностью расслабилась. Ей больше нечего было делать. Она либо спасет пару, либо умрет, пытаясь. Ее жизнь быстро стала очень простой.

Акане обнажила меч, и кольцо клинков вокруг Асы издало боевой клич. Аса присоединилась, но ей казалось, что ее голос был пустым.

Небольшая деревня Край Реки быстро ожила. Некоторые жители в замешательстве высунули головы на улицу, но как только поднялась тревога, жители деревни начали выходить с косами и самодельными копьями. Их глаза были мутными от сна, их реакция притупилась. Она увидела проблеск стали в небольшой собирающейся толпе и подумала, был ли там Дайки с мечом в руке. Что он подумает, когда на его дом нападали клинки, а клинок, который он принимал почти четверть месяца, исчез?

Аса выбросила эту мысль из головы, пока бежала с остальными клинками. Не было никакого плана или стратегии, которые она могла бы различить, нападение было больше резней, чем битвой.

Она чуть не убила клинков рядом с собой, как только они вошли в деревню. Эти двое были вне поля зрения других, и искушение было сильным. Однако она сдержалась. У нее был только один момент, чтобы предать собратьев-клинков, и она хотела извлечь из этого максимум пользы.

Вокруг нее начался рейд. Аса не принимала участие, пробираясь сквозь хаос к другому краю деревни, к дому Дайки. Один житель замахнулся косой, от которой она легко увильнула.

Она чувствовала, что происходит. Кольцо смыкалось на Краю Реки, отрезая путь к выходу. Клинки работали методично, медленно продвигаясь от края деревни к центру. Асе нужно было добраться до другого края, прежде чем клинки с той стороны кольца пройдут через ее новый дом.

Она помчалась через центр деревни, окруженная жителями, жаждущими ее крови. Те, кто не старались держаться от нее подальше, насколько это было возможно.

Некоторые не были такими умными. Один старик направил на нее самодельное копьё. Она легко отпрыгнула от атаки и побежала мимо него, чуть не врезалась в юношу с горящими глазами.

Парень был без оружия, но взмахнул кулаком изо всех сил. Асы не видела места, чтобы уклониться, но отразила его удар и толкнула его в затылок, заставив его отлететь подальше нее.

Аса ворвалась в дом Дайки, уверенная, что она сделала это всего на несколько мгновений раньше остальных. Ее чувство предупредило ее об опасности, и она отступила, когда перед ее лицом пролетел огромный чайник. Аяно напала, и когда она увидела Асу, на ее лице отразилось замешательство.

— Аса, что происходит? — голос был детским, слабым и испуганным.

— На вашу деревню нападают. Нам нужно увести вас отсюда, пока мы еще можем.

Когда Аса закончила говорить, Дайки вышел из спальни пары. Несмотря на хаос, несмотря на все, что произошло, его вид вызвал улыбку на лице Асы. На нем была старая военная форма. Одежда, когда-то ярко-синяя, за годы потускнела до небесно-голубого цвета. На его боку был меч. Если можно было судить о состоянии рукояти и ножен, то сталь была достаточно острой. Дайки был воином, даже если не называл себя таковым.

Они переглянулись, взгляд передал все, что им нужно было знать. Аса выдохнула с облегчением, зная, что он никогда не сомневался в ней.

Но Аяно была проблемой. Она впервые заметила мечи Асы, свисающие с ее одежды почти месяц спустя. Понимание отразилось на ее лице, и она сделала выпад, пытаясь расцарапать лицо Асы.

— Ты осмелились зайти в наш дом! Ты ела мою еду!

Уклониться от Аяно в небольшом пространстве дома было нелегко, но Аса справилась. Дайки схватил свою жену, и хотя гнев в ее глазах горел жарко, как никогда, она не нанесла удара. Асе нужно быть осторожной. Она знала, что если даст Аяно шанс, один из кинжалов Асы мог попасть ей в спину.

Аса шагнула вперед, надеясь, что действие привлечет их внимание.

— Стойте!

Они оба замерли, страх инстинктивно управлял ими. Аса использовала это для преимущества.

— На это нет времени. Клинки нападают на деревню и убивают всех. Нужно вывести вас.

Аса закончила говорить, два клинка прошли в дом.

Смятение было девизом дня. Другие воины ощущали, что Аса была клинком ночи, но не узнали ее. Они не видели ее разговор с Акане у деревни.

Аса вытащила меч и бросилась на них, удивление было ее единственным преимуществом.

Воин ближе к ней отреагировал слишком медленно, смятение ему мешало. Ее сталь вспорола его бедро и ведущую руку быстрыми ударами, кровь пролилась в чистой комнате, попала на бесценные творения из дерева.

Его напарница была быстрой, но не такой, как Аса. Она была выше, с длинными руками, ее меч отгонял Асу, пока она пыталась понять, что только что произошло.

Аса не могла ждать шанса. Каждый клинок в деревне почувствует, что кто-то из них умер, и дар угасал, как свеча в темноте. Это их привлечет, ведь кто-то был достаточно силен, чтобы убить одного из них.

Дайки вошел и нанес удар по вражескому мечу. Высокая женщина без проблем отразила удар, но это оставило ее в уязвимом положении. Аса шагнула, ее короткий меч удерживал меч женщины подальше достаточно долго, чтобы она могла несколько раз вонзить кинжал в живот женщины. Она упала, ее внутренности угрожали вылиться на пол.

Асу мутило из-за насилия в доме, где она обрела временный покой. Но не было времени. Она уже чувствовала пламя других чувств, клинки спешили к дому.

Когда жалоба умерла на губах женщины, Аса схватила Аяно и вытащила ее из дома на открытое место. Она использовала драгоценный момент, чтобы осмотреться и убедиться в том, что она почувствовала. Разгром деревни произошел даже быстрее, чем она ожидала.

Немногочисленных выживших убивали на небольшом открытом пространстве в центре Края Речи. Большинство клинков обратили свое внимание на дом, расстроенные тем, что двое их собратьев вернулись к Великому Циклу.

Аса увидела Акане и поняла, что они были обречены. Криком Акане привлекла внимание всех клинков и указала на Асу.

— Убейте предательницу!

Дикий крик загредел над собравшимися клинками. Аса видела, что между ними и остальным миром никого не было. Нечаянно тройца прорвалась сквозь приближающееся кольцо клинков. Она уставилась на Дайки, толкнула их двоих к полям, окружавшим деревню.

— Бегите! Возможно, поблизости есть лошади.

Пара молчала, не двигаясь, как статуи, и Аса толкнула сильнее. Не было времени на нерешительность.

— Вам нужно уйти! Я постараюсь задержать их как можно дольше.

Казалось, они осознали реальность ситуации, оба повернулись к открытым полям. Дайки повернулся и взглянул на нее, пока они бежали. Она низко поклонилась ему и развернулась, чтобы встретить приближающуюся волну клинков, верную смерть от рук тех, с которыми она когда-то тренировалась.

Сталь встретила сталью, и звук битвы разнесся по деревне. Аса левой рукой метала ножи, пытаясь отразить приближающуюся к ней стальную стену. На один миг она их удержала. Она запустила ножи снова. На третьей атаке ее меч был выбит из рук. Она услышала командный голос Акане:

— Не убивайте ее, а научите, друзья.

После этого жизнь Асы превратилась в настоящий кошмар. Вспышки стали врезаться в нее. Как только она потеряла равновесие и упала, на нее обрушились удары ногами. Она чувствовала, как кровь лилась из носа, и звезды вспыхнули перед глазами, когда носок попал ей под глазом. Сначала она попыталась встать, дать Аяно и Дайки еще несколько минут, но серия жестоких ударов сделала ее бесполезной.

Удары стихли, но Аса не могла двигаться, не могла открыть глаза, чтобы увидеть, что происходит. Она пыталась преодолеть боль и сосредоточиться на чувстве, но ее разум был слишком рассеян. Ослепленная во всех отношениях, Аса лежала и беспомощно ждала, что будет дальше.

Аса вздрогнула от хруста снега прямо перед ней. Две сильные руки подняли ее голову, вызывая невообразимую агонию. Почему они не могли просто позволить ей умереть? Зачем ее дальше мучить?

Еще два человека схватили Асу за руки и подняли ее с земли. Она хотела ударить того, кто ее держал, но ее тело не реагировало на команды.

Те же сильные руки, которые сначала схватили ее за голову, потерли большими пальцами глаза, удаляя корку крови. Аса обнаружила, что могла открыть глаза. Когда она это сделала, она увидела нависшую над ней Акане с торжествующей ухмылкой на лице.

Асе хотелось плюнуть, закричать или ударить ногой, но она не ощущала ноги.

Акане склонилась ближе.

— Я убью тебя, молодой клинок. Не волнуйся. Но я хочу, чтобы вы снова присоединились к Великому Циклу, понимая, что произойдет не только здесь, но и с Королевством. Клинки займут свое законное место в качестве правителей этой земли. Тем,

кто борется против нас, будут преподаны уроки, которые они никогда не забудут. Ты усвоишь урок, который последует за тобой в любом будущем.

В стороне возникла суматоха, и Аяно и Дайки опустили перед ней. Дайки держался за правую руку, и Аса увидела, что его ладонь была отрублена на запястье. Как и она, он был мертв, но его тело еще не осознало этого. Аяно была залита кровью, но Аса не могла сказать, сколько крови было ее, а сколько — Дайки.

Отчаяние, какого она никогда не знала, захлестнуло ее.

Акане посмотрела на нее.

— Я дам тебе выбор, молодой клинок. Ты сражалась, чтобы защитить этих двоих, убив нескольких моих воинов. Но сопротивление нам бесполезно. Ты не можешь бороться с бурей, которая надвигается на Королевство. Либо ты можешь убить их самостоятельно, сколь угодно быстро, либо смотри, как они умирают, очень медленно и мучительно.

Аса чувствовала себя так, как будто все эмоции были вырваны из нее, осталась только глубокая печаль, у которой не было дна, неоткуда было черпать силы. Не было ни правильного выбора, ни действия, которое не преследовало бы ее во снах в будущем.

Взгляд на Дайки принял решение за нее. Он был воином, заслуживающим смерти воина. Эти клинки никогда не дадут ему такого. Их взгляды встретились, и между ними возникло понимание. Он улыбнулся ей, слегка склонив голову в ее сторону.

Она не была уверена, что была достаточно сильна, чтобы нанести удары.

— Я убью их.

Аяно сплюнула на землю, оставив на снегу еще одно кровавое пятно. Она не до конца понимала, что происходит, и Аса не думала, что у нее было время объяснять. Это было прискорбно, но лучше, чем другое. В любом случае Аяно умрет, ненавидя ее. С таким же успехом Аса могла проявить к ней милосердие.

Акане кивнула двум клинкам, удерживающим Асу, и они осторожно отпустили ее. Она все еще была ограничена мечами, и Аса знала, что сбежать не выйдет. Акане выхватила из снега короткий меч, который Аса использовала против клинков, и швырнула ей. Асе удалось схватить оружие в воздухе, хотя на это ушли почти все силы.

Она медленно подошла к паре, открывшей ей свой дом, к человеку, открывшему ей свое сердце, хоть он ее не знал. Она двигалась так медленно, как могла.

Акане крикнула ей вслед:

— Если ты вместо этого убьешь себя, я все равно буду их пытаться, Аса.

Остановившись в нескольких шагах, она заговорила тихо, ее голос едва звучал в свежем утреннем воздухе:

— Вам важно, кто первый?

Дайки сказал сильным голосом.

— Аяно, пожалуйста.

Аяно посмотрела на мужа с ненавистью и страхом в глазах.

— Как ты мог?

Слезы текли по лицу Дайки.

— Я не хочу, чтобы ты видела, как я умираю.

Ненависть мгновенно сменилась состраданием на лице Аяно.

— Дайки, — ее голос был полон любви, которую Аса заметила, скрытой за ссорами, которые происходили каждый день.

Осторожно Аса наклонила голову Аяно. Впервые с тех пор, как она встретила сильную

женщину, Аяно была покорной, не боролась. Аса встала между парой, так что Дайки не мог видеть, что вот-вот должно было случиться.

Удар Асы был чистым.

Она повернулась к Дайки. Слова казались сухими листьями, слишком хрупкими, чтобы иметь значение, но ей нужно было что-то сказать.

— Прости. Я надеюсь, что когда-нибудь, через долгое время, ты снова встретишься со своим сыном.

Слезы Дайки замерзали на снегу. Он поклонился ей, обнажив шею.

— Спасибо, Аса.

Ее удар был чистым.

Глава 9

Покинуть лагерь было непросто, но Мари считала, что цена того стоила. Во-первых, она оказалась далеко от ежедневной жизни, которая ее удручала. Она понимала, что ее власть приходила через сеть теней и богатство, но, тем не менее, она находила эти части своей жизни наименее интересными. Это были ее обязанности, а не удовольствия.

Были дни, когда она мечтала о простоте жизни обычной женщины. Заботы о воспитании ребенка и ведении домашнего хозяйства, хотя, несомненно, были трудными, часто казались предпочтительнее государственных дел, в которые она была вовлечена.

Тем не менее, ей нравилась возможность подышать свежим воздухом. Она была заперта в таверне, которую они сделали командным пунктом почти на весь месяц, и легкий ветерок, несмотря на то, что он был, все еще был намного предпочтительнее душного воздуха в ее комнате. Здесь донесения от теней не могли дойти до нее, как в гостинице, но небольшая жертва была необходима. Было лучше ехать тут, чем анализировать одни и те же новости снова и снова.

Рядом с ней ехал Такахиро, который чередовал радость от пребывания в мире и депрессию из-за того, что его подопечный путешествовал без особой защиты.

Мари было легко решить, как организовать поездку. Ее паланкин, способ передвижения, который предпочел бы Такахиро, привлек бы слишком много внимания. Ее тени были ясны их посланиях: Королевство трещало по швам. Если бы она показала свое богатство на всеобщее обозрение, она бы сразу же стала мишенью.

Езда на лошади по-прежнему была показателем ресурсов, но была лучше паланкина. К тому же, это было намного быстрее. Мари утверждала, что они должны идти пешком, и лошадь была их компромиссом.

Когда они покинули Убежище и двинулись по дорогам к Звездопаду, Мари начала осознавать, насколько ужасной была ситуация в Королевстве. Каждый из лордов, включая ее брата, был настолько сосредоточен на конфликте, что игнорировал тяжелое положение простых людей. С надвигающейся войной звучало все больше требований, и зима обещала быть одной из самых трудных в памяти. Цены на основные продукты питания были в несколько раз выше, чем имели право быть. Поля, полные риса, умирали в морозные ночи. Повсюду были доказательства, что тысячи людей рисковали умереть в суровое время года.

Небольшие местные ополченцы с ограниченной подготовкой и вооружением делали все возможное, чтобы сохранить мир, но их усилия были незначительными.

В одной деревне была перевернута тележка фермера, граждане украли еду у своих соседей. Мари хотелось осудить их, но в этом не было смысла. Если бы она была голодна, и ей нужно было кормить семью, она, вероятно, поступила бы так же. В любом случае, если

лорды не попытаются восстановить порядок в ближайшее время, задача будет почти невыполнимой.

Чем дальше они ехали, тем более тревожные сцены встречали. Небольшую группу бандитов отпугнули меч и уверенность Такахиро. Семьи сбивались в кучу на обочине дороги, не зная, куда идти, и умоляли о помощи. Поначалу Мари хотела остановиться, но вскоре осознала всю грандиозность миссии. Если она хотела спасти как можно больше людей, ей нужно было выполнить свою задачу. Несмотря на то, что этот поступок причинил ей боль, она прошла мимо людей на дороге, сосредоточившись на том, чтобы как можно скорее добраться до Звздопада.

В конце концов, Мари и Такахиро, казалось, миновали худшие неприятности. Людей на обочине дороги стало меньше, поля пустели. Мари поняла. Они приближались к Звздопаду, городу, к которому никто больше не хотел приближаться.

Ей было интересно, как клинки реагировали на внезапное изменение своего статуса. Они не были безвинными в конфликте между лордами. Один из них убил ее брата, что она вряд ли забудет в ближайшее время. Но они сохраняли порядок на земле в течение нескольких поколений. То, что они не выполняли свой привычный долг, было такой же причиной хаоса в стране, как и борьба лордов.

Мари пыталась вспомнить, когда в последний раз встречалась с Хаджими, главой Совета Клинков; это было несколько лет назад. Она не провела с ним много времени, была вынуждена полагаться на свои впечатления, которые не были положительными. Он казался коварным человеком, которому она не хотела бы доверять.

Хоть она хотела идти вперед, Такахиро остановил ее в гостинице примерно в половине дня пути от Звздопада. Они были близко, но ночь наступала стремительно, и Такахиро не верил в свою способность защитить ее в темноте. Они спорили, но ее охрана была непреклонна, и, в конце концов, Мари согласилась. Идея кровати была заманчивой, даже если она не хотела в этом признаваться.

Гостиница была почти пуста. Коричневое деревянное здание было большим, трехэтажным, с множеством комнат на каждом этаже. Внутри простая мебель была в хорошем состоянии, столы были вытерты, татами на полу в безупречном виде. Мари понимала, что в другое время в гостинице будет шумно. Хозяин попытался потребовать от них непомерную сумму, но Такахиро, используя комбинацию угроз, сумел договориться о цене, которая была почти разумной.

Остановившись в гостинице, где были только они и еще один путешественник, Мари нервничала. Она привыкла к многолюдным местам, к громкому смеху мужчин, которые слишком много выпили. Вместо этого они с Такахиро сели за столик в углу, а одинокий путешественник, мужчина, сидел за столик в самом дальнем от них углу. Мари и Такахиро говорили шепотом, будто боялись нарушить тишину, окутавшую здание.

Когда Такахиро предложил заплатить трактирщику за выпивку, мужчина сел и поделился с ними новостями об этом районе. К сожалению, ничего нового они не узнали. Никто больше не путешествовал к Звздопаду. Ожидание, невысказанное, если только не выпить слишком много, заключалось в том, что Королевство скоро вторгнется в город.

Единственные люди, которые проходили мимо, были клинками, и они, как правило, избегали постоялого двора. Они оставались на улице, где чувство предупреждало их о потенциальной атаке.

Они еще немного поговорили с трактирщиком, прежде чем удалиться в свои комнаты.

На следующий день они доберутся Звездопада, и их настоящая работа начнется.

Мари была в городе лишь раз, когда была моложе. Их отец взял всю семью в поездку туда. Джуро был в том возрасте, когда был одержим историями о клинках ночи, и их отец считал, что для будущего главы дома лучше всего наблюдать реальность, а не просто полагаться на легенды. При этой мысли Мари чуть не рассмеялась с грустью. Джуро больше, чем кто-либо из них, узнал горькую правду о существовании клинков.

Звездопад был обнесенным стеной городом, одним из немногих в Королевстве. Мари внимательно разглядывала гладкие каменные стены, восхищаясь ручной работой. Ее всегда очаровывала кладка и способность соединять камни так, чтобы они стояли, даже когда их атаковали. Что больше всего поразило Мари, так это то, что ничто не скрепляло камни. Бульжники составляли большую часть стены, а камни меньшего размера вставлялись между более крупными, чтобы все было на месте. Стены были крепкими, но не такими высокими и толстыми, как стены, окружавшие Убежище.

Но это не помогло городу, напомнила она себе. Стены останавливали захватчиков. Они ничего не делали, когда мир рушился изнутри.

Их первой задачей было пройти в город. Мари не была лордом и, по правде говоря, не имела реального положения или власти. Старшая сестра лорда в этом мире почти ничего не значила. Но она была богата. Рудники в горах на земле ее дома обеспечивали Королевство большей частью золота, и не весь драгоценный металл поступал в оборот.

Мари хотела, чтобы они жили в мире, где деньги не имели такого большого значения. Но клинки перестали получать выплаты от всех трех домов, и даже небольшая часть ее богатства могла иметь большое значение для того, чтобы убедить клинки помочь. По крайней мере, это было лучшее предложение, которое она могла сделать Хаджими.

Они пришли к главным воротам, но они были закрыты. Мари и Такахиро ехали вдвоем по дороге. Мари все утро казалось, что Королевство уже закончилось, и все погибли. Они не видели никого, покинув гостиницу.

Два клинка ночи, которые сторожили ворота, выглядели расслаблено. Мари и Такахиро остановили лошадей на безопасном расстоянии и спешили, подошли, оказавшись в паре шагов от стражи. Мари разглядывала часовых.

Она на миг удивилась. Обе были женщинами. Опыт Мари с клинками был ограниченным, и она забыла, как много власти было у женщин в культуре клинков. Она напомнила себе, что они жили в одном Королевстве, но клинки существовали в совершенно другом мире.

— Кто ты и чего хочешь? — спросила женщина справа от Мари. Хотя стражницы были примерно одинакового роста, у одной справа волосы были очень короткими, а у второй — длинными, почти до талии.

— Меня зовут Мари. Я представитель дома Кита, — ложь была тонкой. Ее поездка не была санкционирована ее домом, но это было проблемой другого дня. — Я пришла к Хаджими и Совету клинков, если можно.

Обе женщины смотрели на нее с сомнением. Они могли жить в мире, который принимал их почти как равных, но они путешествовали по Королевству достаточно, чтобы знать, что женщина-представитель дома не являлась истинным представителем.

Клинок ночи с короткими волосами ответила:

— Звездопад в данный момент закрыт для гостей. Пожалуйста, уходите.

Мари надеялась, что пройти будет проще, но не удивилась. Она повернулась к своей лошади и схватила одну из сумок с седла. Она изо всех сил старалась не бороться с весом мешка, не на глазах у этих двух воинов.

Она открыла сумку, показала груды золота внутри.

— Я с солидными дарами.

Два клинка переглянулись, на их лицах плясала неуверенность. Мари было интересно, какой была власть у стражниц у ворот.

Коротковолосая воительница принял решение:

— Очень хорошо. Известие о вашем прибытии будет доставлено Хаджими. В последнее время совет занят, поэтому ответ может занять несколько дней, но вы можете оставаться в Звздопаде до тех пор, пока не будет принято решение.

Звздопад действовал иначе, чем большинство городов, без свободной торговли в этом районе. Торговцы получали деньги непосредственно от Совета Клинков, а товары обменивались без золота внутри городских стен. Мари не понимала всей системы, но знала, что город построен вокруг клинков, которые могли практиковать свои навыки, исключая почти все остальное. Им не нужно было беспокоиться о крове, еде или других предметах первой необходимости, которые делали повседневную жизнь постоянной проблемой.

Для Мари и Такахиро это означало, что им не нужно было платить за гостиницу. Им выделили место в той же гостинице, в которой Мари останавливалась много лет назад. Она была почти уверена, что в Звздопаде она была единственной для посторонних.

Длинноволосая клинок ночи сопровождала Мари и Такахиро по улицам. Другой часовой остался у ворот с заменой. Взгляд Мари блуждал по городу, она впервые видела дом клинков взрослыми глазами.

Звздопад обладал определенной красотой, но Мари полагала, что не все с этим согласились бы. Клинки мало заботились об эстетике конструкции. Большинство зданий, мимо которых они проходили, были простыми деревянными строениями для временного отдыха клинков. Несколько домов предназначались для постоянных жителей Звздопада, но даже они были простыми по стандартам остального Королевства.

Все могли согласиться с чистотой города. Какими бы простыми ни были здания, все они были покрыты краской, нанесенной не больше двух лет назад. На улицах не было мусора, на углах не было ни одного раненого или хромого, выпрашивающего деньги. Прогулка по Звздопаду походила на прогулку по простому, но идиллическому зеркальному отражению нормального города.

Их вела девушка приятнее, чем клинок, с которым они разговаривали у ворот, поэтому Мари использовала возможность, чтобы получить больше информации.

— Как дела в Звздопаде? Улицы полны людей.

Мари была удивлена количеством клинков в городе. Во время ее последнего визита улицы были почти пустыми, но теперь на них было много людей в черных и белых одеждах. Земля, окружающая Звздопад, была пуста, казалось, что город засосал всех, кто находился поблизости, в свои стены. Как и большинство людей, Мари лишь изредка видела клинков в своей повседневной жизни. Было не по себе от такого количества людей в одном месте. Можно было забыть, что, хотя клинки составляли лишь небольшую часть людей в Королевстве, их все еще были тысячи. Их сила, направленная на какую-то конкретную цель, была бы огромной.

Их проводник ответила:

— Да. Из-за неуверенности от заявления Шина и последующих событий многие клинки вернулись в Звездопад. Тут безопасность количества. И, если совет примет решения, многие хотят помочь с этими решениями.

Мари не удивило, что многие клинки вернулись в Звездопад. Это было естественно. Ей было интересно узнать, что Совет Клинков еще не принял никакого решения о том, какие действия предпринять в ответ на события в Королевстве. Возможно, еще была надежда для ее миссии.

— Если вы не против, я спрошу, как клинки реагируют на все, что происходит в Королевстве, — Мари увидела, что ее вопрос вызвал подозрения у женщины, и сразу же попыталась их развеять. — Наши лорды всегда так сосредоточены на своих домах, что никто никогда не останавливается, чтобы спросить, как себя чувствуют клинки.

Клинок ночи казалась неуверенной, но, в конце концов, она ответила:

— Трудно сказать. Часто мирные жители, как вы, думают о клинках как о единой группе, которая думает одинаково. Но мы такие же разные, как и вы, и такие же разделенные. Многие из нас удручены недавними событиями. Мы были счастливы служить Королевству и делали все, что могли, с нашими дарами. Большинство из нас были бы счастливы, если бы все могло вернуться на круги своя. Однако есть много других, кто думает иначе. Сохранять образ мыслей воина может быть сложно, если вы рождены с даром. Легко думать, что вы в чем-то лучше мирных жителей. Даже я иногда попадаю в эту ловушку, — голос женщины сорвался, она погрузилась в размышления.

Мари обдумывала слова женщины. Все, что она слышала, подтверждало то, что передавали ее тени. Она задавалась вопросом, правильно ли поступала. Женщина явно верила в служение Королевству, поэтому Мари надавила немного сильнее.

— Я здесь, чтобы посмотреть, есть ли способ работать вместе во имя мира. Как вы думаете, совет меня выслушает?

Клинок подарила ей быструю циничную улыбку.

— С тем количеством золота, которое вы принесли? Да, совет вас выслушает. Будут ли они сотрудничать — это совсем другой вопрос.

— Если я смогу убедить совет работать вместе во имя мира, как клинки ответят?

Клинок ночи раньше не задумывалась об этом вопросе. Они молча прошли два квартала, прежде чем она ответила:

— Хочется думать, что большинство поддержит совет. Если быть безнадежно оптимистичной, я сказала бы вам, что мы все бросили бы силы на вашу поддержку, но я не уверена, что это правда. Подобно тому, как Королевство находится на грани гражданской войны, клинки тоже. Если мы собираемся выжить, боюсь, нужно провести чистку в наших рядах.

Ответ был намного смелее и проникательнее, чем ожидала Мари.

Они прибыли в гостиницу. Мари низко поклонилась стражнице.

— Спасибо, как за сопровождение, так и за ваши мысли. Я буду размышлять над тем, что вы сказали.

Как и ожидалось, Мари получила приглашение на совет, но через несколько дней. Время между ее приездом и приглашением было заполнено разочарованием и тревогой. С каждым днем ожидания ситуация в Королевстве ухудшалась. Мари знала, что каждый день люди страдали и умирали. Она не знала, что может быть важнее для совета, и в мрачные

моменты представляла, как они сидят и ничего не делают, заставляя ее ждать, чтобы порадоваться своей властью.

Когда она не расхаживала недовольно по комнате, она снова и снова повторяла свои аргументы. Она ожидала возражений и репетировала ответы. Если совет мог подчиниться логике, ей это удастся. Она должна быть уверена в этом.

В конце концов, вызов пришел, и Мари немедленно пошла в совет, подавляя волнение. То, как Такахиро иногда смотрел на нее, как на глупого ребенка, на которого он злился, заставляло ее чувствовать, что она ошибалась, придя сюда. Она чувствовала, что ей следовало вернуться во дворец и позволить миру идти своим чередом. Но он достаточно верил в нее, чтобы не возражать. Он последовал за ней к покоям, последний раз ободряюще кивнул своей подопечной, прежде чем они вошли.

Когда в зале совета объявили о Мари, ее смелость и целеустремленность почти покинули ее. Она обвиняла годы познания величия клинков. Их культура была наполнена историями о героизме, жертвах и удивительных деяниях. Даже она изо всех сил пыталась не смотреть на клинков и думать о присутствии живой легенды. Теперь она была здесь, на глазах у семерых из самых сильных и мудрых. Ей здесь не было места.

Но она это сделала, напомнила она себе. В совете было три женщины. Несмотря на то, что ее статус не имел большого значения в Королевстве, она все еще была сестрой лорда и обладательницей огромного состояния. Ее голос будет услышан.

Зал совета был заполнен клинками. Совет сидел перед ней, но стены с каждой стороны были заняты тремя рядами клинков, пришедших послушать ее речь. Она не думала, что у нее будет публика. Но она помнила уроки. Совет, как правило, был открыт для всех, и из-за отсутствия посторонних контактов в последнее время ее присутствие, вероятно, было одним из самых интересных событий, происходящих в городе.

Она низко поклонилась, и мужчина, которого она считала Хаджими, заговорил. Ее воспоминания о нем были смутными, потускневшими с течением времени. Он выглядел намного старше, чем она помнила, волосы были седыми, а карие глаза — беспокойными. Возможно, он просто плохо состарился. Возможно, события прошлого года сделали его таким. В любом случае, он не выглядел сильным лидером, которого ожидала Мари.

— Приветствую, леди Мари. Если мне не изменяет память, мы встречались раньше.

— Это так, мастер Хаджими. Я рада, что вы помните.

— Спасибо за ваше терпение и за ваши усилия по прибытию в этот совет. Что привело вас к нам сегодня?

Мари отметила изменение языка. Традиционно человека перед советом спрашивали, как клинки могли им служить. Язык Хаджими стал зловещим началом встречи.

Она шагнула вперед.

— Я пришел просить вас о помощи в поддержании мира в Королевстве.

Хаджими нахмурился.

— Мира почти не осталось, миледи.

— Создание покоя намного дороже золота. Народ Королевства страдает, а лорды этого не видят. Верю, единственный способ достичь мира — это вмешательство клинков.

Взгляд Мари пробежался по комнате, чтобы увидеть, какой эффект производили ее слова. Было несколько человек, которых, казалось, интересовало то, что она сказала. Ее тени были уверены, что ни один другой дом не ходил к клинкам с момента провозглашения Шина. По крайней мере, Мари предоставила клинкам единственный способ законно

вернуться в жизнь Королевства.

Хаджими провел пальцами по седой бороде.

— Я согласен с тем, что люди Королевства страдают, что сильно огорчает этот совет, но я вряд ли понимаю, как наша сила может остановить поток событий, захлестывающих землю в данный момент.

Мари внимательно обдумала предложение. Сначала она подумала, что клинки будут нейтральной четвертой стороной. Возможно, их сила сможет удерживать дома в страхе достаточно долго, чтобы можно было договориться о мире. Однако чем больше она обдумывала эту идею, тем больше она ее отвергала. Клинки были слишком разделены, чтобы быть полезными в этом качестве, и риск, которым они подвергались сами, был слишком велик. Три дома могли использовать объединенную мощь против клинков, полностью уничтожить их.

— Я понимаю, как звучит это предложение, но я пришла к вам сегодня, чтобы попросить вас объединиться с домом Кита.

За столом все вздохнули. То, что предлагала Мари, противоречило бесчисленным годам традиций.

Хаджими покачал головой.

— Вы знаете, как и все, что клинки не могут поддерживать какой-то из великих домов.

— Если бы был другой путь, я бы его предложила. Но его не, а вы сами дали идею. Насколько мне известно, ваш связной при короле, Минори, поддерживал Шина на его пути к трону.

Хаджими рявкнул:

— Решение, не одобренное этим советом, и привело нас к нынешней ситуации!

Мари посмотрела на лидера клинков. Его вспышка была первой настоящей эмоцией, которую она увидела от него сегодня, и она подтвердила то, что было сказано в последнем письме Джуро к ней. Возможно, совет явно не поддерживал Шина, но Хаджими дал Минори свободу делать все, что ему заблагорассудится. Совет, возможно, не был виновен, но он определенно не был свободен от вины.

— Прошлое осталось позади. Мы ничего не можем сделать, чтобы изменить то, что уже произошло. Я стремлюсь только защитить будущее. В одиночку клинки не могут произвести необходимые изменения в Королевстве. Вполне вероятно, что дома объединятся против них. Однако, объединив дом и клинков, у нас есть шанс положить конец этой гражданской войне, прежде чем она действительно разлучит нас.

Заговорила женщина рядом с Хаджими. Ее белые одежды указали, что она была клинком дня.

— *Если* вы правы, — Мари заметила отчетливый нажим в вопросе, — почему мы должны объединяться с домом Кита?

Мари поклонилась.

— Я знаю, что вы ожидаете от меня. Я могла бы рассказать о богатствах моего дома и о том, как мы могли бы и дальше поддерживать ваш народ. Я могла бы рассказать о том, как мы дали вам эту землю для строительства вашего дома. Возможно, я могла бы поспорить о том, что в моем доме интересы Королевства выше всего. Эти утверждения, я считаю, верны. Но, тем не менее, я бы предпочла, чтобы вы встали на сторону любого дома, чем оставались нейтральными или стояли в одиночестве. Лучше мир под властью другого дома, чем война.

Клинок, задавший вопрос, сама поклонилась Мари.

— Я благодарю вас за вашу честность и ценности. Такие верования редки в наше время. Мари почувствовала прилив гордости, но проигнорировала это. Это не могло быть о ней.

Следующий вопрос Хаджими заставил ее скривиться.

— Согласен. Ваши идеалы редки и ценные в эти тяжёлые времена. Но согласится ли ваш брат? Вряд ли вы тут по его приказу.

Мари поморщилась. Она знала, что вопрос поднимут, и долго и упорно думала, как его решить. В конце концов, она решила сказать правду. Клинки не обладали какой-либо магической способностью обнаруживать ложь, но они были более наблюдательными, и их способности давали им возможность лучше понимать других. Кроме того, в долгосрочной перспективе ложь только принесет больше вреда. Успешная миссия, основанная на обмане, была построена на зыбучем песке.

— Я не знаю, что бы подумал мой брат. Меня исключили из его советов.

Это заявление произвело эффект, которого она боялась. Совет, который наклонился вперед в своих креслах, заинтересованный в обсуждении, внезапно откинулся назад, и их глаза помрачнел. Мари слышала вокруг шепот собравшихся клинков.

Мари выругалась про себя. Она не могла потерять совет. Они были заинтересованы.

— Мастера! Я понимаю, как выглядит моя просьба, но вы должны действовать. Я уверена, что если вы обратитесь к моему брату, он увидит смысл. Единственное неправильное решение — ничего не делать. Королевство нуждается в вас сейчас больше, чем когда-либо! По крайней мере, отправьте замаскированные клинки, чтобы исцелить тех, кто нуждается в их заботе.

Зал разразился криками согласия и гнева. Мари не была готова к шуму. Хаджими встал, почти мгновенно воцарилась тишина. Когда он заговорил, его голос был жестким:

— Леди Мари. Ваш характер очевиден для этого совета. Вы внесли нам предложение, и мы его рассмотрим, — он поднял руку, призывая к тишине, слова Мари умерли, не успев сорваться с ее губ. — Даю слово по этому поводу. Я говорю это не для того, чтобы избавиться от вас. Этот совет заслушает аргументы обеих сторон, и мы вызовем вас в течение следующего дня, чтобы сообщить вам о нашем решении.

Мари знала, что лучше этого ей не добиться. Она встала на колени перед советом и опустила голову к полу. За всю свою жизнь она сделала это только однажды, в тот день, когда Джуро стал главой их дома. Когда-нибудь скоро она сделает это для Хироми, но у них пока не было времени подготовить официальную церемонию. Она все еще была леди Королевства, и мало кто пользовался таким уважением.

Она держалась в этой позе дольше, чем ей было удобно, и вся комната молчала, понимая ее жест. Она ощущала себя очень неловко и открыто, но держалась в позе.

А потом встала, повернулась и покинула зал совета. Такахиро последовал за ней. Она надеялась, что ее слов и действий хватило.

Мари хотелось бесконечно размышлять о решении совета. Она снова и снова повторяла свою просьбу, довольная, что сделала все, что было в ее силах. День тянулся, Мари протаптывала дорожку на полу своей комнаты.

Такахиро стал нетерпеливым из-за того, как она расхаживала, и покинул гостиницу. Он получил приглашение присоединиться к юным клинкам ночи на тренировках, и ему не терпелось пойти туда с тех пор, как они впервые прибыли. Мари, наконец, убедила его, что

нет места безопаснее, чем Звездопад. Сам по себе этот аргумент не заставил бы его, но ему тоже нужно было место после аудиенции с советом.

Как и было обещано, на следующее утро Мари вызвали. Ее эскорт не сообщил ей, каким было решение совета. Дебаты велись до заката, а затем совет удалился в свои личные кабинеты, чтобы продолжить обсуждение вопроса. Все, что ее сопровождающий знал, это то, что они не ушли, пока луна не поднялась высоко в небе.

По крайней мере, это был положительный знак. Мари была благодарна за то, что ее предложение начало обсуждение. Она не знала, обернулось ли это в ее пользу. Теперь она могла только надеяться.

В зале было еще больше людей, чем вчера. Снаружи бродили клинки, а внутри площадка была максимально забита. Если бы здание выбрало именно этот момент, чтобы загореться, большая часть клинков была бы уничтожена.

Мари заняла свою позицию перед советом. Хаджими терпеливо дождался тишины и затем заговорил:

— Во-первых, леди Мари, я должен еще раз прояснить, что совет впечатлен вашим характером. Мы постановили, что мы всегда предложим вам убежище здесь. Наши двери всегда будут открыты для вас.

Сердце Мари сжалось.

— Этот совет долго и упорно обсуждал, миледи, но, несмотря на вашу искреннюю просьбу, мы не можем сделать так, как вы просите. Ситуация слишком нестабильна, и безопасность наших людей должна быть для нас главнее. Как бы нам ни нравился ваша персона, без каких-либо гарантий со стороны вашего брата, мы опасаемся, что любое действие с нашей стороны только усугубит проблему, в которой мы сейчас находимся. Я знаю, что это не то, что вы хотели услышать, но мы верим, это лучше всего для всех.

Комната взорвалась шумом, захлестнувшим Мари. Даже предполагая, что надвигается худшее, она не была готова. Хаджими был ее последней надеждой.

Вспышка ненависти мелькнула глубоко в ее животе, но быстро сменилась отчаянием.

Воспоминание без спросу пришло ей в голову, заглушая гневные крики по обе стороны Мари. В детстве она украла одну из игрушек Хироми после того, как ее победили в игре. Хироми обманул, чтобы выиграть, и Мари подумала преподать ему урок.

Хироми, конечно, рассказал о ней, и спор привел к тому, что их обоих отправили к отцу, что было самым суровым наказанием. Вся правда вышла наружу, и они оба были приговорены к строгим наказаниям отцом, которого они не посмели послушаться. Но Хироми убрал от отца, и Мари сказали остаться. Мари больше не помнила своего наказания, но она помнила так же ясно, как вчера, то, что он сказал:

— Мари, Хироми поступил неправильно. Но то, что ты сделала, на мой взгляд, было еще хуже.

Мари перестала плакать на время, чтобы спросить, почему.

— Легко быть милым с людьми, когда они хорошо относятся к тебе. Но твое качество проявляется только тогда, когда другие обманывают тебя, предают и разочаровывают. Если сможешь действовать с честью в такие моменты, я хорошо тебя воспитал.

Мари подавила отчаяние. Если когда-либо был момент, чтобы произвести впечатление на клинков, то это сейчас. Она сделала три решительных шага вперед, и шум в комнате был прерван с остротой легендарного меча. Хаджими посмотрел на нее с замешательством в глазах.

Голос Мари был сильнее, чем когда представлял ее дело накануне:

— Я понимаю ваш страх, даже если он привел вас на путь трусости.

Мари не нужна была сила клинка, чтобы ощущать едва сдерживаемый гнев в комнате. Она нанесла последний удар.

— Но я пришла к вашим вратам, предлагая клинкам поддержку. За вашу прошлую службу Королевству я оставляю все богатство, которое принесла сюда, лишь возьму достаточно для пути домой, — Мари низко поклонилась, повернулась и ушла раньше, чем Хаджими мог ответить.

Этот жест, вероятно, значил для клинков больше, чем для нее. Золото, которое она принесла, было небольшой частью того, чем она располагала, но все же это была немалая сумма.

Она быстро вернулась в гостиницу, пытаясь сдержать слезы, которые грозили пролиться. Никто не хотел стоять за Королевство. Никто не был готов выступить ни за что, кроме себя. Может быть, Королевство заслуживало крушения из-за того, что стало слишком слабым, лишенным сердца.

В гостинице она немедленно нашла бутылку вина, быстро погрузилась в блаженное, безразличное состояние опьянения. Она заснула рано днем и не просыпалась до середины ночи. Она услышала, как Такахиро расхаживает по соседней комнате, и подошла к нему.

Когда она вошла, на его лице возникло ощутимое облегчение.

— Миледи, я слышал новости! Я волновался за вас.

Ей удалось неубедительно улыбнуться. Голова у нее гудела.

— Мы сделали все, что могли. Мы уезжаем утром. Как твое обучение?

Смена темы сбила ее стража с толку.

— Это было прекрасно, но сейчас это уже не имеет значения. Весь город говорит о ваших действиях в зале совета. Это правда, что вы отдали золото, с которым мы пришли, хотя они отказались помочь?

Мари кивнула.

— Осознают они это или нет, но клинки — единственная надежда для Королевства. Деньги поддержат их, пока бушует война, но, что более важно, подарок, надеюсь, напомнит им, что за Королевство все еще стоит сражаться.

Такахиро выглядел так, словно его что-то беспокоило, и после того, как тишина затянулась, он заговорил:

— Мари, боюсь, я недооценил вас. Я не думал, что приехать сюда было хорошей идеей, но вы сделали себе имя среди этих воинов всего за несколько дней. Мой меч ваш, что бы ни случилось.

Мари поклонилась своему охраннику, чего он не ожидал.

— Спасибо, Такахиро.

Следующее утро выдалось облачным и серым — предзнаменование новой бури. Мари с горечью думала, что, если клинки не попытаются остановить эту войну, по крайней мере, погода может попытаться.

Они покинули свои комнаты, удивленные, когда натолкнулись на группу клинков, ожидающих в общей комнате. Гостиница была пуста все время их пребывания, и даже если там были гости, посетителями были обычные люди, а не клинки. В комнате сидело около десятка, из них четыре женщины. Когда Мари вошла, все встали и поклонились.

Мужчина сорока лет выступил вперед.

— Здравствуйте, миледи. Извините, что напугал, но меня зовут Джун, — он указал на свою мантию. — Как видите, я клинок дня.

Мари ответила на поклон.

— Рада познакомиться с вами, мастер Джун, — она пыталась понять, что происходит. Была ли она в опасности?

Джун заговорил мягко:

— Я был среди многих, кто видел оба ваших выступления перед советом. Сказать, что мы были впечатлены, это ничего не сказать. Есть те из нас, кто верит в Королевство, и мы решили, что хотим служить вам. Если вы примете нас, мы присоединимся к вам в ваших путешествиях.

Мари потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, но как только она это сделала, перед ней внезапно открылись возможности. Она планировала вернуться в свой родовой замок в Стоункип, чтобы сидеть и ждать окончания войны, если она когда-нибудь закончится. Теперь у нее были варианты, сопряженные с риском. Она не сомневалась, что эта помощь не была одобрена советом, а объявление Шина по-прежнему делало клинков преступниками.

Она медлила не долго. Выгода была сильнее риска. И она подумала с хитрой улыбкой, что Хаджими заявил, что она могла укрыться в Звездопаде. Вряд ли он ожидал такое.

— Я была бы благодарна. У вас есть форма нашего дома? Боюсь, вне этих стен наши варианты будут ограничены, если ваши навыки будут на виду.

Джун кивнул.

— Мы ожидали такую просьбу. Мы готовы уйти, когда готовы вы.

Несмотря на поражение перед советом, Мари усмехнулась.

Глава 10

Коджи споткнулся в тусклом вечернем свете, уперся руками и сразу вспомнил, что снег был холодным, и он не был готов к погоде. Он не помнил, чтобы был когда-то таким усталым, таким затекшим. Он бежал с тех пор, как покинул фермерский дом, слишком поздно сообразив, что ему следовало шагать.

В последний раз он пробежал дистанцию годы назад, когда тренировался как клинок. Хотя его сила была превосходной, он потерял навык бега на длинные дистанции. Тем не менее, он продолжал двигаться так быстро, как могли нести его усталые ноги.

На своем пути он прошел несколько ферм. Все были лишены жизни. Хотя Коджи не проверял, он был уверен, что обнаружит, если заглянет. Трупы, зверски убитые, как и на первой ферме, которую он проверил. Действия его товарищей подгоняли его. Им нельзя было отдать деревню.

Коджи почувствовал Край Реки прежде, чем увидел деревню, и понял, что опоздал. Там было слишком много людей с даром.

Коджи рухнул на колени. Он так устал, но ничего не мог поделать. Слишком поздно он увидел дым, поднимающийся над Краем Реки, и хотя он не мог видеть, что горело, он был уверен, что это были трупы жителей деревни.

Когда его колени замерзли на мелком снегу, Коджи стал бороться со своим гневом. Он хотел атаковать, но идея была безумной. Даже отдохнувший, он все равно был бы убит такой силой клинков. Каким бы он ни был, он добился бы такого же успеха, если бы упал на собственный меч.

Вдалеке на холм поднялись две фигуры. Коджи выругался. В своем изнеможении он

забыл, что, если он мог их чувствовать, они, вероятно, тоже могли почувствовать его. Вот неожиданность и не удалась. Он подумал обнажить меч, но не стал. Его рука с трудом откликнулась на его команды.

Две фигуры застыли, и он услышал, как одна из них выкрикнула его имя. Конечно, подумал он, они помнили его со своей встречи.

Коджи попытался встать, чтобы поприветствовать их, но его ноги подкосились, и он рухнул, в угасающем зрении белый снег стал черным.

Когда Коджи пришел в себя, ему было тепло, а постель была мягкой. Он медленно просыпался, глядя на огонь, который сдерживал холод. Когда к нему вернулось сознание, он почувствовал рядом с собой другого человека и повернул голову, увидел обеспокоенное лицо Акане.

— Мы волновались за тебя, Коджи. Когда ты, Рё и Хироки не пришли к точке сбора, мы опасались худшего, но не могли отложить атаку. Наши разведчики привели тебя, но мы не могли понять, почему ты потерял сознание. Лучшее предположение клинков заключалось в том, что это было истощение, чистое и простое.

Коджи попытался сесть, чтобы проверить самочувствие и дать себе время подумать. Правда убила бы его, но ложь приходила медленно.

К счастью, беспокойство Акане развеяло любые подозрения, которые у нее могли быть. Она наклонилась и положила руку ему на плечо.

— Отдохни, пожалуйста. Теперь некуда спешить. Ты в безопасности среди друзей.

Ее слова произвели непреднамеренный эффект, пробудив его воображение.

— Мне нужно было спешить. Когда мы выходили из дома, на нас напали два клинка ночи. Они были сильны и в битве убили Рё и Хироки. Я убил их, но боялся, что они были частью большой группы. Я искал лошадь, но поблизости ее не было. Я бежал так быстро, как мог, чтобы предупредить вас о возможной опасности.

К его облегчению, Акане кивнула, как будто его история была логичной.

— Как всегда, Коджи, ты вдохновляешь нас. Это было непростое путешествие. Я надеялась, что времени будет больше, но у совета повсюду тени. Несомненно, они надеются остановить наше движение до того, как наши идеи распространятся со скоростью лесного пожара. Я подготовлю наши клинки и удвою количество наших разведчиков. Нас не застанут врасплох!

Убедившись, что о Коджи заботятся, Акане приступила к своей работе, и он понял, насколько она заблуждалась. Она видела заговоры там, где их не было, и, по ее мнению, он не мог сделать ничего плохого, потому что убил короля. Коджи тошнило от всех клинков, но так сильно только от нее.

Вскоре после этого он снова заснул. Коджи был измотан, и он знал, что даже если его история окажется под сомнением, кому-то понадобится как минимум день езды, чтобы добраться до фермы и обратно. У него было время отдохнуть, и мягкий шум реки о берег возле дома успокаивал его.

Когда он очнулся, легко смог встать на ноги. Он потянулся, радуясь ощущению, что все было в порядке. Его мышцы все еще болели от усилий, но реагировали с обычной скоростью. Если ему нужно было сражаться, он был в полной силе.

Услышав, что Коджи не спит, Акане пришла показать ему Край Реки. Она показала ему хорошо оборудованный сарай для дров, конюшню для лошадей и выход к реке, давшей

название деревне. Но изюминкой стал центр села. В землю был закопан столб, и к нему была привязана Аса.

Акане увидела вспышку узнавания Коджи.

— Ты видел этот клинок ночи раньше?

Он кивнул.

— Да. Она дважды пыталась меня убить, — утверждение было правдой, даже если не рассказывало всей истории. Но Коджи узнавал Акане, и его заявление подтвердило все, во что она уже верила.

— Я не удивлена. Она глупая. Она боролась против всех нас, чтобы защитить жителей деревни. В качестве наказания я заставила ее убить двоих, которым она пыталась помочь сбежать. Она была здесь весь день, и я думаю, она скоро умрет от открытости природе, — в ее голосе была очевидна гордость.

Аса отреагировала на разговор о ней, ее взгляд встретился с Коджи. Коджи видел ненависть и покорность и отчаянно надеялся, что Аса не скажет ничего глупого. Но он никогда не уважал ее больше, чем сейчас. Они были на противоположных сторонах битвы, и теперь Коджи понял, что, возможно, был не на той стороне. Она была клинком, который действовал с честью.

Коджи подавил желание убить Акане. Ему нужно было больше узнать о планировке деревни и о том, где размещены клинки. Но его новый путь был ясен. Когда Акане повернулась, чтобы продолжить тур, Коджи почти незаметно кивнул Асе.

Он изучал Асу и чувством, и зрением. На ее скальпе было несколько порезов, кровь стекала по ее лицу, а один глаз распух. Он видел, что она была глубоко порезана как минимум дважды. Кровь свернулась, но кто знал, какие повреждения были под поверхностью? Чувство подсказывало ему, что ее энергия была сильной, учитывая все, через что она прошла, но он также чувствовал ее убыль. У нее было время, но немного.

Он скрывал эмоции на лице всю дорогу, одобрительно кивал, когда этого от него ожидали. Пока его лицо было каменным, разум продумывал побег. Акане была неплохим командиром. Патрули вокруг деревни двигались постоянно, и Коджи знал, что дары тех людей пересекались, создавая непроницаемую сеть. Как только он станет действовать, поднимут тревогу.

Тут было слишком много клинков для него одного. Он был хорош, но не настолько. Он знал по опыту, что терпение могло принести плоды, так что позволил разуму продолжать работать над проблемой.

Коджи дождался, пока большинство клинков заснули, прежде чем покинуть дом, который ему выделили. Патрули все еще ходили, но Коджи не обращал на них внимания. Они были проблемой на потом. Сначала он пошел в конюшню и прикрепил к лошади седло с припасами. Конь будет готов для него, когда он вернется. Другие ощутят его. Если клинки не бросятся все сразу, с ним все будет в порядке. Ему не нужно было много времени.

Когда Коджи приблизился к центру деревни, он заметил, что несколько человек все еще бодрствовали и внимательно следили за ним чувством. Коджи проигнорировал их. Он ожидал, что Акане будет осторожной. Если она сделает шаг раньше него, он с ней разберется.

Расширяя чувство, Коджи уловил энергию Асы, более слабую, чем сегодня, но все еще сильную. Хорошо. Если у нее не было сил, он побег был бы невозможен.

Он пошел прямо к ней. В деревне, где каждый мог почувствовать ваши шаги, не было

смысла медлить.

Когда он подошел, ее здоровый глаз открылся. Он не был уверен, поняла ли она его намек раньше, поэтому не знал, как она отреагирует. Ему повезло. Ее шепот был хриплым. Без сомнения, ей не давали воды.

— Я думала, ты с ними.

Коджи не стал отвечать. Его действия были ответом. Он чувствовал, как за ним шли клинки, но мог игнорировать их еще несколько мгновений.

— Ты можешь стоять? Можешь бежать?

Ее глаза сузились от гнева, что Коджи принял за подтверждение.

— Тогда идем. Шагай к конюшням, — он вытащил меч и разрезал ее путы. Она упала на колени, и на мгновение Коджи усомнился, что она сможет двинуться с места. Но она медленно встала.

— Что ты делаешь?

Голос раздался сзади, и Коджи узнал Акане. Он развернулся, желая боя. Дипломатия и тонкости были не его стилем. Он хорошо бился мечом, и пора было проявить это.

— Я ухожу.

Акане рассмеялась. С ней было все два клинка, и у всех были обнажены мечи. Деревня уже шевелилась, и нужно было уходить сейчас, пока еще был шанс для Асы сбежать.

Акане стала отчитывать его:

— Если думаешь, что ты можешь уйти...

Коджи не дал ей закончить мысль.

Он бросился к клинку справа от него. Клинок отреагировал слишком медленно. Коджи взмахнул изо всех сил, разогнавшись. Его противник смог поднять меч для защиты, но удар Коджи сбил меч противника с дороги. Коджи сделал выпад и пронзил сердце клинка ночи.

Акане уже повернулась с мечом к Коджи. Они дважды миновали друг друга, но скорость Коджи была куда выше. Коджи рассек ее шею и напал на последнего клинка. Это было почти слишком просто. Он уклонился от нервного удара, но противник не смог уйти от удара Коджи.

Аса указала на грудь оружия неподалеку.

— Захватишь мое оружие?

Коджи сделал это, а потом почти понес Асу к конюшне. Позади него раздались крики, но Коджи рассчитывал на несколько мгновений замешательства. Убийство Акане было бонусом. Если Рё был ее вторым, это означало, что он убил большую часть лидеров повстанцев-клинков.

Они сели на лошадь, Аса охнула от усилий. Коджи волновался за нее. Он был почти уверен, что они сбегут из деревни, но она была слабее, чем он предполагал. Не важно. Единственный путь — вперед. Коджи перерезал веревки, удерживающие на месте остальных лошадей, и закричал так громко, как только мог. Животные испугались, и Коджи и Аса выехали посреди небольшой давки.

Как только они смогли, Коджи повернул от деревни в сторону Звездопада. Центр клинков казался лучшим вариантом. Совету нужно было знать, что происходит, и принять меры, чтобы остановить бродячих клинков.

Один из патрульных клинков попытался поймать их, но Коджи сжал бока лошади и легко умчался. Они уехали в ночь, Коджи наслаждался ощущением ветра в лицо, его кипящая кровь остывала.

Вскоре после их побега Коджи почувствовал за собой жизнь. Два клинка преследовали их, их лошади догоняли. Не удивительно. Его лошадь должна была нести двоих. Уверенный, что они находились достаточно далеко от деревни, Коджи остановил лошадь и спешил. Он неплохо бился мечом верхом на лошади, но не осмеливался рисковать их лошадь.

Преследующие клинки не останавливались. Они попытались подавить Коджи, по одному по сторонам от него. Коджи улыбнулся, и его воспоминания о тренировках вернулись к нему. Он и его сокурсники даже практиковали именно этот сценарий. Он был единственным, кто «выжил».

Когда всадники приблизились, Коджи бросился на них, надеясь, что может сбить их с толку. В идеальный момент Коджи повернул налево. Всаднику должно было показаться, что Коджи появился прямо перед ее лошадь.

Коджи едва удалось избежать атакующего зверя, дрожь копыт ощущалась ногами, воздух из ноздрей дул на его волосы. Его меч сверкнул, глубоко врезавшись в бедро всадника, смертельный удар, если дать ему достаточно времени.

Всадник повернулся, но Коджи знал, что битва окончена. Ничего не говоря, женщина ударила лошадь здоровой ногой и поскакала в деревню, без сомнения надеясь, что дойдет до клинка дня, прежде чем потеряет слишком много крови. Коджи не считал ее шансы на успех высокими.

Второй всадник развернулся и спешил. В его глазах вспыхнул огонь, и Коджи решил, что клинок считал, что лучше бился без лошади, чем на ней. Коджи сочувствовал. Он чувствовал то же самое.

Бой завершился за два удара, и Коджи очистил свой меч.

Он расширил чувство, пытаясь уловить еще какое-нибудь преследование. Ничего не было. Он решил, что смятение и поражение преследователей открыли ему с Асой дорогу. Если нет, его сталь все еще была острой.

Беспокойство Коджи было на грани паники. Аса быстро угасала. Он не был клинком дня, но предполагал, что ее внутренние повреждения были хуже, чем внешние. Он ничего не мог сделать, кроме как ехать быстрее.

Когда вечер перешел в утро, на них обрушилась неожиданно свирепая буря. Коджи боролся с пронизывающим холодом, как мог, но он проигрывал. Аса была без сознания большую часть ночи, и Коджи обвязал их веревкой, чтобы она не упала с лошади.

Если бы погода не была такой опасной, Коджи, возможно, посчитал бы ее прекрасной. Он представил, как наблюдает за грозой из укрытия дома, пока огонь согревает изнутри. Хлопья падали на его лицо, крошечные леденящие уколы постепенно высасывали ощущение из его кожи. Он прикрыл себя настолько, насколько это было возможно, но этого было недостаточно.

Дорожные указатели были единственным ориентиром. Он находил одну грудку камней, затем отчаянно искал следующую. Так они двигались к Звездопаду. Очень медленно, и Коджи становился все более уверенным, что они не выдержат.

Его варианты были ужасны. Он мог оставить Асу, поскольку она уже умирала. Лучше один из них выживет, чем никто из них. Но его дух восстал против этой идеи. Он рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее. Он не собирался сдаваться просто потому, что задача усложнялась. Убийство лошади потенциально могло дать им убежище, но это был последний вариант Коджи. Он был уверен, что, если они сделают, им придется ждать

спасения, и дорога к Звездопаду не казалась слишком многолюдной.

Более того, Коджи не мог позволить себе потерпеть неудачу. Не когда на кону стояла жизнь Асы.

Ее присутствие вызвало воспоминания об их дуэли, особенно о том дне, когда Коджи убил Джуро.

Аса знала, что не могла победить, но все равно билась. Он знал результат своих действий и понимал, что она была права в тот день.

Он подвел ее тогда. Но не сегодня. Коджи не хотел подводить ее.

Коджи двигался вперед, искал укрытие.

Когда он увидел вдалеке свет, он подумал, что вообразил безопасность. Кто еще был на пути к Звездопаду, попав в ловушку бури? Он поехал к огню, надеясь, что там найдется убежище и помощь.

Он наткнулся на хорошо оборудованный лагерь с большим прочным шатром, поставленным против ветра. Еще больше удивило то, что чувство Коджи подсказало ему, что палатка была заполнена в основном клинками, и внутри находились двое обычных людей. После недавних переживаний он был насторожен, но он и Аса нуждались в убежище и помощи. Нищие не выбирали.

Коджи остановил лошадь на окраине лагеря. Он осторожно отвязал Асу от себя и коня, а затем начал сложный процесс ее снятия. Он наклонил ее тело вперед, надеясь, что она удержится в равновесии достаточно долго, чтобы он мог спешиться.

Он наполовину соскользнул, наполовину упал на землю, его ноги пронзили иглы боли, когда они приходили в себя после неиспользования. Аса, к счастью, осталась на коне. Он потянул ее вниз и поймал. Она казалась слишком легкой.

Их встретила у палатки пара клинков ночи, которые, несомненно, почувствовали их прибытие. Они поклонились Коджи, когда он остановился перед ними, не так низко, чем можно было бы ожидать от клинков, встречающихся на дороге.

Два клинка выглядели расслабленными, но их руки лежали рядом с мечами. Несмотря на численное превосходство, они нервничали. Коджи понимал это, учитывая все, что происходило в Королевстве.

— Ей нужна помощь, — сказал Коджи, его голос дрожал после долгого молчания.

Они переглянулись и кивнули, сдвинули дверь палатки, чтобы он мог ввести ее внутрь.

Внутри палатка была простой, с выложенными подушками для сна и небольшим столиком, который использовался для небольшой стратегической игры между клинком дня и одним из двух обычных людей, явно военным. Несмотря на простоту палатки, ее тепло сразу же принесло Коджи надежду и новую энергию.

Коджи удивился, когда обычная женщина подошла к нему.

— Приветствую, незнакомец. Меня зовут Мари. Что привело тебя на эту дорогу?

Коджи отметил, что она странно складывала слова, но быстро понял смысл. Она не предложила помощь, а спросила о его цели. Клинок дня и обычный мужчина все еще играли в шахматы, другие смотрели на него и Асу. Некоторые были готовы убрать его, если Аса скажет. Они нервничали, слушались обычную женщину. Кем она была.

Он предложил столько правды, сколько было мудро:

— На нас напали клинки ночи. Я убил их, но мою подругу избили. Мы ехали в Звездопад искать исцеления, — Коджи снова оглядел комнату и рискнул. — Мы собирались сообщить совету, что деревни захватывают нечестивые клинки.

Напряжение в комнате значительно снизилось, и Коджи знал, что его предположение было верным. Эти клинки были верными Королевству. Сначала Коджи почувствовал, как с его плеч свалилась тяжесть. Просто знать, что он не один, было большим облегчением, чем он мог себе представить. Во-вторых, он задавался вопросом, почему эта группа, если они были верными, так нервничала.

Женщина, казалось, понимала его мысли.

— Боюсь, ты не найдешь помощи в Звездопаде, друг. Новости о клинках-изгоях уже достигли их, но Хаджими собирает клинки в их стенах, чтобы защитить их. Он не будет действовать.

Это простое заявление сильно ударило по Коджи, удар выбил из него воздух.

— Клинки отказываются помочь Королевству?

Мари кивнула с сочувствием в глазах.

— Большинство, но некоторые из них, подобные этим, взяли на себя обязательство спасти Королевство всеми силами.

Он глубоко вдохнул, пытаясь сосредоточиться. Мир был хуже, чем он думал, но надежда еще оставалась. Некоторые все еще боролись.

Замешательство Коджи было настолько велико, что он на мгновение забыл об Асе. Чувствуя себя виноватым, он оглядел комнату. Присутствовали два клинка.

— Мастера, пожалуйста, можете ли вы спасти мою подругу?

В помещении воцарилась неловкая тишина. Клинок дня, игравший в шахматы, поднял глаза и заговорил с Мари:

— Это вполне может быть ловушкой, миледи, отвлечением, чтобы лишить энергии наших целителей.

Мари, казалось, размышляла о том же. Коджи думал, что все, что произошло в Звездопаде, заставляло эту группу всех подозревать.

Мари ответила быстро:

— Возможно, но если мы откажемся помогать, мы никому добра не сделаем. Ты сможешь исцелить эту женщину, Джун?

Клинок дня встал и подошел к Асе, положил руку ей на грудь. Он закрыл глаза и несколько мгновений молчал. Когда он снова открыл глаза, его голос стал тревожным.

— Все хуже, чем я думал. Я верю, что смогу, хотя у нее серьезные травмы. Исцеление истощит меня.

Решение было явно за Мари, но Коджи не мог придумать, как убедить ее.

— Сделай это.

Как только Аса был осторожно взята у него, Коджи низко поклонился Мари.

— Большое спасибо; мы у вас в долгу.

Она отмахнулась от благодарности.

— Побереги благодарность, пока твоей подруге не станет лучше. А пока у нас есть пища и тепло. Ты к нам присоединишься?

Глава 11

Аса спала.

Ее сознание ощущалось как сон, но и как самое реальное в ее жизни.

Она бродила между пробуждением и сном, не зная, где и что было. Она слышала голоса и смех, но видела только Коджи, его озабоченное лицо было рядом с ней.

Ее менее ясные моменты были наполнены кровавыми воспоминаниями. Людей,

которых она не смогла защитить, с того дня, как она узнала, что ее отец умер, и до сегодняшнего дня. Жизнь стольких людей была на ее руках.

Аса раньше билась с Коджи на улицах Убежища. Затем снова с Джуро в полях. Оба раза она терпела поражение, но оба раза она думала, что победа была близко.

Затем она увидела, как он сражался с тремя клинками ночи в Краю Реки.

Он был быстрым и сильным. Это тоже был сон? Боль казалась реальной, но ситуация — нет.

Аса был не такой смертоносной, как Коджи. Она была не такой сильной и быстрой. Каждый раз, когда они бились, он играл с ней, но это ее не злило. Она была рада, что он пощадил ее.

Когда она пришла в себя, она оказалась в мире, совершенно отличном от того, в котором была раньше. Она не была холодной или привязанной к столбу. Ей не пришлось смотреть, как тела уносят и сжигают. Вместо этого она находилась в теплой палатке, на заднем фоне звучали мягкие голоса. Она попыталась пошевелиться, но нежная, но твердая рука удержала ее. Проследив линию руки, она увидела, что она принадлежала Коджи, на его лице было беспокойство.

— Джун говорит, что тебе следует отдохнуть. Ты еще не достаточно сильна, чтобы вставать и двигаться. Хотя с тобой все будет хорошо. Он исцелил тебя.

Аса решила, что вопросы появятся позже. А пока она была просто рада, что не спала и жива, и это ее удивило. Она думала, что была готова умереть, что в жизни нет смысла.

Боль от случившегося снова поразила ее. Она согнулась пополам, слезы текли по ее лицу. Она не смогла их спасти. Как она могла жить, зная, что случилось?

Рука обвила ее дрожащие плечи, и она прильнула к успокаивающим объятиям Коджи. Они ничего не сказали, а просто сидели там, Коджи позволял Асе плакать из-за того, что произошло.

В конце концов, слезы утихли, но ей нужно было рассказать историю. Кому-то еще нужно было знать, что случилось, знать, что она чувствовала. Приглушенным шепотом, чтобы не беспокоить остальную часть палатки, она рассказала свою историю, от того, как Коджи убил Шина, до того, как она нашла место, где она чувствовала себя нужной. Она выдавила историю, выталкивая слова, будто они были ядом.

Когда она закончила, она снова заплакала, пока не ощутила себя опустошенной. Она заснула в руках Коджи.

Когда она снова проснулась, палатка представляла собой контролируемый хаос разрушаемого лагеря. Клинки двигались быстро и бесшумно, упаковывали снаряжение с легкостью тех, кто выполнял эту задачу сотни раз. Коджи сказал ей, что буря утихла, и они снова двинулись в путь. Не имея лучших планов, Коджи вызвался сопровождать группу. Аса не возражала. Она спросила о Звездопаде, но Коджи покачал головой. Там не было никакой помощи.

Ей дали лошадь и теплую одежду, и она уже чувствовала себя намного лучше. Группа двигалась пешком, никуда не торопясь. Аса и Коджи остались в тылу небольшой колонны. Впереди женщина по имени Мари спорила с Джуном, клинком дня. Он явно был человеком немалых талантов, раз воскресил Асу.

Она думала, что они похожи на разношерстную группу. Большинство из них носило синюю одежду дома Кита, но униформа плохо сидела, если присмотреться. Они прятались в униформе от холода. Некоторые силы не могли преодолеть даже клинки.

В ту ночь они развели костер, и Мари села рядом с Асой. Та поклонилась леди.

— Коджи сказал, что это вы приняли решение спасти меня. Большое тебе спасибо.

— Пожалуйста. Как ты себя чувствуешь?

— Еще не совсем хорошо, но лучше.

Мари помолчала, затем задала еще один вопрос:

— Вы за Королевство или против него?

Аса усмехнулась, вопрос казался ей абсурдным. После всего, через что ей пришлось пройти, политика ее совершенно не интересовала. Мари выглядела обиженной, и Аса вспомнила кое-что, что когда-то сказал ей Киоши. В то время она считала его заявление приятным и наивным идеалом. Однако теперь она подумала, не было ли это самым мудрым, что она слышала.

— Меня не волнует Королевство, — Мари выглядела расстроенной, и Аса поспешила закончить свою мысль. — Королевство полезно только до тех пор, пока оно защищает людей, которыми правит. Если так, то да, я поддерживаю Королевство. Иначе оно может сгнить. Важно только, чтобы люди были в безопасности и прожили свою жизнь как можно лучше.

Мари сидела молча и заговорила только после того, как внимательно обдумала слова Асы:

— Спасибо, Аса. Я никогда не думала об этом так. Я тоже думаю о людях, но всегда считала, что единственный способ сохранить их в безопасности — это поддержать стабильность Королевства. Возможно, это не единственный способ, — ее голос был задумчивым.

Хоть она плохо знала Мари, она понравилась Асе. Она была прямой, и ее внутренняя сила была очевидна. Коджи объяснил, как Мари получила службу окружавших их клинков, и теперь Аса могла понять, почему. Она еще не была уверена, что готова выполнять чьи-либо приказы, но если да, то Мари казалась таким же хорошим выбором.

Самая очевидная проблема, с которой столкнулась небольшая группа, заключалась в том, что Мари не имела направления. Однажды утром дела достигли апогея, и они даже не сносили лагерь, оставаясь на одном месте, пока не определились с четким курсом действий. Мари возвращалась к своему брату, но Джун несколько раз просил ее переосмыслить это решение, и, наконец, Мари согласилась.

Аса собрала обрывки информации у клинков. Мари прибыла в Звездопад, чтобы найти союз. Просьба выходила далеко за рамки традиций, но положение Королевства было шатким, и Мари привела веские доводы. Хотя ее отвергли, казалось, когда небольшая группа объединилась вокруг нее, она вернулась к своему первоначальному плану, думая пойти к Хироми с клинками.

Аса понимала точку зрения Джуна. Она уже видела, как разыгрывается похожая история, и знала, чем она закончилась. Небольшая группа клинков присоединилась к лорду без благословения совета? Такое действие приведет в ярость и воодушевит других лордов, которые также будут стремиться использовать клинки для своего дела. Аса не сомневалась, что такие попытки уже предпринимались. Возвращение Мари к брату добавит законности этим действиям, и все будет потеряно. Либо совет объединится с одним лордом, либо вообще не поддержит никого. Любой путь между этими вариантами означал бы гибель Королевства.

Мари была упрямой, но, в конце концов, она услышала клинков. Ее готовность изменить свое мнение было свидетельством ее характера, но оставалась проблема: что делать. Коджи предложил ответ, который вызвал споры.

— Мы могли бы вернуться в Край Реки и уничтожить разбойничьи клинки, прежде чем они соберут больше для своего дела.

Клинкам понравилось предложение Коджи. Слухи о том, что произошло в Краю Реки, распространились по всей группе, и ненависть, которую они все испытывали к этим клинкам и их действиям, разгорелась как солнце. Предложение Коджи было прямым и решительным, клинки оценили это.

Мари, хотя и разделяла часть гнева клинков, была более разумной. Она указала, что ее отряд уступал в численности негодяям. Неудача или что-то меньшее, чем поразительный успех, положит конец всему, что они решили сделать.

Но Коджи был убедительным. Он был готов взять на себя большую часть риска. Он будет острием копья. Его голос был сильным и уверенным, и он обрисовал план атаки, который должен был одолеть клинков. Даже Аса признала, что план был смелым. Все будет зависеть от Коджи, но молодой клинок, казалось, готов был принять вызов. Увидев в полной мере его мастерство, Аса волновалась меньше, чем некоторые другие. Коджи был лучшим клинком ночи, которого она когда-либо видела.

В конце концов, Мари капитулировала. Она сделала это с разочарованием, написанным на ее лице, но и с некоторой грацией.

До Края Реки оставалось меньше полдня пути, и было принято решение начать атаку рано утром. Они решили разбить лагерь и перебраться поближе к реке. Несколько клинков во главе с Коджи отправились искать лодку для атаки.

В тот вечер группа сидела у костра, ела и рассказывала истории. Аса никогда не была частью большой группы клинков. Время от времени она путешествовала со своим мастером, но жажда мести всегда отделяла ее. Она привыкла путешествовать по широким просторам и узким городским переулкам в одиночку.

Ее разум гудел от мыслей, переходя от одной к другой, как пчела среди цветов. Она не могла забыть или отбросить воспоминания о своих действиях в Краю Реки. Она поступила правильно, но никакое купание не смыло бы ее вину. Месть была на первом месте в ее сознании, но по опыту она знала, что даже это не положит конец гневу и отвращению, которые она испытывала. Она задавалась вопросом, может ли что-нибудь ей помочь.

Однако быть среди товарищей было утешение. Во-первых, ей не нужно было скрывать, кем она была. Путешествуя одна, она часто путешествовала инкогнито. Ей не нравились взгляды и внимание, которые она получала, когда носила черные одежды, поэтому чаще всего ее оружие было спрятано, а одеяние клинка — в мешке.

Остальные клинки сегодня тоже были без своей формы. Они сбросили синюю униформу дома Кита и заменили ее обычной дорожной одеждой. Они не хотели, чтобы их действия связали с Мари. Оглядевшись, Аса увидела, что товарищи были хорошо обеспечены, их не заставляли надевать заимствованную форму. С таким количеством времени, проведенным в дороге, клинки ценили снаряжение, которое служило долго. Их личные одежды и накидки были толстыми. Большинство из них были в кожаных сапогах, но трое или четверо самых выносливых, включая Мари, носили только сандалии с толстой подошвой.

Рассказы варьировались от простых до мистических, от повседневных до подвигов.

Некоторые звенели правдой. Другие — нет, но они все равно содержали мораль. Душа и тело Асы медленно расслабились, и она с удивлением обнаружила, что наслаждалась.

Джун рассказал историю, которая была вариацией одной из любимых песен Асы:

— Давным-давно жил клинок ночи в маленькой деревне. Он женился на красивой женщине, в которую влюбился, и попробовал себя в качестве фермера, выращивающего рис.

Аса слегка улыбнулась. В легендах клинки и мирные жители свободно женились. Она не знала такого времени, но не раз, когда она была моложе, она страстно желала этого. Сегодня такого не было. Ну, почти, подумала она, к ней пришло воспоминание об одном уникальном мужчине.

Джун продолжил:

— Клинок не был отличным фермером. Урожай вырос, но семья не процветала. Его внимание было разделено, и его владение мечом также не улучшилось. Однажды он наткнулся на белую лису, у которой, казалось, была сломана лапа. Клинок, имевший доброе сердце, предложил отнести лису к ближайшему клинку дня для исцеления. Как только он сделал предложение, лиса встала и пошла, и человек увидел, что у лисы было пять хвостов. Лисица сказала: «За вашу доброту я выполню все, что вы пожелаете». Годы прошли, и обещание лисицы сбылось. Рис в поле умножился, у этого человека родилось трое сильных детей, а ученики со всего Королевства прибывали учиться мечу под руководством знаменитого мастера. Прошло много времени, пока однажды мужчина не наткнулся на раненую кошку. Теперь у этого человека не было времени на такие отвлечения. Он поспешил дальше, но его остановил голос позади него. Он обернулся и увидел белую пятихвостую лисицу на том месте, где когда-то был кот.

Голос Джуна стал глубже, он подражал лисе:

— «За давнюю доброту я защищала и направляла твои поля и твои руки. Из-за твоего невежества я заберу свою магию». Клинок попытался исправить это, но было слишком поздно. Как и было предсказано, его посевы были съедены саранчой, его дети ослабели и были на грани смерти, и пошли слухи, что он не мог остановить ни одного удара мечом. Несколько месяцев спустя мужчина услышал вой раненого кота возле своего дома. Ночь была поздняя, и человек был ожесточен, и сначала он подумал о том, чтобы бросить камень в животное из семейства кошачьих, чтобы заставить его уйти. Но когда он увидел кота со сломанной лапой, он подумал о своих собственных детях, обессиленных, и склонился, чтобы помочь зверю. Когда он это сделал, его глаза открылись, и он увидел, что держит пятихвостую лису на руках. «Ты всегда получаешь то, что вложил в мир», — сказала лиса, исчезая из поля зрения. Клинок не знал, что принесет следующий день, но той ночью он лег спать довольный.

Мари села рядом с Асой. Леди была на взводе, но Аса был в слишком хорошем настроении, чтобы попытаться узнать причину. Ей нравился рассказ. Джун рассказывал историю не так, чем слышала раньше, но суть сказки осталась прежней. Когда Джун закончил, клинок вернулся к своей былой славе, его урок навсегда усвоен, и она обратилась к леди Дома Кита.

— Вас что-то беспокоит, леди Мари?

— Аса, ты ведь видела, как происходили ужасные вещи, верно? — спросила Мари.

Аса вздрогнула от воспоминаний о том, как ее меч дважды опустился.

— Да.

— Я никогда не приказывала людям убивать других. Эта мысль меня беспокоит.

Аса внимательно посмотрела на леди, младшую сестру мужчины, смерть которого она видела. Тот факт, что Коджи убил ее брата, еще не проявился. Аса полагала, что он скажет ей, когда и если он будет готов. Мари была сильной, в этом не было сомнений, но она не росла как воин.

— Смерть — это часть жизни.

— Верно, но это не значит, что я должна ею повелевать. Кто я такая, чтобы иметь такую власть над течением жизни человека, чтобы определять, когда она должна закончиться? Клинки в Краю Реки поступили неправильно, но кто я такая, чтобы решать их наказание?

Леди выглядела так, будто собиралась продолжить. Аса догадалась, что эти мысли приходили ей в голову с тех пор, как было принято решение о штурме деревни.

— Но разве вы не хотите сделать все необходимое для спасения вашего народа?

Ответ потряс Мари, заставив временно замолчать.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не буду делать вид, что понимаю, что значит жить дворянской жизнью. Но жизнь — это баланс, и от тех, кому дано много, многого следует требовать. Вы родились с ответственностью перед своим народом. Если вы ничего не сделаете, эти клинки станут непостижимой угрозой. Так что ваш путь свободен.

— Но разве это требует насилия?

— Может быть, и нет, но другого пути я придумать не могу. Вы можете?

Мари покачала головой с глубокой печалью на лице.

— Не думайте о добре и зле. Вы сведете себя с ума, и никто из нас не знает, как Великий Цикл ведет наши жизни. Вместо этого спросите, делаете ли вы все, что в ваших силах, и будете ли довольны меньшим.

Мари слегка поклонилась Асе. Она ничего не сказала взамен, но Аса видела, как мысли крутились у нее в голове.

Аса не очень интересовалась тяжелым положением Мари. Она ждала утро, хотела восстановить справедливость в отношении тех, кто убил Дайки и Аяно.

□

Аса не могла вспомнить, когда в последний раз была в лодке. Годы назад она плыла из Северного моря несколько дней. Путешествие было не особенно быстрым, но у нее было время между заданиями, и капитан пообещал, что путешествие будет расслабляющим. Путешествие было приятным, полным свежих солнечных дней и спокойного течения, но Аса решила, что в пути по воде не было ничего особенного.

Сегодня ничего не изменило ее мнение. Клинки нашли приличную лодку для своего штурма, ее едва хватило для всей группы. Все были там, кроме Коджи. Мари села сзади, защищенная клинками и Такахиро. Они сидели вместе, в тесноте, жаждали боя хотя бы для того, чтобы слезть с лодки и размять конечности.

Присутствие Мари оспаривалось, но она легко победила. Леди дома Кита утверждала, что не станет лидером, который отправит других сражаться туда, куда она не пойдет. Если они шли по ее приказу, она разделит риск. Ее взгляд и тон сразу дали понять, что она не примет аргументов, но Аса все еще была удивлена, когда клинки сдались. Такахиро пообещал, что останется рядом, будет охранять ее в конфликте.

Лодка плыла вниз к Краю Реки, их несло течение. Река двигалась достаточно быстро, так что снег и лед, покрывающие землю, не могли найти точку опоры. Слышны были только тихий скрип лодки и приглушенный звук румпеля, мягко направляющего воду за ними.

Аса вызвалась путешествовать с Коджи по его части миссии, но он хотел быть один. Ни один из клинков не был уверен в мудрости его решения, но непоколебимая уверенность Коджи убедила их. Даже с его умением Аса не знала, как он одержит победу, если слишком много клинков нападет одновременно, но он был настойчив, и после ее спасения она задавалась вопросом, могла ли только мешать ему своим присутствием.

Сомнения и беспокойство Асы рассеялись по мере приближения к деревне. Она расширила чувство, легко ощутила клинки внутри Края Реки. На таком расстоянии она не могла быть уверена, но клинков стало меньше, чем она помнила. Может, не больше дюжины. Если это правда, силы Мари почти не уступали численностью.

Аса почувствовала, как свет дара угас за пределами деревни. Для тех, кто обладал чувством, другие с даром казались яркими точками света. Когда умирал одаренный чувством, казалось, мир с каждым разом становился немного темнее. Мир снова потускнел. Это могло означать только то, что Коджи, приближаясь к Краю Реки с суши, убил пару стражей. Аса была удивлена, что смерти были так близко друг к другу.

Когда Аса и ее спутники повернули на реке, и деревня впервые показалась в поле зрения, они увидели там замешательство. Клинки бегали, растерявшись, насколько это вообще возможно. На глазах у Асы одна группа клинков ринулась вперед, чтобы защищать пристань, но затем убежала к линии движения Коджи. Похоже, никто не отвечал за организацию обороны.

Аса в изумлении покачала головой. Прошло всего несколько дней с тех пор, как Коджи убил Акане и спас ее. За это время отряд клинков развалился без сильной руки, которая могла направить их. Неужели их дисциплина с самого начала была такой слабой?

Джун решил, что им следовало расположиться недалеко от деревни. Они могли выйти на пристани, но Джун не хотел давать стражам шанс.

Они посадили лодку на свободный участок земли в нескольких сотнях шагов от окраины Края Реки. Мари командовала одиннадцатью клинками. Вместе с ней, Асой и Такахиро, всего было четырнадцать человек.

Готовясь к битве, они решили отказаться от традиции. Идея принадлежала Джуну. Несмотря на то, что он был клинком дня, он участвовал в достаточном количестве стычек, чтобы иметь представление об основной стратегии боя. Аса растерялась, но у Джуна больше всего опыта в боях. Остальные последовали его примеру и внесли свой вклад, насколько могли.

Клинки чаще всего сражались парами, но Джун разделил их на группы по четыре человека. Такахиро и Мари создали свою собственную группу из двух человек, которую защищали три других отряда. Аса не знала, что думала об этой идее, особенно от клинка дня, но когда деревенские клинки атаковали, мудрость мужчины сразу стала очевидной.

Оборона села не управлялась. Клинки шли, казалось бы, наугад, атакуя парами, к которым они, без сомнения, привыкли. Когда каждая пара встретилась с группой из четырех человек, битва была уже решена.

Аса стала оружием своей группы, и первый конфликт закончился почти до того, как начался. Их атаковала пара клинков. Аса шагнула к первому, ее короткий меч легко остановил удар. Позади нее шагнул еще один клинок, его меч скользнул между ребрами противника Асы. Оставшийся клинок, теперь единственный против четырех из группы Асы, быстро умер.

Пока она переводила дыхание, Аса направила чувство и уловила, как умерла еще одна

пара клинков на другом конце деревни. Коджи невозможно было остановить. Их штурм прошел лучше, чем они могли себе представить.

Но становилось все труднее. Остальные защитники поняли, что их тактика не работала. Тот, кто командовал, собрал их в центре деревни, на той же небольшой поляне, где Аса была вынуждена убить Дайки и Аяно.

Собравшись, Мари, Джун, Аса и другие клинки подошли к деревне. Каждая группа шла в стороне от других, пытаясь атаковать центр с разных сторон. Они двигались медленно, стараясь не попасть в ловушки. Было трудно бороться с импульсом к броску теперь, когда кровь кипела в телах, знакомый прилив энергии от боя. Теперь они превосходили своих противников численностью, и все, что Аса хотела сделать, это пробраться в гущу битвы и покончить с ней. Глядя на своих товарищей, она знала, что они чувствовали то же самое. Тем не менее, их дисциплина сохранялась.

До встречи двух сторон Коджи ворвался в центр Края Реки, как стихия. Хотя он был в меньшинстве семь к одному, он не возражал. Зная, как он сражался с несколькими противниками раньше, Аса поняла, что все еще недооценивала его мастерство.

Он был быстрым. Его меч был едва заметен, и даже обладая чувством, Аса едва могла уследить за Коджи. Против семи он все еще мог проиграть, но его товарищи были достаточно близко, чтобы воспользоваться преимуществом от его прибытия.

Битва была ожесточенной. Клинки-разбойники, казалось, знали, что им не будет пощады, и сражались с непоколебимой яростью. Без Коджи битва могла бы сложиться иначе. Но он был силой, которую невозможно было сдержать. Его меч был повсюду, сверкал в лучах раннего утреннего солнца.

Аса оказалась в битве один на один с разбойником. Ее противник уже был ранен и двигался не так быстро, но вкладывал все силы в атаки. Аса увернулась, но не смогла ответить, поскольку враг нанес ей слабый удар. Она продолжала отступать, вынужденная отбить следующий удар противника.

Она остановила атаку немного позже, чем хотела. Сила, вложенная в атаку, оттолкнула ее меч в сторону, оставив ее полностью уязвимой. Казалось, время замедлилось. Она увидела блеск удовлетворения в глазах врага.

Момент длился всего несколько секунд, но поток эмоций, который чувствовала Аса, заставил его казаться целой жизнью. Гнев быстро сменился отчаянием. Гнев из-за того, что она была недостаточно сильна, чтобы что-то изменить.

Клинок Коджи, казалось, появился из ниоткуда, из уголка поля зрения Асы. Его меч пронзил шею ее соперника, атака казалась Асе невозможной. Коджи посмотрел на нее с презрением, а затем исчез, пятно смерти на поле битвы.

Бой закончился через мгновения. Исход был понятен, но Асу удивил их успех. Один из их отряда получил глубокий порез, но Джун и другой клинок дня уже исцеляли рану. Остальные получили лишь несколько царапин. Она не могла в это поверить.

Причина была очевидна, все ее понимали. Коджи показал талант, какой никто не представлял. Аса все еще была в шоке. А она когда-то билась с ним один на один. Тихие поздравления звучали вокруг, но все обходили Коджи, боялись союзника с такой силой.

Аса выдохнула, поняв, что задерживала дыхание.

В ту ночь Мари и ее воины приняли решение разбить лагерь за пределами деревни. После битвы они устроили надлежащую церемонию телам разбойников, но все же никто не

хотел проводить ночь в домах Края Реки.

Их костер горел ярко, деревенские дрова давали товарищам больше тепла, чем они получали за несколько дней. Несмотря на победу, настроение у костра было мрачным. Правосудие удовлетворило клинки, но не принесло им радости. Каждый предпочел бы избежать убийства своих братьев и сестер.

Для Асы пустота была особенно глубокой, вновь открылась та же пустота, которую она чувствовала после того, как свершилась ее личная месть.

Она не могла не думать, что все было бессмысленно. Она всю жизнь пыталась найти и убить человека, убившего ее отца и разрушившего ее семью. Это было сделано, но покоя она не чувствовала. Она отомстила за смерть пары, которая приняла ее в своем доме, и все еще не чувствовала себя лучше.

Ее мысли были сосредоточены на прошлом, и Аса становилась все более разочарованной. Воспоминания о том, как меч Коджи спас ее, крутились без конца. А потом сцены в ее голове изменились. Она увидела, как Джуро умирал от руки Коджи. Она увидела свой меч, когда она забирала жизни тех, кто дал ей убежище.

Пока играли воспоминания, она скрипела зубами, гнев нарастал. Она ненавидела быть той, кого нужно было спасать, ненавидела невозможность сделать больше.

У Коджи таких проблем не было. После битвы, которую он выиграл почти в одиночку, он бросился на очистку деревни и помощь в утилизации тел. Никто не сделал больше, чтобы выиграть бой, и никто не сделал больше, чтобы убрать после этого. Благоговение и страх, которые проявляли другие клинки, постепенно превратились в уважение. Джун по-прежнему был голосом отряда, а Мари была лидером, но Коджи стал сердцем, роль, которую он легко принял.

У Асы таких убеждений не было. Она согласилась вступить в группу для атаки на Край Реки, но потому что хотела отомстить. Теперь она не знала, что делать дальше.

Ее мысли прервал Коджи, севший рядом с ней с искренней тревогой на лице. Он заговорил тихо, чтобы их разговор не подслушали:

— Ты в порядке?

Она ответила неубедительной улыбкой.

— Нет.

Коджи не ответил, дал ей шанс объясниться, если она хотела. Она попыталась подытожить свои мысли.

— Коджи, после всего, что мы сделали здесь сегодня, я все еще не чувствую себя лучше. Нет радости от того, что мы сделали, даже от выполненной задачи. Часть меня рада, что мы принесли справедливость жителям, но они ушли к Великому Циклу, и я не уверена, что им это безразлично. Что будет дальше?

Последовало долгое молчание, Коджи обдумывал ответ. Это напомнило Асе об их первой встрече, когда она подумала, что, возможно, он был глуп. Теперь, как и раньше, она осознала, насколько ошибочным могло быть это впечатление.

— Не знаю, как ты, Аса, но я не борюсь за мертвых. Я борюсь за живых.

Это простое заявление потрясло Асу до глубины души. Ее жизнь промелькнула перед глазами: день, когда она узнала о смерти своего отца, ее тренировка в качестве клинка ночи, ее вечера без сна от мыслей о лице убийцы ее отца. Могла ли жизнь быть такой простой?

Как бы ни была смущена Аса, она не смогла прийти к выводу, так как Мари подошла и села рядом с ними.

Она была прямой и точной:

— Я не знаю, что вы двое хотели делать дальше, но от имени всех присутствующих здесь я с удовольствием приглашаю вас присоединиться к нам.

Аса взглянула на леди. Мари двигалась грациозно и уверенно, не выказывая ни малейшего колебания, которое было у нее накануне вечером. Глядя на нее, Аса не могла сказать, что Мари только что участвовала в жестоком сражении. Но как бы она отреагировала, если бы узнала, что мужчина, рядом с которым она сидела, убил ее брата, лорда ее дома, а женщина рядом с ним не смогла защитить его? Сможет ли она по-прежнему выглядеть властно, как сейчас?

Аса отбросила эту мысль. Ей нужно было перестать жить прошлым и думать о настоящем.

— Куда вы пойдете?

Голос Мари был увереннее, чем Аса ожидала.

— Мы пойдем на юг и запад. У меня обширная сеть теней, и там я могу получить больше информации. Я планирую продолжить путешествие по Королевству, пытаясь помочь, чем могу. С клинками дня и ночи мы можем как лечить, так и применять силу. Я надеюсь сделать больше первого, но если второе необходимо, пусть так и будет.

Асе уже нравилась Мари, но решимость в ее голосе была лишь спусковым крючком, необходимым ей для принятия собственного решения.

Коджи ответил первым:

— Я буду рад присоединиться к вам.

Мари кивнула. Если она была лидером, как предполагала Аса, ответ Коджи не стал сюрпризом.

Ответ Асы был столь же уверенным:

— Я не испытываю ничего, кроме уважения к тому, что вы делаете, леди Мари, но сейчас я не могу присоединиться к вам.

Единственной реакцией Мари была приподнятая бровь.

Аса почувствовала необходимость объясниться.

— Вы мало знаете обо мне, миледи, но большую часть жизни мною двигала месть. Не так давно я совершила эту месть, но она не принесла мне покоя. Она только заставила меня усомниться в том, кто я. В Краю Реки я впервые почувствовала удовлетворение, о котором давно не вспоминала. Я не знаю, кто я без мести, и пока я не решу это, я скорее помеха, чем помощница. Я вынуждена с уважением отклонить предложение, хотя надеюсь, что приглашение останется в силе, и я смогу присоединиться к вам позже.

Мари кивнула.

— Я не буду делать вид, что понимаю твои доводы, но да, предложение останется открытым. Мы всегда будем рады видеть тебя.

С этими словами Мари встала и оставила двоих наедине.

Коджи посмотрел на Асу.

— Я удивлен. Я думал, ты точно согласишься. Хочешь, чтобы я присоединился к тебе?

Аса почувствовала искреннюю благодарность к Коджи в этот миг. Возможно, он не понимал ее, но Аса осознавала важность вопроса и глубину содержащихся в нем чувств. Она печально покачала головой.

— Хотя мне не нравится твоя компания, я считаю, что для тебя будет лучше, если ты

продолжишь работу с Мари. Она идет по тому же пути, по которому ты хочешь идти, и я бы не хотела, чтобы это у тебя отняли. Знай, что я найду тебя, если и когда смогу.

Коджи не обрадовал ответ, но он принял это.

— Куда ты пойдешь?

Аса улыбнулась от глупости своего решения.

— Мне нужно проведать друга.

Глава 12

Аса отбыла рано утром. Мари скучала бы по клинку ночи, но у нее были дела важнее. Много дней прошло с тех пор, как она оставила Хироми воевать, и ей нужны были новости.

Мари не врала, сказав Асе о своих планах на будущее, но не раскрыла всей правды. Она не призналась воинам, которые путешествовали с ней, но Мари тайно надеялась, что их сила могла использоваться во благо ее брату. Она понимала, что была предвзятой, но если Хироми сможет стать следующим королем, будущее Королевства будет безопаснее.

Она планировала продолжить движение на юго-запад, к руинам Убежища и последнему месту, которое занимал ее брат. Были места, где она могла остаться, где сеть теней могла передавать ей информацию. Теперь у нее было оружие, группа клинков, готовых следовать за ней. Обладая информацией, она могла владеть этим оружием со смертельной точностью, поражая цели, которые могли изменить ход войны.

Ее клинки разобрали лагерь и направились к гостинице, где Мари могла найти новости, которые искала. Большинство ее клинков решили разбить новый лагерь примерно в лиге от гостиницы, им было удобнее на равнинах, чем среди людей. Джун, Такахиро и Коджи сопровождали ее до гостиницы.

Они оставались там два дня, пока информация доходила до нее. Мари внимательно изучала переписку. Большинство писем были квадратными кусочками бумаги со сломанным сургучом, но некоторые были заметками ее собственных разговоров и мыслей. Она больше не просто собирала информацию. У нее была цель и замысел.

Новости были и хорошими, и плохими. Хироми выиграл первый бой с Каташи. Хотя отчеты были разными, Каташи, очевидно, слишком быстро направил свои войска. Войска Хироми не были так организованы, но они были отдохнувшими и сытыми. Их отец всегда говорил, что армия лучше сражается с сытым желудком.

Она должна была обрадоваться новости. Их дом праздновал победу, но ее сердце отказывалось. Она сказала себе, что это произошло потому, что она оплакивала потерю стольких жизней, не желая признавать, что ее тешила мысль о том, что, если бы Каташи победил, война могла бы закончиться почти так же быстро, как и началась.

Плохая новость заключалась в том, что победа не была решающей. Рассказы, которые читала Мари, написанные сухими наблюдательными тонами профессиональных теней, не могли в полной мере описать бой. Но цифры говорили о многом. Тысячи мертвых с обеих сторон. Силы Каташи были сокращены более чем на две трети, но для Хироми ситуация была не намного лучше.

Ее брат потерял в битве более половины своих людей. Они отогнали Каташи, но цена была слишком высокой. Мари подумала о количестве семей, потерявших сына или мужа за месяц. Если Хироми не будет осторожен, он нанесет вред целым поколениям.

Мари внимательно изучила всю информацию о битве, но ничто не вызвало интереса так, как небольшая записка, написанная на ничем не примечательном квадрате бумаги плохого качества. Записка была написана маленьким аккуратным почерком одного из

помощников Хироми и одной из самых важных теней Мари.

В записке говорилось, что ее брат и его генералы подумывали об отступлении на зиму в свои дома. Только началась осень, и в большинстве прошлых лет еще было время закончить кампанию. Но эта осень оставалась холодной. Хотя в это время года снег не был чем-то необычным, он никогда не оставался на земле. В записке от другого ее знакомого на их землях сообщалось, что многие горные перевалы уже закрыло снегом. Казалось, зимняя погода наступила рано, и Хироми и его генералы осознавали это.

Отступление на зиму было правильным решением. Несмотря на то, что она не была обучена военному делу, Мари знала это достаточно хорошо. Их армия не была готова для зимней кампании, и семьям требовалось собрать урожай, который еще не погиб от мороза.

Трагедия заключалась в том, что из-за того, что они отступали, их ожидала более длительная война. Без решительного победителя у каждого дома будет зима, чтобы перегруппироваться и спланировать стратегию на грядущую весну. Вместо того чтобы случайно встречаться по армии из каждого дома, каждый сможет задействовать все свои силы.

Мари записала всю важную информацию шифром, который она создала для себя. Оригиналы писем были сожжены в камине в ее комнате.

У нее не было плана. Судя по всему, что она знала, ее маленький отряд никак не мог изменить курс Королевства одним ударом. Но ей нужно было поговорить с братом. Вместе они смогут продумать грядущую войну.

Когда Хироми вошел в таверну, Мари улыбнулась. Она и ее клинки были в дороге два дня, догоняя его армию, и она позаботилась о том, чтобы ее письмо дошло до него. Тем не менее, она не была уверена, что он придет. Она не осмелилась войти в его лагерь, и убедить его покинуть защиту своей армии было немалым риском. Его охрана была снаружи, чтобы гарантировать, что это тайное свидание было защищено.

Ее улыбка вызвала возмущенные и озабоченные взгляды. Хироми бросился к ее столику и сел.

— Мари! Где ты была?

Мари открыла рот, чтобы ответить, но его вопросы продолжались, не давая ей шанса.

— Ты знала, что я ужасно беспокоился? Знаешь, как страшно, когда сестра уходит накануне битвы с загадочной запиской, которая может быть даже не настоящей? Я боялся, что тебя взяли в заложники, чтобы использовать против меня. Пожалуйста, никогда больше не делай этого. Ты единственная семья, которая у меня осталась.

Мари тронуло беспокойство брата. Иногда было легко забыть об их родстве.

Увидев, что брат наконец-то дал ей возможность говорить, Мари ответила:

— Прости, брат. Я не думала, что мой отъезд повлияет на тебя так, как это произошло. Поверь, я не хотела зла, но я не могла довести дело до вашего сведения. Мне нужно было действовать.

Хироми выглядел так, будто вот-вот мог взорваться, но он взял себя в руки и глубоко вдохнул. Его плечи поникли. Мужчина перед Мари был не лордом, а ее младшим братом. Мари напомнила себе, что он тоже переживал борьбу.

Когда он снова заговорил, его голос стал тише, но в нем был оттенок стали, которого Мари не замечала раньше. Он был окровавлен войной, и этого нельзя было отнять.

— Я тоже прошу прощения за то, как с тобой обошлись. Я попал в ситуацию, к которой

я не был готов, и вы мне не помогали. Как бы мы ни хотели, чтобы Джуро был жив, его нет, и теперь я хозяин нашего дома. Моя сестра не может сомневаться во мне в присутствии моих генералов. Ты не оставила мне выбора.

Голос Мари был также мягким, но твердым:

— И ты не оставил мне выбора. Я пыталась рассказать тебе о своих опасениях наедине, но ты меня не пустил. Я чувствовала, что нет другого способа поговорить с тобой.

Хироми посмотрел ей в глаза.

— Похоже, мы оба признали свои ошибки. Пойми, я не могу вернуть тебя в свой совет, но я обещаю, если ты попросишь разговора, я всегда буду доступен.

Мари ожидала такое.

Лицо брата стало любопытным, Мари поняла, как изменился разговор.

— Сестра, расскажи теперь, что ты делала, и почему мы встречаемся в таверне вне моего лагеря, а не внутри него.

Мари отчасти не хотелось рассказывать Хироми правду. Он только помирились, и она переживала, что снова все разрушит. Но выбора не было. Ей нужен был брат, теперь больше, чем раньше.

Она глубоко вдохнула.

— Я побывала на миссии в Звездопаде.

Глаза Хироми миг назад были теплыми, дружелюбными и встревоженными, но вдруг стали холодными. Она боялась такого выражения лица и поспешила объяснить, пока он не ушел.

— Я знала, что ты не одобришь, брат, потому ушла, не сказав тебе. Я надеялась получить союз с клинками для нашего дома. С их помощью ты смог бы победить в войне быстро и снова принести мир в Королевство.

Она смотрела на войну эмоций на лице ее брата. Она видела, что он хотел встать и уйти, больше не говорить с ней. Но он только что пообещал, что всегда выслушает ее, и если бы не данное слово, он точно уже ушел бы. В конце концов, все его тело содрогнулось, когда он сделал глубокий и громкий вдох.

— Ты безрассудна, моя сестра. Я не знаю, что могло заставить тебя думать, что это разумный образ действий. Неужели ты так быстро забыла, что нашего короля убили клинки? Что клинки убили нашего брата? Что они замыслили править этим королевством? Если бы ты не была мне родной сестрой, я бы немедленно казнил тебя за измену. И подумать только, что ты делала это со связью с нашим домом. Ты принесла нашему имени только позор и бесчестье.

Каждое заявление было произнесено тихо, но с силой удара, и каждое ощущалось именно так для Мари. Она ожидала, что Хироми не одобрит, но не ожидала такого уровня недоверия или ненависти. Внезапно она осознала, насколько ошибалась в одном факте: для клинков было уже слишком поздно. Ущерб был нанесен. Новости и слухи достигли точки невозврата. Чувства ее брата не были рациональными. Он просто ненавидел клинков. И если лорд ненавидел клинков, его подданные тоже.

Она поняла, что с Хироми не будет никаких доводов. Выражение его лица говорило об этом даже яснее, чем его слова.

Мари застряла на распутье. Она не хотела терять брата, но и не хотела терять клинков.

Хироми решил за нее проблему:

— Я не знаю, что ты запланировала, Мари, или о чем ты думаешь, — он встал из-за

стола, его голос был достаточно громким, чтобы она могла его услышать. — Но прекрати свои глупые игры и возвращайся домой. Тебя примут, и, несмотря на это безумие, я все равно приму к сведению твой совет о будущем нашего дома. Но тебе нужно вернуться домой сейчас же. Пройдет уже месяц через двенадцать дней, да? Я вижу по твоему лицу, что ты все еще во что-то вовлечена. Заканчивай это. Если вернешься в Стоункип к полнолунию, все проступки будут прощены. В противном случае можешь вообще не возвращаться.

Мари ехала к лагерю клинков тихо, задумавшись. Как мог мир быть таким неправильным? Внезапно все показались врагами. Если вы не были полностью согласны с одним мировоззрением, вы были предателем своего дома, злым человеком.

Глаза Хироми так быстро изменились. Эта сцена многократно повторялась в ее голове, и каждый раз она вздрагивала при воспоминании. Она понимала его гнев. Если она найдет клинок, убивший ее брата, она захочет убить его.

Четверо въехали в лагерь, не сказав ни слова. Такахиро, Джун и Коджи были в таверне, охраняли Мари, пока она встречалась со своим братом. Они не были достаточно близко, чтобы услышать обсуждение, но они увидели достаточно, чтобы понять, что все прошло не очень хорошо. Они не задавали вопросов, давая ей возможность подумать.

Когда они въехали в лагерь, Такахиро молча забрал ее лошадь. Мари подошла к маленькому костру в центре лагеря и села, задумавшись.

Солнце поднялось в небе и начало опускаться, а Мари по-прежнему не двигалась. Иногда ее взгляд был рассеянным, опущенным на землю перед ней, затем он фокусировался и наблюдал за клинками вокруг нее.

Как и большинство мирных жителей, Мари проводила мало времени с клинками. Путешествие с небольшой группой дало ей новое понимание культуры людей, имевших уникальный статус в Королевстве.

Из одиннадцати клинков, путешествующих вместе, четыре были женщинами. Трое были клинками дня. Джун был, безусловно, самым старшим, а большинство остальных, похоже, были ненамного старше Мари. Ей было любопытно, считалась ли ее группа представительницей клинков. Или у младших клинков просто больше надежды на Королевство?

Больше всего ее удивило то, насколько удобно ей стало с ними. В ее предыдущей жизни получение полных предложений от клинка считалось достижением. В лагере в окружении одаренных сверстников они не были болтливými, но общались регулярно.

Тем не менее, их преданность тренировке отделяла их от других. Из своих исследований Мари знала, что большинство клинков жили в тренировках, но увидеть это в действии было совсем не так, как она ожидала. Если группе нужна была еда, уходили только один или два охотника, эта роль передавалась между клинками. Как только еда была добыта, группа игнорировала охоту до тех пор, пока не закончился текущий запас.

Вместо этого клинки ночи, казалось, делили свое время между дуэлями на деревянных мечах и медитацией. Даже клинки дня тренировались бою. Мари провела немного времени в воинских частях, где больше всего энергии тратилось на то, чтобы заставить солдат сосредоточиться на текущих задачах. Здесь Мари подумала, что им стоило чаще отдыхать.

По дороге они тоже двигались иначе. Большинство групп путешествовали бы плотной толпой. Не клинки. Они ненавидели слишком частую близость друг к другу. Они рассредоточились широко, направляли свой дар, чтобы заметить засаду. Даже когда они

располагались лагерем, палатки стояли дальше друг от друга, чем у обычных пехотинцев.

Несмотря на их странности, Мари чувствовала себя комфортно. Ее сердце больше не колотилось каждый раз, когда с ней заговаривал клинок ночи, и она смеялась вместе с ними у костра.

Ее брат ясно дал ей понять. Либо он, либо клинки, но не то и другое одновременно. Ей очень хотелось вернуться в Стоункип с его знакомыми каменными стенами и отвесными тропами. Но Мари не могла отогнать ощущение, что ей суждено остаться с клинками. Если она примет предложение брата, он сможет услышать ее совет, но как часто он будет действовать в соответствии с ним? Он легко проигнорирует ее совет в пользу своих мыслей. С клинками она могла действовать, а не только советовать.

Той ночью, у костра, Мари рассказала группе о своей проблеме, так как чувствовала, что все они заслуживали того, чтобы узнать ее дело. Она рассказала о своем разговоре с Хиروми и поведала им о своих страхах, о том, что отношение к клинкам зашло слишком далеко.

Клинки с удивительным спокойствием приняли ее опасения. Мари ожидала, что они будут расстроены или обеспокоены. Вместо этого она, казалось, просто подтвердила то, чего они все боялись. Джун так и сказал:

— Ваши тревоги обоснованы, миледи. Как и вы, я хочу, чтобы они не соответствовали действительности, но боюсь, описанное вами отношение слишком часто встречается в последнее время. Если бы вы провели день в нашей шкуре, вы бы это поняли. Мы привыкли к вниманию, но никогда не боимся. Даже клинков дня, которые лучше всех исцеляют, не пускают в деревни, где наша помощь может означать разницу между жизнью и смертью. В глазах людей мы не являемся частью того мира, в котором они живут.

Мари боролась с захлестнувшей ее волной беспомощности.

— Тогда что можно сделать? Я боюсь не только за клинки, но за Королевство без клинков. Одно не может выжить без другого.

Ее вопрос встретила тишина. Она надеялась, что хотя бы у одного из них была стоящая идея.

В конце концов, Такахиро нарушил молчание:

— Я не знаю, как изменить отношение Королевства. Такая работа выходит за рамки моих навыков и опыта. Однако я считаю, что изменение происходит по одному человеку. Это то, что мы можем сделать. Один человек, одна семья, одна деревня за раз. Мы можем заставить людей поверить в то, что возможно иное будущее. Мы можем снова заставить людей поверить в клинков.

Мари посмотрела на своего стража, тронутая решимостью в его голосе. Ей нравилась его мысль, но она не хотела этого.

— Ты говоришь о работе всей жизни.

Такахиро кивнул, его пыл взял верх.

— Тогда хорошо, что у нас есть еще вся наша жизнь.

Этот комментарий вывел Мари из депрессивной задумчивости. Конечно, он был прав. Его идея не была решением, которое она хотела, но Такахиро указал им путь, и это было больше, чем она предлагала. Оглядевшись, она увидела, что клинки соглашались с ним. Она не могла не улыбнуться. Для нее Такахиро был доверенным лицом, надежным стражем и отличным мечником. Она никогда не думала о нем как о лидере. Было ошибкой недооценивать своего врага, но также было ошибкой недооценивать своих друзей.

— Хорошо. Тогда решено. Эту зиму мы проведем в служении Королевству. Мы принесем исцеление, а там, где этого недостаточно, мы сможем дать силы. Вместе мы будем распространять новую идею и работать над новым днем.

Клинки не хлопали, но Мари устроило удовлетворение в их глазах.

Джун кашлянул.

— Миледи, есть кое-что, о чем говорили некоторые из нас, и я считаю, что на это следует обратить ваше внимание. Все мы здесь знаем, кто вы, но если ваши действия станут известны, вы можете разрушить свою семью. Может быть, было бы разумно, если бы с этого момента вы носили что-нибудь, чтобы скрыть свою личность?

Мари было стыдно, что она сама об этом не подумала. Если она пойдет по этому пути и будет схвачена, или даже если слухи разойдутся, откровение станет удобным предлогом для двух других лордов объединить силы против Хироми. Этого она не могла допустить.

— Ты прав. С этой ночи я буду скрывать свою личность.

Джун удовлетворенно кивнул, и разговор перешел на другие, менее важные темы. Внимание Мари переключилось, ее воображение наполнилось мыслями о Стоункип. Она будет скучать по тому месту и будет скучать по брату еще больше. Но она была убеждена, что даже если ее действия не были идеальны, она двигалась в правильном направлении. Шаг за шагом она создавала лучшее королевство.

Глава 13

Зима была тихой, холодной и жестокой. Коджи и его товарищи, возможно, и не сражались с толпами врагов, но леди Мари хорошо их занимала. В это суровое время их настоящими врагами были не другие люди, а стихии.

Коджи, в частности, чувствовал, что он никогда не работал так усердно с тех пор, как он тренировался как клинок ночи годы назад. Часть работы была сделана им самим. Лично он тренировался усерднее, чем когда-либо. Было много дел.

Спустя несколько месяцев после ухода Асы количество клинков под командованием Мари увеличилось. Их группа, первоначально состоявшая из дюжины человек, теперь насчитывала более пятидесяти, и почти каждый день приходили новые люди. Слухи о деяниях Мари распространялись. Она сдержала свое слово, и даже лучше. Товарищи ходили из деревни в деревню, избегая больших городов, делая все, что могли.

Насколько могли, клинки исцеляли, не выдавая себя — задача не из легких, и не всегда им удавалось. Не один раз их выгоняли из деревень, потому что их истинные личности были раскрыты.

Но каждый раз они уходили без потерь, и слухи о поведении и действиях товарищей распространялись.

Всего восемь дней назад они пришли в деревню, где старейшина молился об их прибытии.

Коджи рискнул войти в этот район. Одиноким клинок всегда шел первым. Не один раз настроение в деревне оказывалось слишком неустойчивым, чтобы рисковать. Не в этот раз. Коджи вошел и спросил старосту деревни. Его сопровождали в дом местного лидера, но когда он вошел, старейшина лежал ниц перед храмом Великого Цикла.

Когда Коджи сказал старейшине, что он с Леди в Белом, мужчина расплакался, сказав ему, что он только что молился об этом. Деревня голодала, и местные охотники не могли найти пропитание в суровую погоду. Коджи было не по себе от похвалы старейшины, но их встретили с распростертыми объятиями в деревне.

Позже этим утром приехала Мари. Ее дорожные одежды были белыми, как и шелковые мантии под ними. Хотя ее редко можно было увидеть, Мари приняла наряд как костюм, и некоторые детали были упущены из виду. Ее волосы были перевязаны белой лентой, а лицо закрывала вуаль.

Ее выбор был спорным. Для большинства белый цвет символизировал смерть, но Мари утверждала, что он олицетворял очищающую силу зимы. У нее был свой путь, и теперь, когда клинки въезжали в деревню, их возглавляла Леди в Белом.

Тот день был утомительным. Ни одна задача не была слишком большой или слишком маленькой. Были принесены десятки недавно убитых животных. Клинки дня исцеляли все, что могли. Джун сел с местным знахарем и предоставил материалы и рекомендации по различным смесям. Один или два младших клинка играли с молодежью в деревне.

Наблюдения за Мари хватало, чтобы дать человеку надежду. Служение под ее началом было тем, какой Коджи считал жизнь клинка ночи. Впервые он почувствовал, что навыки, над развитием которых он так много работал, улучшали мир.

Он был не единственным, кто так думал. С начала движения Мари не ушло ни одного клинка. Все, кто начал с ней, остались, и, насколько было известно Коджи, ни у кого не возникало мыслей об уходе. Клинки на ее службе только сильнее хотели служить.

Увеличение размера группы сопряжено с определенными трудностями. Самой очевидной и долгой задачей была добыча еды. Зима была настолько суровой, как предсказывала осень. Погода ни разу не потеплела, даже несколько дней. Воздух стал более холодным, резкий ветер проникал подо всю одежду, и слой снега, казалось, с каждым днем становился все толще.

Ставить палатки на снегу стало труднее. Часто они останавливались, когда находили небольшие рощи деревьев, которые давали и укрытие, и меньшее количество снега, который можно было копать. Они разводили костры высоко, готовясь ко сну, и одной из основных задач ночного дежурства было следить за тем, чтобы огонь не сгорел.

Хотя многие клинки ночи трудились, Мари, казалось, процветала. Она добывала меньше, чем большинство клинков, но выглядела уверенно. Многие клинки сочли это признаком ее стойкости, но Коджи видел только женщину, выросшую в горах.

Охота была несложной задачей для клинка ночи. Когда вы знали, где находится жертва, большая часть трудностей пропадала. Для учеников охота была одной из первых задач, которую должны были освоить клинки ночи.

Однако Коджи никогда не охотился в такую погоду. Даже если вы могли почувствовать добычу, добраться до нее по глубокому снегу было совершенно другой проблемой. Он потерял счет тому, сколько раз ему казалось, что он находится в пределах досягаемости оленя или кролика, но терял животное в снегу. Каким бы хорошим он ни был, он не так хорошо приспособился к снегу, как создания лесов и равнин. Коджи был в этом не одинок. Все они изо всех сил пытались охотиться, и чаще всего Мари приказывала, чтобы убитую пищу отдавали деревням и фермам, мимо которых они проезжали. Коджи еще никогда не был таким худым.

Оставаться скрытыми было тем труднее, чем больше людей приходило. Одно дело спрятать дюжину людей, но пятьдесят — совсем другое, а когда их станет сотня, будет еще тяжелее. Постоянно возникал вопрос, что делать с их растущим числом, оставаться вместе или разделиться и разойтись.

Коджи считал, что они должны разойтись. Преимущества путешествия небольшой

группой были слишком сильны, чтобы их игнорировать. Они могли двигаться быстрее и легче скрываться. Они могли с большей легкостью прокормить себя, и чем больше они расходились, тем дальше передавалась их идея. Коджи изложил свои аргументы, но окончательное решение было за Мари.

Он понимал аргумент о безопасности в количестве, но не верил, что безопасность стоит той цены, которую они заплатят.

Коджи не завидовал решению Мари, которое ей пришлось бы принять. Он чувствовал, что одно дело — играть героя, когда у тебя есть группа, достаточно большая, чтобы приносить пользу, но не настолько большая, чтобы представлять угрозу для основных сил мира. Если этот рост продолжится, Мари скоро будет командовать большим и яростно преданным контингентом клинков, одним из самых больших, когда-либо собранных за пределами Звездопада.

Когда это случится, они точно привлекут внимание лордов, а потом Мари проверят в бою. Она будет биться? Они будут убегать и прятаться? Огонь их веры, который когда-то горел так ярко, угаснет, пока не растает даже дым? Коджи не знал ответа, но был благодарен, что это от него не требовалось. Его устраивало служить, как он мог.

Коджи понимал, несмотря на комфорт, что вскоре решения придется принимать. Близилось время расплаты.

Коджи проснулся раньше рассвета, это было его новым обычаем. Когда он был моложе, он не чувствовал необходимости вставать рано. Он часто засыпал поздно ночью из-за друзей и просыпался, когда ему было угодно.

Вскоре он обогнал своих друзей во владении мечом, и его перестали звать на их вечерние прогулки. От этого было больно, но Коджи сосредоточил свои усилия на тренировках, становясь все сильнее, опережая их еще больше. Но его ночные привычки сохранялись до недавнего времени.

Он не мог точно сказать, почему. Раннее пробуждение казалось правильным, а возможность увидеть восход солнца утром стала одним из любимых моментов его дня. Утро было временем тишины и возможностей, новым днем, который еще не наступил.

Это не значило, что Коджи было не сложно выбраться из постели. По утрам он просыпался с одеялом на голове, уютным по сравнению с холодным воздухом палатки. Преодолев первое препятствие, он все равно покинул палатку и вышел на свежий зимний воздух, который был таким холодным, что его ресницы слипались, если он надолго закрывал глаза.

Коджи тепло оделся и вышел из палатки. Посмотрев вверх, он не увидел звезд, но так было последние три дня. Мягкий ветерок носился по равнинам, но даже он был достаточно холодным, чтобы проникнуть сквозь его одежду.

Пройдя ночного стража, Коджи побрел прочь от лагеря. То, что он собирался сделать, было легче, если никого не было рядом.

Он нашел место, где земля была слегка вдавлена, что обеспечивало слабую защиту от ветра. Коджи необязательно было искать удобства, но немного не повредит. Довольный, он сел и скрестил ноги. Он начал с того, что сосредоточился на дыхании, глубоко вдохнул, отчасти выдохнул, снова глубоко вдохнул и повторил процесс. Этой технике его научили в молодости. Это помогало согреть тело в холодную погоду, и тут это работало, как всегда.

Настроив дыхание, Коджи попытался медитировать, расслабиться с даром, который он

получил при рождении. В обучении он не был сильным в медитации, предпочитал действия и движение. Его способности с чувством были достаточными, но, как для клинка ночи, это была его самая большая слабость. Были другие, которые могли чувствовать гораздо дальше, чем он, которые могли улавливать детали в действии, которых он никогда не мог.

Но в Краю Реки у него произошло открытие. Битва началась достаточно нормально. Он убивал патрули, как они и планировали, но когда он добрался до центра деревни, что-то изменилось. Он сражался на уровне, намного превосходящем то, на что он думал, что был способен. Коджи не проявлял ложной скромности. Он знал, что был отличным мечником, но он никогда не сражался так хорошо.

После битвы Коджи пытался восстановить это чувство, чтобы понять, что произошло. Он сразился почти со всеми клинками, часто настаивая, чтобы они нападали на него группами. Ощущение больше не возвращалось, что заставило его усомниться в своих воспоминаниях о том дне.

Хотя у него не было ответов, у него были подозрения. Битва по своей природе обостряла концентрацию. В сочетании с яростью, которую он испытывал к этим клинкам и их бесчестному поведению, он боролся в идеальных условиях, чтобы поддерживать почти идеальную концентрацию. На самом деле он не был быстрее или сильнее; он чувствовал это только потому, что использовал свой дар лучше, чем когда-либо прежде.

Больше месяца он преследовал это подозрение, временами чувствуя себя мучительно близким к ответам. Были моменты, когда его реальность менялась, когда он знал, что должно было произойти, задолго до того, как он должен был это сделать. Однажды он знал, какой удар нанести противнику, прежде чем другой клинок даже обнажил оружие. Он был на правильном пути, но каждый раз, когда ощущал успех, ему хотелось только большего.

Клинок ночи жалел, что не уделял больше внимания, когда был моложе, а его мастера пытались показать техники тренировки разума. Он вспомнил несколько основных стратегий, и некоторые из клинков в лагере показали ему другие, но он давно не тренировался. Восстановление навыка было почти физически сложной задачей.

Но Коджи не сдавался. Он пару мгновений испытывал следующий шаг в развитии. Каждое утро до пробуждения лагеря он уходил и медитировал, искал новый навык.

В конце концов, Коджи открыл глаза и нормализовал дыхание. Сегодня были намеки, что он приближался, удары сердца, когда все, казалось, стало более четким. Но прорыва не произошло.

Коджи встал. Он знал, что солнце взошло, но это было трудно понять. С густыми вездесущими облаками наверху единственная разница между рассветом и днем заключалась в том, насколько яркими стали серые облака. Погода влияла и на других клинков. Атмосфера в лагере была тихой и мрачной. Мари скоро придется устроить праздник, чтобы поднять настроение.

Возвращаясь к группе, Коджи удивился, встретив Джуна, медитирующего примерно так же. Когда он приблизился, клинок дня открыл глаза, явно не преуспевая в практике.

Движимый любопытством, Коджи остановился.

— Джун, когда ты медитируешь, что это тебе дает?

Джун нахмурился.

— А тебе?

Коджи слегка улыбнулся ему.

— Не много, но я надеюсь, что это делает меня лучшим воином, — он почти

остановился на этом, но чувствовал себя обязанным сказать больше. Возможно, у Джуна хватит мудрости. — Когда мы сражались в Краю Реки, мой дар стал другим. Я мог чувствовать движения оппонентов дальше, и я мог просто ощущать больше. Я надеялся, что с помощью медитации смогу восстановить связь с этим уровнем мастерства, но в основном я терпел неудачу.

Джун задумчиво кивнул.

— Клинки дня похожи. Наше мастерство идет исключительно от использования дара. Мы всегда тренируемся, чтобы ощущать более сложные потоки энергии внутри тела. Чем лучше мы справляемся, тем лучше мы можем манипулировать этими потоками, чтобы исцелять других. Я полагаю, тот же принцип справедлив и для тебя.

Коджи согласился.

— Я раньше не переживал. Я всегда был достаточно сильным и быстрым. Но против других клинков ночи навыки с мечом важны меньше, чем умение использовать дар лучше других.

Джун был задумчивым.

— Я обдумаю твою проблему, Коджи. Если будут идеи, я дам знать.

Коджи поклонился и оставил Джуна в покое. Задумавшись, Коджи приступил к первой задаче дня: управление тренировками. После Края Реки он был признан всеми лучшим мечником в группе. Таким образом, Коджи неофициально поручили обучение. Как и он, многие клинки сосредоточились на развитии своих боевых навыков в ущерб многому другому.

Коджи был воодушевлен ролью руководителя группы. Он никогда никого не учил. Как только ему было присвоено звание мастера, он стал гораздо больше интересоваться путешествием по Королевству и выполнением заданий, чем обучением детей сражению. Но ему нравился процесс, хотя он спотыкался и падал во время обучения.

Его роль также давала ему возможность тренироваться каждый день. Коджи всегда хотел опробовать оригинальные техники и идеи. Он проверял упражнения, которые считались слабыми, чтобы увидеть, были ли преимущества, которые упустили его учителя. В те дни, когда его осознание менялось и становилось острее, он экспериментировал с соединением атак, которые открыли бы ему новые способы нанесения смертельных ран. Он хотел посмотреть, окажет ли медитация какой-то эффект. Работа учителя открыла для него новые возможности.

Их тренировочная площадка была небольшой площадкой за пределами лагеря. Когда прибыл Коджи, Такахиро был в кругу с клинком ночи, который недавно получил статус ученика. Месяц назад Коджи мог рассмеяться. Были воины, такие как Такахиро, которые были убеждены, что даже если у них нет дара, они могли победить клинка в честной дуэли. Обычно клинки ночи считали их глупыми и достойными насмешек. В какой-то момент Такахиро стал предметом множества шуток между клинками.

Для большинства неподготовленных воинов одного сурового боя было достаточно, чтобы научить их глупости их убеждений. В редких случаях приходилось провести второй. Такахиро терпел ежедневные сражения уже больше месяца, и мягкие насмешливые улыбки постепенно превратились в неохотное уважение.

Коджи ничем не отличался. Он покачал головой, когда в первый раз один из неопытных клинков ночи сразился с бывшим главой стражи Мари. Клинок не давал пощады, о ней и не просили. Так преподавали такие уроки. В каком-то смысле это была милость. Лучше это,

чем заблуждаться.

На следующий день Коджи тоже развлекли. И на следующий день после этого. Но со временем это перестало быть смешным. Такахиро был скромным мечником и был готов быть побежденным кем угодно во имя прогресса. Даже Коджи должен был признать, что воин стал намного более искусным. Такахиро стал достойным противником даже для клинка. Он не побеждал, но из-за того, каким родился, а не по своей вине.

Обычные солдаты могли убивать клинков ночи, подавляя количеством. Небольшая группа тоже потенциально могла бы совершить подвиг. Группы Шина из восьми охотников за клинками ночи были хорошим примером.

Поскольку клинок ночи мог предчувствовать, что вот-вот должно произойти, единственный способ победить его — это отобрать у клинка все варианты. Пока оставался единственный удар, блок или движение, талантливый клинок не мог проиграть обычным людям. Уберите эти варианты, и победа становилась реальной.

Этот урок Такахиро хорошо усвоил. У единственного человека, сражающегося только мечом, было мало шансов избавиться от всех возможных вариантов, но Такахиро сделал все, что мог. Коджи с интересом наблюдал. Эти двое сражались на деревянных мечах, а у противника Такахиро была горячая голова. Бой был серьезнее, чем Коджи предполагал.

Клинок ночи начал атаку, нанося сильные удары. Такахиро отступал, и Коджи подавил желание покачать головой. Против Такахиро защита была лучшей идеей. С даром клинок мог почувствовать любую атаку и немедленно отреагировать, закончив битву одним движением. В атаке преимущество было потеряно.

Такахиро сделал выпад мечом. Этой попыткой он пытался освободить место, и это сработало. Юноша на миг остановил наступление, и Такахиро смог двигаться. Клинок понял свою ошибку и напал снова с яростью. Коджи нахмурился. Страж разозлил юношу перед боем? Если он сделал это, чтобы клинок стал диким в бою, это сработало.

Такахиро снова отступал, шагал к краю ринга, отмеченного грудой снега. Коджи прищурился, клинок снова приближался. Но в этот раз Такахиро не уклонялся, а отразил меч юноши и направил противника к краю ринга. Клинок ночи даже не заметил этого.

Реальность Коджи изменилась, и он увидел шаги, в которые не мог поверить, которые вот-вот произойдут. Но они произошли. Такахиро ударил по клинку. Инстинкт клинка, который был правильным, заключался в том, чтобы шагнуть назад и в сторону. Но клинок не следил за окружением, и его нога скользнула в кучу снега на краю.

На мгновение клинок отвлекся, глядя на свою ногу. Момент длился меньше секунды, этого хватило воину с навыками Такахиро. Еще одно движение, и клинок упал, держась за живот, когда страж Мари вонзил в него свое оружие.

На ринге воцарилась потрясенная тишина. Такахиро заслужил уважение клинков, но ему не следовало бить никого из них. Эти клинки так гордились собой, что проиграть обычному человеку было немыслимо. Им нужно было меньше сосредотачиваться на себе и больше на группе.

Коджи снял напряжение. Он вышел на ринг и низко поклонился Такахиро. Улыбка стража была такой же широкой, как и его лицо.

— Поздравляю. Это был хороший бой.

Такахиро поклонился еще ниже, прежде чем помочь встать клинку, с которым сражался.

— Спасибо. В эти месяцы у меня были хорошие учителя.

Скромность стража резонировала с клинками. Возможно, они были расстроены проигрышем одного из них, но Такахиро показал пример. Он тренировался так же упорно, как и самые преданные из них.

Коджи взял деревянный меч и развел руками.

— Кто сегодня?

Трое добровольцев вышли вперед, желая победить его. Как бы ни складывались бои, всегда были те, кто хотел попробовать еще раз.

Коджи пытался найти это ощущение, когда он был далеко впереди остальных. Каждый день он использовал другой подход. Сегодня он попытался сохранить спокойствие, уравновесив дыхание и сосредоточившись. Он должен был найти в себе силы, какие были в Краю Реки.

По его сигналу бой начался. Трое не теряли времени, напали разом, пытаясь лишить его путей к отступлению. Коджи шагнул в сторону, не давая всем троим добраться до него сразу.

Раньше простые движения Коджи могли сработать. Клинок ночи, к которому он подошел, продолжил бы атаку. Коджи разобрался бы с ним, а затем перешел к другому. Теперь они хорошо знали друг друга, и клинок справа от Коджи не была глупой. Она отступила от Коджи, избегая дуэли в пользу групповой атаки.

Некоторое время они танцевали в ринге. Коджи попытался изолировать одного из них, но они отказались отделяться. Когда он убедился, что не поймает одного из них в слабый момент, Коджи позволил им атаковать вместе.

Он был быстрее, но против трех клинков в ограниченном пространстве он мог сделать не все. Он отражал и уклонялся от их ударов, сколько мог, но вскоре они пробили его защиту.

Коджи сосредоточился, чтобы оставаться спокойным и сосредоточенным. Внезапно все переменилось. Цвета стали чуть ярче, снег сверкал белым, деревянные мечи были насыщенно-коричневыми. Коджи почувствовал, где будет брешь, где он сможет изменить направление боя.

Не раздумывая, он починился своим инстинктам. Он шагнул прямо за опасный удар, и внезапно, без предупреждения, его больше не обрамляли мечи. Он был среди своих противников, а не впереди них. Один клинок служил живым щитом от третьего. Одним ходом Коджи победил двоих из троих. Цвета потускнели, и чувство Коджи вернулось к нормальному состоянию, но временного преимущества было достаточно.

Коджи закончил битву за несколько ходов, после чего рассеянно поклонился противникам. Это был не первый раз, когда он прикоснулся к измененному состоянию. Он мог задеть это, но, похоже, не мог оставаться там. Когда он вышел из ринга под теплые поздравления клинков, Коджи почувствовал, что снова потерпел неудачу.

Через несколько дней Такахиро вызвал Коджи в палатку Мари. Когда он вошел, его удивил холод. У них было много дров для костра, но у Мари их было мало, и Коджи чувствовал себя так, как будто внутри было едва ли теплее, чем снаружи.

Мари заметила его дискомфорт, и ее глаза заблестели.

— Ты не из моих родных земель, да?

Коджи покачал головой.

— Нет, я родился в землях дома Амари.

Улыбка Мари исчезла, когда Коджи назвал одного из врагов ее дома.

— Если бы ты родился в горах, как я, ты бы понял. Мне это нравится. Мой брат Джуро всегда говорил мне, что я дитя зимы. Я предпочитаю снег солнцу.

Коджи мутило от имени Джуро, но у Мари возник другой вопрос.

— Скажи мне, Коджи, ты родился в землях Амари. Ты ощущаешь верность к их дому?

Честно говоря, Коджи никогда не задумывался над этим. Он не жил в землях Амари много лет, с тех пор, как ему исполнилось шесть лет, и его отдали клинкам для обучения.

— Нет. Я был очень молод, когда меня взяли на обучение, слишком рано, чтобы развить какую-либо привязанность к дому.

Взгляд Мари был рассеянным, пока она обдумывала ответ.

— Как думаешь, другие клинки чувствуют то же самое?

Коджи пожал плечами.

— Верность проблематична, миледи. Есть из чего выбирать. Лорды, леди, — он бросил на нее пронизывающий взгляд, — Королевство, друзья, семья. Кто знает, что заставляет одного выбирать кого-то другого? Я подозреваю, что среди клинков почти столько же преданных, сколько среди других.

— Хм. Пожалуйста, не называй меня больше «миледи». Мне никогда не нравились титулы, и я уверена, что мой брат уже отрекся от меня.

Коджи нечего было добавить, поэтому он стоял, ожидая, пока Мари скажет ему, зачем она его вызвала. Когда она вышла из задумчивости, она посмотрела ему в глаза.

— Я решила разделить отряд.

Коджи одобрял ее решение, но ничего не сказал.

— Я пригласила вас сюда потому, что решила, что мой отряд, в частности, будет небольшим. Мы набираем известность, и я считаю, что так будет лучше всего. Если нас поймают, мы не потеряем много людей, а они будут искать специально меня.

Она протянула ему лист бумаги, объявление о розыске Леди в Белом, как Мари стала известна.

Он одобритительно кивнул на сумму.

— Им нужна ваша голова. Перемещение небольшой группой будет легче скрыть.

Он все еще был удивлен тем, что за все хорошее, что они сделали, единственной наградой, которую получила Мари, была награда за ее голову. Все для работы с клинками. Вся ситуация была бы занимательной историей, если бы жизнь Мари не подвергалась риску.

Хотя Коджи одобрял ее идею, он все еще не понимал, зачем его вызвали. Мари быстро развеяла его замешательство.

— Коджи, я хочу, чтобы ты был частью моей группы. Прямо сейчас я думаю, что это будем только я, Такахиро, Джун и ты.

Клинок ночи нахмурился. Крошечная группа. Он ожидал как минимум семь или восемь человек. Если на них нападут, они окажутся в очень невыгодном положении. Коджи был хорош, но все же был всего одним клинком. Но еще более остро возник в его голове другой вопрос.

— Почему я, Мари? Разве мне не лучше работать с группой клинков?

— Возможно, но у меня есть две простые причины. Первая — логичная. Если я хочу путешествовать маленьким, но защищённым отрядом, мне нужно самое лучшее, и, судя по всему, что я слышала, это ты. Во-вторых, я тебе доверяю.

Коджи не чувствовал бы себя более неловко, если бы Мари бросила его в огонь своей палатки и несколько раз ударила ножом. Он открыл рот, чтобы сказать ей правду, но ничего

не вышло.

Мари внимательно наблюдала за ним.

— Ты выглядишь неуверенно.

Коджи пролепетал:

— Для меня большая честь, Мари, но я не знаю, имею ли я право быть близко к вам.

Глаза Мари сузились, и Коджи был уверен, что она могла заглянуть в его сердце, узнать секрет, скрывающийся там.

Коджи не было стыдно за то, что он убил Джуро. Он был обижен лордом и имел полное право отомстить человеку, который пытался его несправедливо убить. Он не хотел обидеть Мари, но ему нужно было сказать ей правду.

Он глубоко вздохнул, но все еще молчал.

Мари пронзила его взглядом, единственным звуком в палатке был треск костра.

— Я верю, что имеешь. У нас будет несколько дней на подготовку и организацию, но будь готовы к отбытию в ближайшее время.

На этом разговор подошел к концу. Он снова подумал о том, чтобы заговорить, но решимость, появившаяся всего несколько минут назад, пошатнулась. Он вышел из палатки. Зимний воздух казался особенно холодным.

Глава 14

Аса была уверена в одном. Она ненавидела зиму. Она не могла вспомнить, когда в последний раз ей было тепло. Смутные воспоминания о лете витали в ее воображении, но каждый раз, когда она пыталась удержать хоть одно, порыв ледяного ветра пронизывал ее одежду, и она возвращалась в настоящее, замерзшая, несчастная.

Найти пункт назначения оказалось сложнее, чем она ожидала, в основном потому, что место, которое она считала пунктом назначения, изменилось. При первой попытке она обнаружила, что человек, которого она искала, уже ушел. Не испугавшись, Аса последовала данным указаниям, желая только лучше знать землю. Местность представляла собой холмистую равнину, и после нескольких дней пути один холм выглядел почти так же, как другой. Она хотела, чтобы ее указания были яснее.

Она преодолела еще один подъем, и внезапно весь мир изменился. Она проклинала свою удачу. Если бы она пришла с другой стороны, дом было бы намного легче найти. Холм с одной стороны укрывал жилище от ветра, а с другой величественно возвышались высокие деревья, изгибаясь на ветру, но не ломаясь.

Лес тянулся на север и юг, но видимость леса Асы была преграждена землей. Если бы она пришла с любого другого направления, она могла бы проследовать по линии деревьев к месту назначения, вероятно, сэкономив как минимум день или два.

Она расширила чувство и уловила три жизни внизу. Как только она ощутила их, сомнение обрушилось на ее сердце.

Она не была уверена, что ей следует быть здесь. Честно говоря, она даже не была уверена, что здесь было безопасно. Но ей больше некуда было обратиться.

Аса оглянулась на бескрайние равнины, которые пересекла. Может, будет лучше, если она вернется тем же путем, которым пришла? Её путешествие было трудным, но трудности меркли по сравнению с тем, с чем ей придется столкнуться там внизу. Ее лицо уже горело от стыда.

Она стояла там вечно, разглядывая дом, пытаясь отложить свое решение. Это был небольшой дом, когда-то явно ветхий, теперь местами отремонтированный. Свет костра

мерцал в тусклом свете раннего вечера, и временами Асе казалось, что она чувствовала запах готовящейся еды. В животе ее заурчало от голода.

Расположение дома было превосходным, он находился внутри леса, защищенный от непогоды деревьями и холмом. Случайный путник мог пройти довольно близко при дневном свете и не узнать, что там находился дом. Это место подходило ее другу.

Аса чувствовала его там, внизу, с женой и ребенком. Это само по себе успокаивало. Она была достаточно близко, чтобы он мог ее почувствовать, и его естественная склонность заключалась в том, чтобы быть невидимым для дара. Если она могла чувствовать его, то только потому, что он этого хотел. Небольшой жест, но говорящий о многом.

Это придало Асе смелости ставить одну ногу впереди другой. Она осторожно спустилась с холма, боясь поскользнуться и упасть в снег, опозорив себя. Она без происшествий спустилась к подножию холма.

Аса не могла заставить себя доверять, не полностью. Она держала руки подальше от мечей, но шла осторожно, расширяя чувство, ища ловушку, которую не могла видеть. В доме ее друг встал со своего места возле огня и подошел к двери.

Аса был в десяти шагах от двери, когда она открылась, и вышел Дайсуке. Хотя его физическое присутствие не пугало, даже его вид заставил ее сердце биться быстрее, а тело замереть. Она безуспешно пыталась скрыть страх. Она все еще чувствовала его, что было хорошим знаком, но не подходила ближе. Не без приглашения.

Дайсуке скрестил руки, война эмоций охватила его обычно бесстрастное лицо. Аса сосредоточила внимание на нем, готовая бежать, если он покажет, что атакует.

Незнакомец, встретивший Дайсуке, мог ничего о нем не подумать. Он был среднего роста. Его темные волосы были коротко подстрижены, и хотя его зимняя одежда скрывала все следы, его движения противоречили силе его конечностей. Если бы кто-то не смотрел ему в глаза, он выглядел бы добрым незнакомцем. Но он, вероятно, был одним из самых опасных людей, которых знала Аса. Она не хотела быть его врагом, но был шанс.

Ветер хлестал между ними. Аса не давала себе реагировать. Она прищурилась, пытаясь понять, что будет делать Дайсуке. Если он нападет, понять будет сложно. Дайсуке был неподвижен, как статуя, и без эмоций.

Аса уже не могла терпеть, и его взгляд смягчился, улыбка появилась на лице, словно он увидел давнего друга.

— Заходи, Аса. Ты вот-вот околеешь. У нас горячая еда и огонь.

Аса выдохнула, ощущая облегчение.

— Сколько деревьев в десяти шагах от тебя? — спросил Дайсуке.

Аса замерла, пытаясь сосчитать.

— Слишком медленно, Аса. Всего миг, больше не будет. Если не видишь все, пропустишь это.

Аса вздохнула. Она уже несколько раз сегодня э то слышала.

— Что я пропущу? — она пыталась убрать раздражение из голоса, но не вышло.

— Все.

Дайсуке тоже замер, и Аса знала, что он собирался начать новую тираду. Он мог быть одним из самых опасных людей на свете, но, по ее оценке, был плохим учителем. Когда она чувствовала себя милосердной, она признавала, что то, чему он пытался научить, было трудно. Он не мог показать ей, что делать. Он не мог продемонстрировать технику. Все, что

он мог сделать, это объяснить, а она ничего не понимала.

Большая часть навыков Дайсуке зависела от почти полного понимания окружающей среды. Аса несколько раз видела его в действии, поэтому она знала, что он живет по тому, чему учил. Тем не менее, она тренировалась под его руководством месяц, и ей все еще не казалось, что у нее была хоть четверть его осознанности.

— Аса, мы уже прошли через это. Ты знаешь, что нужно делать. Дисциплинируй свой ум. Где ты?

— Здесь.

— А когда?

— Сейчас.

Он покачал головой.

— Но это не так. Даже сейчас ты думаешь о других способах получить желаемые навыки. Есть только сейчас, всегда. Если ты сможешь это сделать, мне почти не нужно будет учить.

— Ты мог бы научить меня прятаться от чувства.

На этот раз Дайсуке вздохнул. Он неоднократно повторял ей, что не знал, как обучить навыку, сделавшему его таким опасным для клинков ночи. Его невидимость всегда была тем, что он мог делать естественно. Ответ не убедил Асу, но Дайсуке настаивал.

Аса знала, что навыки владения чувством различались между клинками, и между учеными не было конца спорам о том, что давалось с рождением, а что — обучением. Она всегда думала, что дар, полученный при рождении, полностью формировало обучение. Тренировка — ничто иное — была причиной, по которой одни могли чувствовать дальше, чем другие, или ощущать на более глубоком уровне, чем другие. Она решила, что если Дайсуке мог спрятаться от других клинков, она тоже сможет научиться. Он не согласился.

— Идем, — сказал он. — Потренируемся вместе, — они сели на снег и закрыли глаза. Аса раскрыла чувство, так сделал и Дайсуке. Смысл упражнения был прост. Он хотел, чтобы она ощущала все. Тренировка была почти невозможно. Аса не знала, как погрузиться в расслабленное осознание. Она могла сосредотачиваться только на чем-то одном.

Дайсуке, казалось, знал все. Когда она задавала вопросы, он отвечал почти мгновенно. Так прошло почти все утро, он встал.

— Хватит пока что.

Они пошли по лесу. Дайсуке снова проверял ее внимание. Они провели легкий бой, а потом снова были вопросы. Его ожидания звучали просто, но достичь их было невозможно.

Между сражениями она спросила, как его учили. Печальная улыбка появилась на его лице.

— Вот так.

— И много это заняло времени?

— Несколько месяцев для основ. Вся жизнь становился таким, как сейчас.

— Этот ответ не радует.

Он пожал плечами.

— Если бы это было просто, так умели бы все. Так ты становишься опаснее для своих противников. Тебе нужно работать сильнее, чем они.

Порой прагматизм Дайсуке злил ее. Она хотела, чтобы он вдохновил ее речью хоть раз, приободрил. Но он этого не делал. Он всегда давил на нее. Она могла уйти, когда хотела. Если он просил ее выполнить задание, которое она считала глупой, она могла отказаться.

Все было на ее плечах, хорошо это было или плохо.

Аса уважала его постоянство, но это ее все еще злило.

Аса ждала вечера, когда ощущала прогресс. Она все еще помнила первый день в лесу после первого теплого ужина и сна в постели за дни. Она заняла боевую стойку, и Дайсуке посмотрел на нее с вопросом в глазах и спросил:

— Разве у тебя не два меча?

Аса была растеряна.

— Да.

— Где второй?

Она опустила взгляд на свой короткий меч.

— Оставила в твоём доме.

Ответ усилил растерянность Дайсуке.

— Зачем?

Она нахмурилась.

— Никто не учил меня с двумя. Мой бывший мастер звал это позором.

— Ты все эти годы училась с коротким мечом, чтобы использовать свою скорость, и не сражаешься вторым?

Аса медленно покачала головой. Она немного тренировалась в тайне, но не думала, что была сильной с двумя мечами. Она попробовала это в бою только с Киоши, но это не помогло.

— Тебя больше заботит честь или сила?

Ее ответ был мгновенным:

— Сила.

— Тогда иди за вторым мечом.

Вскоре жизнь Асы изменилась. Дайсуке научил ее основам боя с двумя мечами, и после того, как она прошла первый шаг с управлением двумя мечами, она быстро стала лучше. Если бы она могла чувствовать Дайсуке, она могла бы победить его.

Сегодня он прятался от ее чувства. Иногда он заставлял ее полагаться на зрение и умение обращаться с двумя мечами, лишая ее преимущества дара. Ежедневные бои часто были равными. Его чувство против ее двух мечей способствовало увлекательным сражениям.

Она тренировалась под руководством Дайсуке больше месяца. Солнце в это время года садилось раньше, но Аса была уже изнурена дневными тренировками. Она не продвинулась настолько далеко, насколько хотела бы, но ее боевые навыки неплохо росли.

Однако она не была готова уйти. До мозга костей она знала, что приближается буря, и что ей нужно быть еще сильнее.

В небольшом доме Дайсуке было четыре человека, но он не был переполнен. Для Асы окружающая среда казалась успокаивающей, будто она укуталась в толстое одеяло в самом холодном сердце зимы. Дайсуке и Кейко, его жена, спали на небольшом чердаке, достаточно просторном для кровати. Мика, их дочь, делила свою комнату с Асой, и это безмерно радовало не по годам развитую девочку.

Одна из маленьких тревог Асы заключалась в том, что Кейко не захочет общаться с ней. Она была ревнивой женщиной, и хотя Аса не испытывала никакого желания к Дайсуке, она все еще помнила взгляды, которые получила в первый раз, когда они встретились в Убежище, прежде чем он загорелся.

Повода для беспокойства не было. Кейко встретила ее с распростертыми объятиями, будто она была любимым другом, а не тем, кого она встречала только однажды.

В последний раз, когда Аса видела семью Дайсуке, она помогла им сбежать из Убежища. Это были тяжелые времена, и чтобы выбраться, потребовались хитрость и ловкость. Она была рада видеть, что у них обоих все было хорошо. Мика было уже шесть лет, и она будто увеличилась вдвое с тех пор, как Аса видела ее в последний раз.

Аса также заметила, что временами Мика становилась почти невидимой для ее чувств. В первый раз, когда это случилось, Дайсуке был в комнате и покачал головой. Аса поняла. Ее мать после смерти своего отца не хотела, чтобы она стала клинком. После всего, что видел Дайсуке, неудивительно, что он не хотел, чтобы Мика была вовлечена в жизнь ее отца.

Проходящий мимо наблюдатель не заметил бы ничего необычного в трапезе той ночью. Все четверо сели за стол, и основная часть развлечений вечера исходила от бесконечного потока вопросов Мики. Аса отвечала на все, что могла, но некоторые вопросы Мики были сложными. Она не хотела говорить Мике, что встретила Дайсуке в ожесточенной битве с восемью стражниками. Она не знала, почему трава была зеленой, и уж точно не собиралась рассказывать девочке, сколько мужчин она поцеловала.

Все время Дайсуке и Кейко обменивались любящими взглядами и нежными улыбками. Аса представляла, что, когда ее не было, вопросы сыпались на них. Они, наверное, были рады перерыву.

Огонь согревал комнату, и Аса ощущала расслабление тела и разума по мере того, как приближался вечер. Еда была простой, но вкусной, Кейко явно гордилась тем, что ее готовка улучшилась за последние несколько месяцев. Аса не была уверена, но вроде помнила, как Дайсуке сказал, что большую часть еды готовил он, когда был дома.

К Асе неожиданно вернулись воспоминания о детстве. Ее семья зимой сидела за столом примерно так же. В детстве она любила зиму на ферме. Работы по дому становилось меньше, а день был короче. Они проводили больше времени вместе, как семья, сидя у костра, пока Сачио, ее отец, рассказывал истории.

Она давно не вспоминала о своей семье, и Аса поняла, что острая колющая боль, которую она обычно чувствовала, прошла. Боль все еще была постоянной, но стала чем-то другим.

Аса повернулась к Дайсуке во время короткого перерыва в допросе Мики.

— Дайсуке, ты знаешь какие-нибудь хорошие истории?

Улыбка Дайсуке была легкой.

— Да, но Кейко — настоящий рассказчик в семье.

Мика возбужденно захлопала в ладоши, и Аса устроилась удобнее. Кейко на миг задумалась и начала рассказ о храбром драконе, который хотел быть человеком. Вариации этой истории были обычным явлением во всем Королевстве, но Аса никогда не слышала, чтобы история рассказывалась хоть наполовину так хорошо, как у Кейко. У каждого персонажа был уникальный голос, и Кейко точно знала, когда сделать паузу для драматического эффекта.

Аса полностью погрузилась в мир, созданный голосом Кейко. В доме была уже не зима, а прекрасный весенний день. Мир не собирался погрузиться в хаос, и летающие драконы существовали, и они хотели отказаться от своей силы и бессмертия, чтобы стать людьми. Кейко закончила свой рассказ, заставив Асу почувствовать себя почти такой же грустной, как выглядела Мика.

На какое-то мгновение мир был совершенен. Кейко удобно устроилась в объятиях Дайсуке, а Мика потерялась в сказочном мире, сотканном ее матерью. Аса чувствовала себя так, как будто мир стал не важен.

Это не могло продолжаться долго. Его движение было едва заметным, но Аса уловила напряжение Дайсуке. Слабое движение вырвало Асу из мира комфорта в мир, в котором они жили. Она сосредоточила чувство, толкала его, пока не ощутила то, что привлекло внимание Дайсуке. Далеко, на пределе ее возможностей, собралась группа.

Они еще не были достаточно близко, чтобы увидеть дом, и могли вообще его не заметить, в зависимости от того, насколько плохая погода была на улице.

Кейко в руках Дайсуке почувствовала перемену в своем муже и села. Она с любопытством посмотрела на него.

Дайсуке неубедительно посмотрел на нее. Группа была не большой, но и не маленькая. Аса не была уверена, но насчитала около двадцати.

— Возможно, тебе пора уложить Мику спать, — сказал Дайсуке.

В этот момент Мика зевнула.

— Но, папа, я не устала!

Дайсуке ответил:

— Не устала, малышка. Но посмотри на свою маму. Она устала от тяжелого рабочего дня. Может быть, тебе стоит отвести ее к себе в кровать и помочь ей заснуть. Сможешь спеть ей колыбельную?

Мика энергично закивала, когда Кейко преувеличенно зевнула.

— Да, отец. Ты тоже скоро ляжешь спать?

Дайсуке подошел к Мике и крепко обнял ее.

— Конечно. Мы с Асой немного прогуляемся. Твой папа очень хочет потренироваться.

Мика и Кейко ушли в одну из трех спален и закрыли дверь. Аса и Дайсуке тепло оделись и вышли из дома.

После вечера в тепле огня снаружи Асу будто пронзила сотня ледяных иголок. Она чуть не убежала в дом, наплевав на потенциальные угрозы. Она присоединилась к Дайсуке, который поднялся по холму, занял место рядом с вершиной.

Вдалеке она увидела несколько лучей света, факелы в темноте ночи. Снег не шел, но ветер поднимал снег, напоминая бурю, хотя небо над ними было чистым.

Аса снова была впечатлена Дайсуке. Когда он ощутил группу, он был расслабленным со своей женой и дочерью, а это означало, что он направлял дар на невероятное расстояние с легкостью. Каким бы трудным ни было обучение, не было сомнений, что она попала в нужное место. Если бы она смогла развить те же навыки, что и Дайсуке, она была бы достаточно сильной, чтобы произвести любые изменения, которые она хотела.

Ее задумчивость была прервана вставшим Дайсуке.

— Давай подойдем к ним ближе. Я не чувствую, что среди них есть кто-то с даром.

Аса согласилась, и они вместе пошли к свету. Если бы кто-нибудь с другой стороны был одарен, два клинка были бы обнаружены. Дайсуке мог спрятаться от чувств, но Аса — нет.

Метель и безлунная ночь сделали двух клинков ночи невидимыми. Они не несли огня, руководствуясь только чувством и знанием местности Дайсуке. Они остановились в двухстах шагах от группы по пути ее следования. Дайсуке и Аса легли, скрывшись среди снега. Им не пришлось долго ждать.

В конце концов, перед ними прошла группа солдат. Их зеленая форма отметила их как

солдат лорда Исаму, но они выглядели печально в снегу. Их лидер гнал мужчин вперед, его голос доходил до ушей Асы. Он говорил им, что их пункт назначения находился всего в лиге, и там у них будет тепло и еда.

Она почувствовала краткую вспышку жалости к ним. Единственным местом в лиге были открытые прерии или лес. Рядом не было поселений для размещения солдат. Хотя звезды были видны наверху, их командир вел их далеко.

Пехотинцы прошли вперед, некоторые были в двадцати шагах от укрытия Асы, ни один из них даже не заподозрил ее присутствие.

После того, как солдаты двинулись дальше, Аса и Дайсуке поднялись из снега. Она посмотрела на него за советом.

— Они не причинят нам вреда, и если они продолжат идти ночью, они не приблизятся. Мы не будем предпринимать никаких действий.

Для Асы этого было достаточно. Она тоже предпочитала избегать ненужного кровопролития.

Но, пока они смотрели, солдаты остановились и стали разбивать лагерь.

— Ну, конечно, — сказал Дайсуке.

Аса чувствовала себя должницей Дайсуке и увидела шанс вернуть небольшую часть своего долга.

— Я прослежу сегодня вечером, если хочешь. Просто чтобы убедиться, что они не наткнутся на твой дом.

Он смотрел на нее какое-то время, его лицо не читалось. Он кивнул.

— Хорошо, спасибо.

И он повернулся и пошел обратно к своему дому.

Аса не знала, что заставило ее крикнуть. Возможно, вечер с семьей. Возможно, она знала, что их не услышат.

— Дайсуке!

Он снова повернулся к ней.

— Я не могу сказать, что мне очень жаль. Я не буду лгать тебе, и мои чувства слишком запутаны, чтобы описать их. Но он был хорошим человеком, и мне жаль, что я причинила тебе страдания.

Глаза Дайсуке были тверже стали, и Аса опасалась, что зашла слишком далеко. Раны были еще слишком свежими. За все время, пока она тренировалась с ним, они не говорили о том факте, что она убила Киоши, человека, который приютил и тренировал Дайсуке с детства.

Его глаза немного смягчились.

— Он не был хорошим человеком. Он был лучшим из тех, кого я когда-либо знал.

С этими словами он быстро повернулся к своему дому и пошел прочь, метель скрыла его из виду.

Глава 15

Мари услышала шорох ткани у своей палатки.

— Войдите.

Такахиро вошел, радуясь теплу палатки.

— Вы меня звали?

— Да. Хочешь выпить? — бутылку хорошего вина дал им богатый мужчина, чьего ребенка исцелил Джун. Мари не видела причин терять вино. К ее удивлению, Такахиро

согласился. Она редко видела, чтобы он пил.

— Как я могу служить, Мари?

Мари налила две чашки. У них не было в дороге подходящих бокалов, но помятые дорожные чашки работали не хуже. Она понюхала напиток, довольная ароматом. Ее первый глоток был восхитителен, и она боролась с внезапным желанием лечь и допить всю бутылку. Она не думала, что Джун вообще пил, но Коджи будет разочарован, если ему не позволят попробовать.

— В основном мне нужно поговорить.

Такахиро выглядел так, будто ожидал именно этого. Это не было сюрпризом. Мари заходила к нему несколько раз за прошедшее полмесяца. Весна была совсем скоро, и ей нужно было определиться с курсом действий.

— Значит, вы не приблизились к решению?

Мари села и посмотрела на своего ближайшего друга.

— Нет. Кажется, что каждое направление таит в себе опасность. Бывают дни, когда я хочу, чтобы эта зима длилась вечно.

Ее группа продолжала расти. Хотя связь была замедлена из-за суровой погоды, она подсчитала, что в ее распоряжении было почти двести клинков, разбросанных по всему Королевству. Джун хотел собрать их всех вместе весной, чтобы провести собрание, на котором они выбрали бы следующий этап революции. Мари согласилась с этой идеей, но все еще не знала, как лучше всего использовать огромную силу, которой она управляла.

Нападение на армии лорда было вариантом, о котором часто говорили шепотом. Мари ненавидела идею прибегнуть к насилию для достижения своих целей, но она руководила силой, состоящей в основном из воинов. Помощь деревням не поможет в решении всех проблем Королевства.

Им нужно было предпринять смелые действия. Ее тени сообщили, что лорды уже собирали свои армии. Каташи первым вызвал свою задолго до того, как весна растопила снег и позволила засеять поля. Хироми и Исаму оставалось только готовиться. Как только погода изменится, Королевство захлестнет война, и Мари казалось, что ее небольшая сила была единственным, что могло остановить нарастающую волну.

Ей не нужно было ничего говорить Такахиро. Он был ее советником, сколько она себя помнила, и он знал ее мысли и ситуацию так же хорошо, как и она. Она посмотрела на него, умоляя дать ответы.

Он отпил вино, и на его лице расплылась улыбка.

— Очень вкусно.

Мари бросила на него раздраженный взгляд и сделала еще глоток. Он был прав. Вино было выдержанным и фруктовым, но не приторным. Бутылка оказалась даже лучше, чем она предполагала.

Он взглянул на нее поверх чашки и внимательно осмотрел палатку.

— Если хочешь что-то сказать, говори.

Он скривился, будто был вынужден сделать то, что ему не нравилось.

— Вы не думали остановиться?

Она хмуро посмотрела на него, но он уже начал и был полон решимости довести свою идею до конца:

— Когда все это началось, я был за вами. С небольшой группой мы могли безопасно ходить, делая что-то хорошее. Я думал, что с опасностью можно справиться. Но это

превратилось в нечто большее, чем я ожидал. Я никогда не думал, что клинки будут так голодны, чтобы следовать за вами. Чтобы следовать за кем угодно.

— Так почему я должна остановиться? — Мари изо всех сил пыталась сдержать гнев в голосе.

— Потому что опасность становится слишком большой, и у вас нет видения того, что вы хотите сделать. Если бы у вас была идея, возможно, я смог бы поддерживать вас, но поддерживать нечего.

Мари встала и чуть не ударила его. Он заметил движение, когда она отвела руку, но не отреагировал. Хотя они были близки, он по-прежнему оставался в ее руках, и если она решит ударить его, пусть будет так.

Она остановила себя, прежде чем сделать то, о чем могла пожалеть. Если Такахиро и рассердил ее так, то потому, что был прав. Ее единственной целью было помочь как можно большему количеству людей. Идеалистическая цель, но неопределенная. Ей нужно было к чему-то стремиться. В остальном он был прав. Она не заслуживала клинков, которые следовали за ней.

— А если моя цель — увидеть мирное Королевство?

Такахиро скривился, и Мари снова чуть не ударила его. Но не было смысла быть честным только часть времени, а в остальное время скрывать эмоции.

— Говори!

— Я знаю, как это звучит, но я думал об этом. Все мы пытались представить, как снова собрать Королевство, чтобы все стало так, как было раньше. Я думаю, что это глупо. Лорды будут сражаться друг с другом, и я не верю, что даже наши силы смогут это остановить. Несмотря на то, что мы меняем отношение людей к клинкам, по-прежнему сохраняется большая неприязнь к ним.

Такахиро глубоко вздохнул.

— Я не думаю, что мы сможем вернуться к тому, как было раньше. Мы должны найти новый путь вперед. Мы должны представить лучшее будущее.

Поначалу Мари не хотела прислушиваться к его словам. Его идеи были гнилыми и горькими на вкус. Но Мари, как в детстве, когда ела кислую пищу, заставляла себя обдумать его слова. Все, чего она желала, были минувшие дни. То, что сказал Такахиро, было так же верно для нее, как и для Королевства.

Она проигнорировала последнее предложение брата и не сомневалась, что он знал, кем была Леди в Белом. Стоункип и его толстые надежные стены могли быть закрыты для нее навсегда.

Мари села и молча отпила вино.

— Спасибо.

У нее не хватило смелости сказать больше, но ничего другого и не требовалось. Такахиро знал ее разум.

— Простите, что принес сложные идеи, но мой долг — защитить вас, в том числе и от вас самой.

— Вряд ли у тебя есть идеи для нового будущего, да?

Такахиро допил вино.

— Я всего лишь простой солдат, миледи. Эта честь выпадала вам.

Мари знала, что ситуация в Королевстве и без того была плохой и будет только

ухудшаться. Как она и опасалась осенью, еды не хватало, и ртов было слишком много, чтобы их кормить.

Четверо спутников были в еще одной деревне. Мари была у стольких людей, что уже не помнила все имена. Они были инкогнито, как привыкли с тех пор, как разделились на более мелкие группы. Быть узнаваемым, путешествуя с десятками клинков ночи, было опасно. Быть узнаваемым, когда группа была маленькой, было еще опаснее. Лучше было сначала разведать землю, прежде чем раскрывать ее настоящую личность. Таким образом, сегодня она была одета в простую дорожную одежду, белого цвета не было видно.

Когда она впервые услышала, что известна как Леди в Белом, она была удивлена. Она выбрала костюм в качестве символа, но никогда не ожидала, что он породит титул, который распространился от деревни к деревне вперед нее. Имена и легенды обладали силой, и она пришла к выводу, что ее идея может жить дольше нее.

Эта деревня была больше, чем многие из тех, что они посещали, и была центром местной торговли, поэтому они и пришли. Пока охота Коджи кормила их всех, тело и сердце жаждало большего, чем просто мясо, приготовленное на огне.

Некоторые магазины все еще были открыты. Мари подозревала, что в закрытых кончились припасы. Те, что остались, продавали товары по непомерным ценам. Она была уверена, что люди работали несколько дней за меньшие деньги, чем она тратила на рис и несколько специй.

У Мари были только ее деньги. Она использовала аккредитив, чтобы собрать как можно больше средств, прежде чем Хироми заморозил ее счета. С тех пор они путешествовали с седельными сумками, наполненными золотом. Мари часто подумывала отдать его, но ей не хватало богатства, чтобы изменить реальность: еды не хватало всем, чтобы пережить зиму.

Она вошла в последний магазин, ее группа была счастлива подождать снаружи. Джун спорил с Такахиро и Коджи, энергичный философский спор о том, что изменило историю Королевства больше: медицина или насилие. В магазине продавались ленты, и Мари, в редком настроении, подумала, что было бы замечательно подвязать простой тканью волосы, которые, казалось, росли быстрее, чем когда-либо раньше.

Женщина внутри была древней и почтенной, и Мари сразу же расслабилась. Она одарила торговку улыбкой, на которую тепло ответили. Мари просматривала ленты, пытаясь найти ту, которая говорила с ней. Пока она смотрела, она завязала разговор. После обычных представлений она спросила, как жила деревня в трудных условиях.

Ответ торговки оказался намного сложнее, чем ожидала Мари.

— У нас все хорошо, пока у нас нет нежелательных гостей.

Мари нахмурилась. В деревне они были гостями, и замечание женщины было острым.

— Вы боитесь, что они возьмут слишком много еды?

Женщина, которая сначала казалась доброй, стала резче:

— Можно и так сказать. Я боюсь, Леди в Белом придет и заберет всю нашу еду, оставив нас голодать.

Мари опешила. Как распространились такие слухи? Неужели некоторые из ее людей вышли за установленные ими границы? Посылать людей от своего имени всегда было одним из ее самых больших опасений. Она не могла вести их всех напрямую.

— Я думала, Леди в Белом пыталась помочь деревням, — ответила она, заставив себя звучать неуверенно.

— Не знаю, где вы это слышали, но в этой деревне говорят так. Мы слышали, как ее

люди убивают тех, кто с ними не согласен, и забирают еду у тех, кто соглашается, приговаривая их к смерти. Нет. Если она придет сюда, ее схватят и казнят за ее преступления. Подумать только, она все это делает с клинками ночи! За гранью ужасного.

Мари теребила бежевую ленту, которая, как она думала, хорошо сочеталась бы с ее нарядом «Леди в Белом». Внезапно она потеряла интерес.

Но она была здесь и хотела развеять явные подозрения пожилой женщины. Она выбрала красную ленту и попросила женщину отрезать ее.

Мари вышла наружу так быстро, как могла. Она посмотрела на своих товарищей.

— Нам нужно как можно скорее выбираться из этой деревни.

Они оставили лошадей в конюшне на окраине. Никто из ее друзей не расспрашивал ее. Они просто повернулись и пошли из деревни той же дорогой, что и пришли. Коджи и Такахиро были начеку, выискивая возможные угрозы. У Мари было плохое предчувствие.

Коджи выхватил меч молниеносно. Мари не знала, что происходило, но услышала звон металла, ударяющего по металлу. Коджи повернулся и выглядел так, будто собирался убежать, но Такахиро крикнул ему:

— Коджи! Нам нужно защищать Мари!

Клинок застыл, будто растерялся. Он привык биться, а не охранять. Инстинкты Такахиро были правильными. Страж снова закричал:

— Нам нужно убираться отсюда сейчас же. Бежим!

Мари посмотрела вниз и увидела тонкую иглу, торчащую из снега. Она узнала по форме дротик. Ее разум сложил кусочки воедино, когда Такахиро схватил ее и побежал. Что бы случилось с ней, если бы Коджи не был с ними?

Они бежали к конюшням, и каждый из домов в деревне был коричневого цвета для Мари. Все казалось расплывчатым, ее глаза не хотели фокусироваться. Насколько близко она была к смерти?

У конюшен появились четверо мужчин, одетые как обычные жители, но явно не из них. Такахиро схватил Мари за плечо и остановил ее. Коджи рванул вперед.

Мари и раньше видела, как Коджи сражался, но не доверяла своим воспоминаниям. В ее снах он двигался со скоростью молнии. Наблюдая, как он защищает ее, она поняла, что лишь слегка преувеличила его технику.

Его атаки были такими быстрыми, что она их не видела. Она замечала лишь, как сверкал его меч, отражая свет. Пару мгновений Коджи находился в центре четырех врагов, мечи сверкали вокруг него. Никто не мог выжить при таком натиске.

Затем битва закончилась, и четверо мужчин лежали на земле, мертвые или истекающие кровью. Коджи стоял один, невредимый.

Вдруг он бросился за конюшню. Другой мужчина сел на лошадь и пытался убежать. Прежде чем он успел развернуть скакуна, Коджи подпрыгнул и сбил его одним изящным движением.

Вот-вот на них нападет вся деревня. Товарищи перевернули тела и осмотрели их. Мари готовила себя, но удивилась, узнав одного из мужчин.

Такахиро услышал ее резкий вдох.

— Что такое?

— Думаю, это люди моего брата.

Такахиро обыскивал их сумки, вытаскивая еду и припасы. Он замер и посмотрел на лица.

— Думаю, вы правы. Я узнаю этого мужчину, — он указал на того, кого Коджи убил первым.

Осознание этого чуть не сбило Мари с ног. Она знала, что ее брат поймет, кто такая Леди в Белом. Он знал, что она путешествовала с клинками, и в Королевстве было мало женщин, вовлеченных в такую деятельность. Она не думала, что он мог попытаться убить ее.

Теперь ее глаза были открыты, она даже могла видеть причину. Если ее личность будет раскрыта, она будет использована против него. Клинки по-прежнему считались преступниками, и путешествие с ними сделало ее одной из них. Из-за нее он мог лишиться трона.

Но убийство? Несмотря ни на что, они все еще были родственниками.

Ее взгляд блуждал по телам, а мысли кружились. Она наблюдала, как Такахиро обошел трупы, забирая всю еду, какую мог найти. Что-то щекотало в глубине ее разума, наполовину сформировавшаяся идея. Она попыталась расслабиться и позволить этому продолжаться, и когда это произошло, она рассмеялась. План был великолепен своей простотой. Она знала, что собиралась делать.

Такахиро посмотрел на нее, обеспокоенный тем, что давление свело ее с ума. Мари повернулась к Джуну, который был занят проверкой, убеждался, что Коджи не был ранен в драке.

— Сзовите всех на собрание. Время пришло, и я знаю, как сломить лордов.

Глава 16

Утро для Коджи стало намного сложнее в последние несколько дней. После засады в деревне Мари определилась со стратегией. Даже сейчас, вспоминая то время, клинок улыбнулся. Часть плана Мари была вовсе не новой. Фактически, это был стандартный принцип ведения войны. Но вторую часть могла придумать только Мари.

Прежде чем клинки при ней разделились, они придумали способ передавать сообщения туда и обратно. По большей части в этом не было необходимости. Каждая небольшая группа была довольно независимой, и Мари убедилась, что они знали, что она им доверяла. Сообщения использовались в основном для передачи важной информации.

Минусом сети было то, что она работала медленно. Мари и Джун назначили дату как можно раньше, но знали, что к тому времени, когда сообщение достигнет самых дальних краев Королевства, получившие его клинки, возможно, не смогут прибыть вовремя.

Для того чтобы план Мари возымел наибольший эффект, спешка была важна. Зима все еще была очень холодной, но продлится еще не больше двух месяцев. Они должны были собраться и двигаться до того, как это произойдет.

Судя по сообщениям, группа Мари первой прибудет к месту сбора, длинной неглубокой долине на территории дома Фуджита. Коджи был уверен, что если бы лорд Исаму знал, что происходило на его землях, он был бы в ярости. К счастью, из всех лордов Исаму был наименее осведомлен о событиях, происходящих на его территории. Позиция также была оправдана на случай, если ситуация станет отчаянной.

Все больше клинков собиралось, и Коджи каждое утро приходилось тратить больше времени, чтобы уйти. В небольшой группе ему не нужно было далеко отходить для медитации. По мере того, как толпа продолжала расти, ему нужно было отходить дальше, чтобы просто покинуть пределы лагеря, и еще дальше, чтобы медитировать спокойно.

Близилось время, когда Мари нужно было начинать. Ее тени сообщили ей, что каждый лорд уже двигался, и была реальная вероятность того, что война начнется до того, как

растает снег. Ее силы должны были оказаться быстрее.

По своему обыкновению, Коджи сел на снег и сосредоточился на дыхании. Вскоре этому ежедневному ритуалу будет трудно следовать. Если план Мари увенчается успехом, они будут постоянно в движении, имея мало времени на отдых и неподвижность.

Его медитация какое-то время работала, внимание расширилось до необходимого. Усилия было недостаточно. Его поиски ясности были бесполезны. Он уже увереннее работал с чувством, и он мог использовать свой дар дальше, чем раньше, но в бою от него не было большей пользы.

Сегодня, как и в другие дни, его мысли блуждали. При таком большом количестве событий ему было трудно сосредоточиться на чувстве. Каждый раз, когда он удваивал усилия, он все больше отвлекался.

Одно дело отвлекало больше всего. План Мари предполагал, что он будет управлять одним из крупных отрядов, который будет неотъемлемой частью ее стратегии. По ряду причин ему не нравилась эта идея, но он еще не набрался храбрости, чтобы встретиться с ней лицом к лицу.

Наконец он закончил. Он встал и обнажил меч, выполнил разминку, которую делал почти каждый день с детства. Когда тело погрузилось в движения, его разум расслабился.

На мгновение его мир изменился, цвета стали более яркими, и он оказался в том состоянии, которого так отчаянно искал. Но со следующим вздохом момент был упущен.

Коджи в отчаянии чуть не бросил меч на землю. Собирая каждый кусочек контроля, который у него был, он сопротивлялся побуждению.

Едва сдерживая разочарование, Коджи вонзил меч в ножны.

Он не знал, что ему нужно было сделать, чтобы стать лучше, но он знал, что ему нужно поговорить с Мари, пока не стало слишком поздно. Чем дольше он ждал, тем хуже становилась ситуация. Приняв страх, он повернулся к палаткам.

Одним из преимуществ положения Коджи было то, что его быстро пускали к Мари, когда он приходил. Такахиро стоял у двери, чтобы ее время не тратили зря на ненужные требования. Коджи просто сказал, что ему нужно было поговорить о чем-то важном, и его пропустили.

Мари склонилась над бумагами, делала записи, используя систему, которую он не понимал. Коджи умел читать, но был поражен тем, что Мари сделала с этой способностью.

Мари, казалось, знала почти все важное, что происходило в Королевстве. Она знала, где находились различные армии, какие деревни голодали, а какие хорошо жили. Коджи подозревал, что она даже знала, что происходило в Звездопаде, а это означало, что клинки продавали информацию о себе подобных.

В каком-то смысле, подумал он, Мари была немного похожа на клинок. Их преимущество заключалось в способности получать расширенную информацию о мире, чтобы предсказывать события, происходящие в ближайшем будущем. Мари делала то же самое, но без дара.

Он ждал, пока она закончит записи. Когда она подняла взгляд, она улыбнулась ему, и его сердце разбилось. Он восхищался Мари, возможно, больше, чем кем-то еще в его жизни. Последовать за ней было самым благородным решением, которое он когда-либо принимал. Знать, что его секрет мог вызвать ее неодобрение, было почти невыносимо. Это укрепило его решение. Это был правильный поступок. Он выпрямился и заговорил:

— Мари, я не думаю, что тебе следует ставить меня командиром одного из твоих отрядов.

Несмотря на всю агонию, которую он перенес в последние дни, гадая, что делать, выговорить слова было на удивление легко после того, как он начал.

Мари не ответила, ожидая, что он скажет больше.

— Мари, служить у тебя было честью, но у меня, как у клинка ночи, нечистые руки. Боюсь, что если люди когда-нибудь узнают о преступлениях, которые я совершил, это разрушит наше дело. Если я всего лишь воин, ты можешь отречься от меня. Но будь я командиром, у тебя не будет такого шанса. Гораздо безопаснее просто поставить меня с отрядом, возможно, даже не своим.

Она нахмурилась.

— Не важно, что ты делал в прошлом, Коджи. Важна твоя работа сейчас, а ты хорошо постарался. Ты спас мне жизнь и обучил многих клинков ночи. Ты заслужил это.

— Спасибо, Мари. Но некоторые преступления невозможно смыть, и немногие люди в этом Королевстве обладают такой терпимостью, как ты.

Мари не была убеждена.

— Если это единственный аргумент, я не могу согласиться. Возможно, ты по какой-то причине не чувствуешь себя достойным. Но я путешествую с тобой уже несколько месяцев. Я видела, как ты тренируешься, и видела, как ты убиваешь. Если кто и знает твое сердце и характер, так это я. Я никому больше не могу доверить тех клинков.

Коджи начал злиться. Мари всегда будет Мари, и именно эта последовательность была одной из причин, по которой он служил ей своим мечом. Но у этой черты были недостатки.

— Это еще не все, Мари.

Она выжидающе смотрела на него, и на мгновение он почти сказал ей, что убил ее брата и короля. Но когда он посмотрел ей в глаза, он увидел только доброту и доверие.

— Есть разница между хорошим воином или даже хорошим человеком и хорошим командиром. Я знаю, что я хороший воин. Есть те, кто лучше, но их немного. Но я не лидер клинков. Я не разбираюсь в стратегии боя, и у меня едва ли хватит харизмы, чтобы держать клинки в узде. Самая большая услуга, которую я могу вам предложить, — это моя способность убивать, а не моя способность вести.

Он не знал, его аргумент или тон голоса не дали Мари спорить. Она разглядывала его, и Коджи боялся, что она увидит тьму его прошлого в его сердце. Долгое время она ничего не говорила.

Когда она заговорила, ее голос был мягким, но сильным:

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно.

Коджи слышал, как палатка Мари хлопала на ветру, но смотрел только на нее, гадал, что она решит.

— Хорошо. Я не хотела бы принимать такое решение, но доверяю тебе жизнью, Коджи, и если ты уверен, я заменю тебя.

Коджи низко поклонился Мари и ушел, радуясь, что его слова принял, боясь, что он мог сломать дух Мари.

Через несколько дней время пришло. Коджи был готов. После добровольного понижения в должности его статус был необычным. Поскольку Мари по-прежнему считала

его личным стражем, его по-прежнему приглашали на собрания командиров, и список его задач, казалось, рос с каждым днем. Командир или нет, но Мари доверяла ему, а значит, дел было больше.

Когда Мари объявила, что его заменяют, на него бросали много любопытных взглядов. Из трех командиров Коджи многие считали фаворитом. Мари сказала, что он попросил о переводе. Какими бы любопытными они ни были, никто из командиров не стал спрашивать, и Коджи не рассказывал подробности.

Коджи присоединился к остальным клинкам. С одной стороны, это все еще было небольшое собрание. Клинков было меньше двухсот, и, когда они прижались друг к другу от холода, они не заняли много места. Кто-то нашел повозку, и Мари забралась на нее, чтобы поговорить со своей группой.

Несмотря на то, что их количество не было впечатляющим, их возможности были огромными. Коджи пытался вспомнить свою историю, но он не думал, что большая сила клинков когда-либо была собрана за пределами специальных фестивалей в Звездопаде.

Мари разговаривала с Джуном возле фургона, и пока они ждали, несколько клинков возле Коджи боролись за его внимание. Ситуация была ужасной, но настроение в лагере было странно бодрым. Дни были наполнены охотой, тренировками и кострами, которые длились до поздней ночи. Судя по звукам, которые Коджи слышал каждую ночь, пока он засыпал, немало клинков разбилось на пары, пока они ждали, когда собрание станет официальным.

Клинок рядом с ним, даже моложе его, заговорщицки заговорил с ним:

— Коджи, я знаю, что ты можешь поговорить с Мари, когда захочешь. Может, ты сможешь убедить ее провести собрание и в следующем году?

Коджи тихо рассмеялся. Честно говоря, он был бы не против еще одного сборища. Было приятно находиться в компании клинков, приносить пользу Королевству. Его по-прежнему преследовали его демоны, но его дни были счастливыми.

— Попробую. Я могу говорить, но она не всегда меня слушается!

Другой клинок собирался рассмеяться, но стал серьезным, когда Мари поднялась на повозку.

Госпожа дома Кита была в полном костюме Леди в Белом, из-за тяжелой мантии она казалась крупнее. Хотя телега была лишь немного выше, чем все вокруг, Коджи подумал, что она возвышалась над всеми клинками. Ее чистая форма выделялась на фоне изношенной и пестрой дорожной одежды, которую носили воины и целители.

Единственным изменением в наряде Мари была вуаль, которая отсутствовала. Стоя посреди толпы, Коджи мог легко различить каждую черту лица, от сильной челюсти до чуть приподнятых уголков рта.

Коджи не слышал ропота в толпе. Сильный голос Мари разнесся над собравшимися:

— Братья и сестры!

Все взгляды были прикованы к ней, но Мари не торопилась. Когда Коджи посмотрел на нее, он понял, что она была воплощением лидерства.

— Во-первых, я должна поблагодарить вас за все, что вы делали для Королевства до сих пор. Истории о доброте, которую вы оказали этой зимой — хоть вас преследовали и ненавидели, — однажды станут легендами, которые мы расскажем нашим детям. В этом я уверена. Все мы знаем, что быть добрым к другу легко, но служить тем, кто боится вас, — это качество, которым обладают немногие. Но это внутри вас всех, и мои слова никогда не

выразят всей моей благодарности.

Мари притихла и оглядела толпу. Коджи почувствовал прилив гордости, узнав, что он был среди таких благородных клинков.

— Но наша работа еще не закончена. Несмотря на все спасенные жизни и все добрые дела, Королевство все еще находится в состоянии войны. Скоро растают снега, и армии двинутся в бой, и эта земля, которая кормит наши семьи, будет отравлена кровью друзей. Лорды ничего не делают, чтобы остановить это. Они борются за трон, а не за свой народ. Мы научим их тому, что будет дальше! Мы покажем им, что они не могут морить голодом людей, чтобы прокормить их армии!

Несмотря на сдержанный характер большинства клинков, страсть Мари вызвала бурю восторженных возгласов в толпе. Коджи присоединился к ним.

— Хотя наша сила огромна, я не хочу видеть ненужного кровопролития. Наша миссия, как по мне, состоит в том, чтобы поразить армии всех лордов таким образом, чтобы они не могли воевать друг с другом. Пока они сосредотачиваются на своем фронте, наши группы клинков будут рвать их сзади, поражая их линии снабжения.

В толпе поднялся ропот. Не было чести в захвате склада с припасами.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказала Мари, — но у нас двоякая цель. Все мы видели опустошение, которое лорды оставили, в спешке готовясь к войне. По всему Королевству семьи голодают, ведь армии могут сражаться. Мы берем эти припасы не только для того, чтобы остановить армии, но и чтобы накормить людей, которых мы поклялись защищать.

Коджи не был уверен, что когда-либо видел, чтобы толпа любого размера так быстро меняла свое мнение. Все они видели, что происходило в деревнях.

Зима была одной из самых суровых в истории. Каждый из лордов решил, что кормить свою армию важнее, чем кормить своих граждан. В большинстве случаев армии оставляли мало позади, этого никогда не хватало для того, чтобы деревня выжила.

Мари исправит проблему. Они атакуют пункты снабжения, заберут еду и материалы и вернут людям. Мари спланировала серию ударов по каждому лорду, один за другим. Темп будет жестоким, но ее целью было полностью искалечить армии. В лучшем случае она сможет остановить войну и накормить людей в процессе.

Когда Коджи впервые услышал ее идею, он был поражен. Ему понравился этот план, и он сделал все, что мог, чтобы превратить его в осуществимую стратегию. Судя по клинкам в толпе, ее идея нашла отклик и там.

Он знал, что они чувствовали.

Мари закончила свою речь:

— Я знаю, что многие из вас присягнули мне мечами, и за это я навсегда у вас в долгу. Все, что я делаю, — для Королевства, но только из-за той преданности, которую вы мне показали. Если бы я была лордом, я бы приказала вам служить, но я не лорд. Все, что я могу сделать, это просить. Сделайте это ради Королевства. Сделайте это для меня. Если вам неудобно, пожалуйста, покиньте собрание, когда захотите. Уверю вас, никто здесь не помешает вам уйти. Наша миссия будет сложной, и наша жизнь наверняка окажется под угрозой. Это, как всегда, вам решать.

С этими словами Мари низко поклонилась клинкам и сошла с телеги. Коджи скользил взглядом по лицам и знал, что никто не уйдет.

У Мари теперь была своя небольшая армия, готовая остановить войну.

Глава 17

Снег еще не растаял, но признаки весны было видно. У Асы и Дайсуке было больше дневного света для тренировок, и хотя дни еще были морозными, Аса ощущала дополнительное тепло солнца на коже. Весна приближалась с каждым днем, долгая зима почти прошла.

Она стояла одна на равнине, недалеко от самой большой деревни, в которой они когда-либо тренировались. Дом Дайсуке находился в паре дней ходьбы от нескольких деревень, большинство из которых представляли собой разбросанные хижины. Эта деревня была самой большой в пределах трех дней ходьбы, в ней проживало около пятидесяти человек.

Это было ее последнее испытание, хотя Дайсуке не говорил этого. Боевые навыки Асы значительно улучшились, ее стиль владения двумя мечами развился до такой степени, что ей не терпелось снова сразиться с Коджи. Она не была непобедимой, но она стала намного лучше.

Однако другие навыки, которым Дайсуке пытался научить ее, были куда сложнее. Эти навыки они проверили здесь сегодня: ее способности с ее даром, ее осведомленность и ее сосредоточенность. Хотя ее стиль владения двумя мечами был невероятным улучшением, эти навыки делали ее по-настоящему могущественной. Она видела мастерство Дайсуке, и хотя она все еще не была близка к его способностям, она считала, что стала лучше.

Проверка не была сложной. День был ясный, и хотя было холодно, жители деревни вышли из домов, наслаждаясь солнечным светом. Все, что нужно было сделать Асе, это незаметно добраться из одного конца деревни в другой. Ее испытание началось в тот момент, когда она достигла края.

Успокаивая дыхание, она расширила чувство, чтобы понять это место. Тот факт, что она могла ощутить всю область, сам по себе был показателем того, насколько она улучшилась благодаря строгой дисциплине Дайсуке. Через некоторое время Аса была уверена в том, о чем она уже догадывалась: через деревню легко не пройти.

Дайсуке стоял с другой стороны, используя свой дар, чтобы чувствовать все, что происходило. Аса глубоко вдохнула и пошла к деревне.

Она остановилась на окраине, ожидая, пока люди уйдут с дороги, тогда начала. Она выбрала узкий проход за зданиями, чтобы не попадаться посторонним глазам. Дорожка изгибалась и поворачивала между построенными близко друг к другу хижинами.

Когда Аса ощутила свой момент, она сделала шаг вперед. Первая дюжина шагов далась легко. Она чувствовала, что поблизости никого нет, а за дорогой не следили.

Ее первая проблема возникла после того, как она прошла перекресток. Ее чувство, блуждая по местности, обнаружило, что кто-то ступил на ее дорогу на перекрестке перед ней. Аса начала отступать, но дар предупредил ее, что кто-то стоял рядом с перекрестком, который она только что миновала. Она не могла оставаться на месте, но оба направления казались неудачными.

В прошлом Аса напряглась бы. Ее разум метался бы, не находя ответов, как бы быстро он ни работал. После нескольких месяцев тренировок с Дайсуке ответ был другим. Она сосредоточилась на дыхании, быстро расширила ощущение мира вокруг. Времени было не так много. Женщина впереди увидит ее через несколько мгновений.

Ее чувство, улучшенное, уловило, что мужчина позади нее прислонился к одной из хижин, ее деревянные стены слегка прогнулись под давлением. Аса поняла, что его спина была обращена к перекрестку. Его поза указала, что он не собирался уходить в ближайшее время, но если она будет двигаться тихо, она сможет встать позади мужчины, и он ее не

заметит. Аса отступила, завернув за угол и увидев его спину. Он был крупным и не особо наблюдательным. Аса скользнула в его тень, немного пригнувшись.

Женщина вышла на дорогу, где только что стояла Аса. Теперь ей пришлось довериться удаче. На перекрестке, возле которого она спряталась, было три маршрута. Если женщина выберет дорогу Асы, она больше ничего не сможет сделать.

Женщина прошла на перекресток, и Аса затаила дыхание. Возможно, старейшина деревни, женщина продолжала идти прямо, не глядя в сторону Асы.

Раньше Аса вернулась бы на свой первый путь так быстро, как только могла, но теперь она знала лучше. Она сосредоточилась на чувстве, планируя следующие шаги. Еще больше людей шли рядом с ее первоначальным путем. Было бы лучше, если бы она выбрала другой переулок.

Аса встала и тихонько ускользнула, обращая внимание на шаги, чтобы не шуметь и не привлечь внимание огромного парня.

Следующим препятствием была широкая тропа, которая пересекала середину деревни. Избежать этого было невозможно, но здесь Асе повезло больше. Когда она пришла, никто не смотрел на то место, которое ей нужно было пересечь. Не колеблясь, она бросилась в узкий проход на другой стороне.

Отсюда она двигалась быстро. Она приближалась к другой стороне деревни, когда возникла новая опасность. Один человек был в проходе позади нее, пока за углом, но он увидит ее через несколько мгновений. Перед ней был переход, но рядом разговаривали двое мужчин.

Аса огляделась. Она улыбнулась, посмотрев на крыши. Некоторые из них были плоскими, и чувство подсказывало ей, что в зданиях сейчас никого не было, жители наслаждались ясной погодой. Она подбежала к одному, уперлась ногой в стену и оттолкнувшись, ухватилась руками за край крыши. Одним плавным движением она подтянулась.

Она немного отдохнула, пока человек, который непреднамеренно следовал за ней, прошел внизу, не обращая внимания на то, что он чуть не оборвал проверку Асы. Во время отдыха она огляделась, улыбаясь от уха до уха, когда увидела, что могла добраться до окраины деревни по крышам.

Убедившись, что ее не увидят и не услышат, Аса легко прыгала с крыши на крышу, без проблем преодолела последние пятьдесят шагов задания. Она с гордостью спрыгнула с последней крыши, приземлилась и мягко прокатилась по другой стороне деревни, совершенно невидимая.

Вскоре после этого, сияя, она подошла к Дайсуке, лицо которого было таким же невыразительным, как всегда. Он подарил ей легкую улыбку, когда она подошла.

— Ты молодец. Не идеальный путь, но приемлемый. Ты была сосредоточена, использовала воображение, и твоя работа с даром лучше, чем я от тебя видел.

От Дайсуке это была высокая похвала, и Аса покраснела от гордости.

— Идем, пообедаем. И тогда отправимся обратно.

Аса была довольна. Ее желудок был полон, а радость от завершения проверки было сильной. По дороге к дому Дайсуке она заметила и другие признаки весны. Кое-где зеленая трава высывалась из снега, и певчие птицы порхали над головами клинков.

Она не знала, когда в последний раз была так довольна. Ее дни были наполнены

тренировками, но она была счастлива учиться у Дайсуке. Ей нравилось смешить маленькую Мику, и она была удивлена, что ей не хватало компании Кейко.

Дайсуке, который, казалось, всегда был готов выслушать ее мысли, нарушил дружеское молчание между ними.

— Возможно, это не мое дело, но я должен спросить. Ты не задумывалась о том, что будешь делать дальше?

Вопрос был с подвохом, Аса все понимала. Дайсуке считал, что научил ее всему, что знал. Больше ей нечему было учиться. Это не означало, что ее навыки нельзя было улучшить дальше, но недостаток знаний больше не был проблемой. Аса знала, что ей нужно было делать. Отныне улучшение было больше делом практики, чем обучения.

И он спрашивал, что она будет делать с тем, чему он ее научил. С набитым животом и вопросом Дайсуке она наконец набралась храбрости, чтобы задать ему вопрос, который мучил ее с того дня, как он впустил ее в свой дом:

— Даже не знаю. Я часто думаю об этом. Но могу я кое о чем спросить?

Молчание Дайсуке расценивалось как согласие.

— Когда я подошла к твоей двери, после того, что я сделал, почему ты меня принял?

Его глаза были рассеянными, будто он видел далекое прошлое.

— Мои чувства были смешанными. Я долго думал, что буду делать, если наши пути снова пересекутся. Часто я верил, что убью тебя.

Заявление было простым и без злого умысла. Аса не удивилась, но было больно.

— Все просто. Я принял тебя из-за Киоши. Зная то, что я знаю сейчас, я думаю, что он заботился о твоём сердце лучше, чем ты, и, безусловно, лучше меня. Его последняя просьба заключалась в том, чтобы я тренировал тебя так хорошо, как мог. После...

Голос Дайсуке, обычно ровный, дрожал. Он сделал глубокий вдох и продолжил:

— После его смерти я не смог выполнить данное ему обещание. У меня было достаточно уважения к нему, чтобы не убить тебя, хотя я отчаянно этого хотел. Когда ты нашла меня, его желание побудило меня принять тебя.

Аса остановилась и низко поклонилась ему. Он молча кивнул, и они продолжили. Некоторое время Аса не решалась говорить.

— Как ты думаешь, что мне делать?

— Я не знаю. Я не в курсе событий дня, я знаком только с общим положением дел. Однако и Киоши, и я попросили бы тебя об одном — чтобы ты служила народу Королевства настолько хорошо, насколько это возможно.

На вкус Асы ответ был слишком широким. У нее было то же чувство, но она не знала, как этого лучше всего достичь.

Она была удивлена, когда Дайсуке продолжил:

— Знай, что я не желаю зла, но как только мы вернемся домой, я попрошу тебя уйти в течение нескольких дней.

Асу словно ударили ногой по голени. Не успев подумать, она выпалила:

— Почему?

Дайсуке взглянул на нее и мягко улыбнулся, выражение его лица было удивительно нежным.

— Это не потому, что я хочу, чтобы ты была исключена из жизни моей семьи. Я уверен, что и Кейко, и Мика были бы счастливы, если бы ты навсегда осталась нашей гостьей. Ты стала так же близка нам, как Киоши, и это немалый подвиг. Даже я признаю, что был бы не

против вашего присутствия. Ты опытный воин, и с тобой легче управлять домом. Тебе всегда будут рады в моей семье, наша дверь всегда будет открыта для тебя. Но ты прячешься, и я был бы плохим учителем, если бы продолжал позволять тебе так делать.

Аса хотел возразить, но слова умерли, не слетев с губ. То, что она жила с Дайсуке, чтобы продолжать тренировки, было в лучшем случае полуправдой. Пока она была с ним, не было необходимости выяснять, для чего она жила.

— Я не знаю, что делать, — повторила Аса.

Дайсуке остановился и пристально посмотрел на нее.

— Зачем ты пришла ко мне?

Аса на мгновение растерялась.

— Чтобы стать сильнее.

— Зачем?

— Потому что я хочу предотвратить смерть близких мне людей, — она думала о своей семье, Дайки и его волевой жене.

— Ты дура.

Слова жалили, но Аса слышала за ними любовь. Тем не менее, они ее расстроили.

— Почему это неправильно? Разве ты не поэтому здесь, в глуши?

Дайсуке покачал головой, будто она была ребенком, не понимающим простейших объяснений.

— Отчасти мы здесь для того, чтобы защитить мою семью, да. Но настоящая причина в том, что мы хотели начать новую совместную жизнь. Аса, какой бы сильной ты ни была, ты не сможешь предотвратить то, что приходит ко всем нам. Твоя цель должна быть лучше, чем это.

— Твое представление о «защите Королевства» слишком расплывчато.

— Тогда уточню. Служи одному человеку или одной деревне. Просто служи. Даже если будет только один человек, ты будешь иметь значение в этом мире, и это все, о чем мы с Киоши могли бы попросить.

Дайсуке, как и его наставник Киоши, был одним из лучших людей в ее жизни. Его решение было нелегко принять, но оно было правильным.

— Могу я остаться еще на несколько дней и попрощаться с твоей семьей?

— Конечно. Я бы никогда не стал отказывать тебе в этом.

Аса обычно не была мягкой, но хотелось подбежать к Дайсуке, прыгнуть на него и крепко обнять. Казалось, мир раздавит ее. Но она взяла себя в руки и поклонилась ему.

Дальше они шли к его дому в тишине.

В течение следующих нескольких дней Аса старалась проводить каждую минуту с семьей Дайсуке. Она знала, что привязалась к ней, но только когда могла лишиться их общества, она поняла, насколько они стали близкими. Мгновения ускользали, как песок сквозь ее пальцы.

Они с Микой часто играли в лесу за домом. Они представляли себя высокими дамами, суетсяящими над своей одеждой и едой. Аса не ожидала, что ей понравится играть с девочкой, потому что у нее никогда не было возможности играть, когда она была маленькой, и теперь она не видела в этом особой нужды. Но Аса постепенно смягчилась, и, хотя она не могла броситься в игру с воображением с таким же энтузиазмом, как дочь Дайсуке, она участвовала без жалоб.

Дайсуке продолжил ее обучение, хотя учить было нечему. Теперь стало больше тренировок и меньше инструкций. Время все еще было дорого, особенно для Асы. Она сосредоточилась на Дайсуке, ей было очень любопытно, как живет клинок ночи с такими невероятными навыками. Она наблюдала, как он занимался утренней тренировкой, как он общался со своей семьей. Иногда ей удавалось признать, что ей нужно было то, что было у него.

Однажды утром Дайсуке попросил Асу присоединиться к нему на прогулке по лесу. Как она часто делала, Мика спросила, могла ли она пойти с ними, и Аса была приятно удивлена, когда Дайсуке согласился. Они молча шли по лесу и вскоре оказались в древнем лесу, где деревьям было сотни лет. Аса ходила тут раньше, но обычно избегала этого места.

Проблема со старым лесом заключалась в том, что он был не таким, каким казался. Если пройти по нему, обладая только пятью обычными чувствами, то можно было услышать только тишину среди деревьев и шаги внизу. Ветки над головой блокировали большую часть света, и даже разгар дня мог казаться глубиной ночи. Лес казался почти мертвым или умирающим.

С даром прогулка по старому лесу была совершенно другим опытом. Можно было ощутить жуков и тварей, которые прятались от вас. Сами деревья, величественные для своего возраста, производили мощное ощущение, а земля под ногами была полна жизни. Переплетающиеся корни, роющие животные и ползучие насекомые наполняли разум потоком информации, будто в городе.

Разница между обычными чувствами клинка и даром делала поход в старый лес неприятным занятием. Асе это никогда не нравилось.

Лучшее предположение Асы заключалось в том, что некая человеческая интуиция, какой-то намек на дар должны быть присущи каждому, потому что очень немногие люди ходили в старые леса. Конечно, ходили рассказы о мифических существах, похищавших детей в лесу, но Аса подозревала, что это была лишь попытка объяснить скрытое беспокойство.

Дайсуке был необычен тем, что, казалось, не обращал внимания на толстые деревья и узкие тропинки. Как и ее отец, Мика выглядела спокойной. Они шли большую часть утра, все глубже уходя в лес. Временами их путь становился настолько темным, что Аса хотела зажечь факел.

Она наблюдала, как двигались ее спутники, и поняла, что у них была цель. Дайсуке не бродил и не искал. Он двигался к месту глубоко в лесу, куда немногие осмеливались заходить даже на окраину. Мика, судя по ее беззаботному отношению и возбуждению, будто знала, куда они шли.

В конце концов, они вышли на небольшую поляну. Появилась очень маленькая хижина, которая выглядела так, будто в ней лишь одна комната. Дайсуке провел их внутрь, и Аса увидела, что угадала. Там стояли две кровати и очень простая печь для приготовления пищи. В хижине было все необходимое для жизни, но не было лишнего места.

Аса рискнула предположить:

— Ты построил это на случай худшего? Тут можно спрятаться, если события обернутся против вас?

Дайсуке кивнул.

Больше ему ничего говорить не пришлось. Аса сама понимала гениальность. Они будут в безопасности от любых солдат, а в ограниченном пространстве вокруг хижины, даже если

целая группа солдат нападет, Дайсуке сможет отразить их одного за другим.

Клинков ночи постигнет та же участь. Деревья были густыми, и Дайсуке не ощущался. Он мог убить группу клинков почти с легкостью.

Единственная опасность, с которой столкнулся Дайсуке, заключалась в том, что весь лес сгорел, но Аса этого не заметила. Пиломатериалы были ценным товаром, и кто-то должен быть в невероятном отчаянии, чтобы намеренно уничтожить лес. Стихийные бедствия были возможны, но маловероятны.

Мика потянула за одежду Асы.

— Раньше это был храм, но мой отец превратил его в жилое пространство.

— Я хотел показать тебе это место, — сказал Дайсуке. — Невозможно предсказать, что произойдет в Королевстве в этом или даже следующем году. Я надеюсь, что мой дом пощадят, но у меня есть планы на случай, если будет не так. Здесь я могу бесконечно защищать свою семью. Я хочу, чтобы ты знала, где он, на случай, если понадобится место, куда можно вернуться.

Аса почувствовала, как в глубине нарастала грусть. Она знала, что для Дайсуке значило показать ей последнее место, которое он создал для безопасности своих близких. Для него было почти невыносимо доверять ей после страданий, которые она причинила ему.

Она низко ему поклонилась.

— Спасибо.

Когда она выпрямилась, ей в голову пришла мысль.

— Дайсуке, мне жаль, что я должна спросить, но как мне найти это место? Я не имею ни малейшего понятия, где мы находимся.

Дайсуке усмехнулся.

— Возможно, я могу преподать последний урок.

Он опустился на колени и указал ей сделать то же самое. Аса последовала его примеру, улыбаясь, когда Мика села на корточки. Дайсуке показал Асе ладонь.

— Положи руку на землю и сосредоточься на том, что под нами.

Аса сделала, как просил Дайсуке, направила чувство вниз. Она не помнила, чтобы когда-либо пыталась. По ее опыту, они всегда направляли чувство в стороны, а не вниз. Она почувствовала корневую систему внизу, но для нее это было не в новинку, так как она ощущала ее влияние большую часть утра.

Она подняла ладонь и посмотрела на Дайсуке.

— Я не знаю, что должна ощутить.

— Чувствуешь течение энергии в корнях?

Аса нахмурилась. Она никогда не думала о таком. Она опустила руку, закрыла глаза и сосредоточилась на расширении чувства. На этот раз, когда она нашла корни, она сделала, как просил Дайсуке. Удивительно, но энергия вела к хижине, которую построил Дайсуке.

Аса встала.

— Как это?

— Я считаю, что есть линии силы, которые проходят через мир, в котором мы живем, и я размышлял об этом много раз. Если расширить чувство в любой точке этого леса, ты почувствуешь поток энергии к хижине. Сосредоточение внимания с помощью рук это начало, но если будешь тренироваться, ты почувствуешь, как жизнь течет под ногами. Здесь все указывает на одно и то же место.

Аса чувствовала себя такой же сбитой с толку, как и тогда, когда она только начала

тренироваться с клинком ночи.

— Что это значит?

Дайсуке пожал плечами.

— Я не уверен. Я просто знаю, что это работает. Тренируйся. Если понадобится, ты снова сможешь найти это место.

Аса согласилась с его доводами, даже если она их не поняла. Днем они работали по дому, убирались и собирали хворост.

Все трое вернулись в дом ранним вечером, как раз к трапезе Кейко, простой ужин из риса и рыбы, пойманной накануне из близлежащего ручья. Аса думала, что еда была особенно восхитительной, гадала, было ли дело в приготовлении или атмосфере, из-за которой каждый кусочек казался кусочком чистого удовольствия.

Когда они приблизились к завершению ужина, Аса решила, что пора было сообщить новость. Без особого предупреждения она сказала:

— Завтра я уйду. Мне еще нужно поработать.

Кейко эта новость не удивила. Аса сказала ей несколько дней назад, вернувшись из деревни, что она собиралась уйти в ближайшее время.

Однако Мика этого не ожидала. Слезы навернулись на ее глаза, и, сделав глубокий вдох, она едва сдержала их.

— Я думала, ты останешься здесь навсегда, и мы сможем стать сестрами.

Сердце Асы разрывалось от слов девочки. У нее тоже никогда не было сестры.

— Я бы хотела, Мика, но я должна пойти и попытаться помочь другим людям в Королевстве.

Девушка вытерла слезы и свирепо посмотрела на Асу.

— Мой отец говорит, что клинок ночи ходит и следит за тем, чтобы плохие люди никому не причинили вреда. Это ты собираешься делать?

— Да, это я собираюсь делать.

Больше она ничего не смогла сказать. Мика продолжила:

— И ты обещаешь, что вернешься, когда закончишь, и мы сможем стать сестрами?

В тот момент Аса предпочла бы столкнуться с одним из охотников за клинками ночи, чем с Микой. Она взглянула на ее родителей, но, хотя они поддерживали Асу взглядами, было ясно, что она одна. Она подошла к Мике на коленях и, действуя импульсивно, обняла ее.

Крепко обнимая девочку, она сказала:

— Мика, я бы хотела остаться здесь и быть твоей сестрой, — она удивилась тому, что верила своим словам. — Но ты знаешь, что то, что я делаю, опасно. Если я смогу, я вернусь к тебе, но не обещаю.

Девочка была маленькой, но все понимала. Аса отпустила ее и снова взглянула на Дайсуке и Кейко. Дайсуке чуть склонил голову, и по левой щеке Кейко скатилась слеза.

Они закончили трапезу в тишине, и в ту ночь, пока они готовились ко сну, Мика пришла в спальню Асы и прижалась к ней, уснув, пока Аса смотрела в потолок и рассказывала легенды о клинках ночи.

На следующее утро она встала раньше Мики. Было бы тяжело будить девочку и прощаться с ней, но Аса боялась, что если будет ждать, ей не хватит смелости уйти.

Она прошептала прощание Кейко, которая крепко ее обняла. Дайсуке пошел с ней на холм, скрывающий дом.

— Ты отследишь Мари и присоединишься к ней?

— Да, — после их возвращения из деревни Аса больше ни о чем не думала. Если ей придется кому-то служить, она не могла придумать лучшего человека.

Дайсуке поклонился Асе.

— Для меня было честью принимать тебя. Тебе рады в любое время и не забывай практиковать полученные навыки. И, Аса?

Она выжидающе посмотрела на него.

— Что бы ты ни делала, не забывай служить. Важна не ты одна.

Аса кивнула, и, прежде чем она смогла передумать, она повернулась и ушла, оставив Дайсуке и его семью позади себя.

Глава 18

Снег таял, и Мари была уверена, что она стала самым разыскиваемым человеком во всем Королевстве. Тени от каждого из домов приходили к ней с плакатами, призывающими к поимке Леди в Белом. Награды становились огромными, их почти хватало, чтобы кормить город месяц.

Мари уловила иронию. Ее стратегия в том виде, в каком она была, работала. Продовольствие и припасы подверглись набегам, были украдены у армий и доставлены обратно в города и деревни, из которых они прибыли. Леди в Белом вернула людям деньги, но лорды должны были забрать их обратно, чтобы выплатить сумму, которую они обещали за ее поимку.

В детстве она любила представлять себя в другом мире. Ей нравились стены Стоункип, но были времена, когда ей хотелось кататься на лошади в дикой природе. Иногда, чтобы удовлетворить свою фантазию, она представляла себя королевой бандитов, всегда в бегах от тех, кто предаст ее правосудию.

Что бы ее детское я сказало, если бы увидело, как жила Мари? Ее юное воображение стало ее повседневной реальностью, но реальность была далеко не такой романтической, как ее мечты. Земля была влажной и холодной, и хотя ее отряд был в приподнятом настроении, их условия были ужасными. Они не осмеливались провести больше одного-двух дней на одном месте. Она путешествовала с более чем пятьюдесятью клинками, всегда убегая, всегда преследуемая армиями лорда Исаму.

Опасность росла вместе с ее репутацией. Когда-то Леди в Белом могла получить безразличие или, возможно, нерешительный прием. Теперь, если она въезжала на новое место в своем белом костюме, сельские жители низко кланялись ей.

Через несколько дней она поняла, что многие жители Королевства были более верны к ней, чем к лордам земель, на которых они жили. В такие моменты она подумывала изменить свои цели и забрать Королевство себе. Разве она не была бы мудрой и справедливой королевой?

Какой бы соблазнительной ни казалась идея, Мари не позволяла ей задерживаться. Королевством никогда не управляла женщина, и хотя жители деревни были счастливы скрывать ее и обманывать преследователей, между этим и предоставлением права женщине править была огромная разница.

Голосок в ее голове предупреждал об искушении власти. Хироми был хорошим человеком, который никогда не подумал бы послать убийцу за сестрой. Но власть была коварна, топтала честь. Даже мысль о том, что она узурпирует власть у лордов, имеющих законные права, была достаточным доказательством этого.

Лучше было оставаться на том курсе, который она изначально установила. Война была отложена более чем на месяц, поскольку армии и лорды из всех сил пытались придумать, как прокормить и снабдить свои войска, в то же время предотвращая беспорядки своего народа. Она получала сообщения о том, что каждый отряд клинков преследовался частью армии, отводя необходимые войска от передовой линии сражения.

Между домами все еще продолжались стычки, но действия Мари пока что предотвратили войну, которой она опасалась. Она не знала, сколько еще продержатся ее силы. По мере того, как их репутация росла, к ним добавлялось больше войск, и погоня становилась все более интенсивной. Группа Мари почти дважды попадала в окружение, но каждый раз им удавалось найти выход благодаря способностям одаренных.

Мари беспокоилась, что вскоре придется прибегнуть к насилию, чтобы продолжить миссию. Она боялась такой возможности, но делала все, что могла, чтобы подготовиться к неизбежному дню. Лучше ее клинки убьют горстку солдат, чем мир погрузится в войну.

Действия Мари также смягчили отношение населения к клинкам. Несомненно, страх и ненависть сохранялись, но голодающая семья принимала пищу независимо от ее источника. Качество клинков на ее службе имело первостепенное значение для успеха. Если бы хоть один клинок ударил по жителю, все было бы иначе. Но до сих пор ее клинки отвечали на ненависть запасами еды. Даже если над ними издевались, они продолжали служить.

Мари не питала иллюзий, что клинки отличались от граждан по темпераменту. Были клинки, которые принимали мудрые и заботливые решения, и те, кто делал опрометчивые и высокомерные решения. Но недавно она увидела качество людей, которые объединились ради общего дела. У них были все возможности и все основания для нанесения ответного удара в некоторых деревнях, но они всегда сдерживали себя.

Мари особенно запомнилась крупная деревня под названием Хайфилд. Ее войска привезли продовольствие, недавно забранное у армии Исаму, и раздавали на окраине деревни. Со спины группа местной молодежи бросала тяжелые камни. Клинки чувствовали броски, но не могли увернуться от всех камней. Один из них попал клинку ночи по голове, когда он увернулся, из-за чего из раны быстро потекла кровь.

Клинок рухнул, и его сын, еще один клинок ночи, служивший вместе с ним, немедленно пошел в толпу. Все начали разбегаться, опасаясь надвигающегося кровопролития. Даже Мари боялась, что репутация, которую она так усердно создавала, будет разрушена.

Но когда сын подошел к молодым людям, напавшим на его отца, он встал перед ними на колени и предложил рис.

Инцидент обернулся удачно. Отец был исцелен клинком дня, и молодые люди были пристыжены перед всем их обществом.

Не каждый опыт был таким положительным, как Хайфилд. Дважды им приходилось оставлять еду на окраине деревни, потому что никто не мог выйти из домов при клинках ночи. Явление было менее распространенным, но все же произошло.

Процесс был мучительно медленным, но клинки постепенно приближались к цели Мари. Она только задавалась вопросом, хватит ли времени.

Однажды вечером Мари бродила по лагерю, совершенно измученная. Она никогда не была воином, но всегда была активной, и эта кампания истощала ее. Клинки вокруг нее были тихими, тяжелый рабочий день привел всех в состояние покоя.

Даже неутомимый Такахиро молча сидел у одного из разожженных костров, ожидая,

когда приготовится ужин. Мари села рядом с ним, его единственным ответом было тихое хмыканье.

Она вздохнула и, в конце концов, снова встала. Она так же устала, как и остальные, но ее разум не хотел успокаиваться. Такахио командовал этой группой, но она продолжала мечтать о будущем, пытаясь увидеть следующий шаг. Как бы она ни боролась с проблемой, решения у нее не было.

Когда Аса въехала в лагерь, все собрание ожило. Некоторые из клинков знали Асу лучше, чем другие, но она была переменной, и приятной.

Она остановила лошадь и плавно соскользнула с седла. Мари нахмурилась и посмотрела на клеймо на креплении. Коня украли у армии Исаму.

Клинок ночи проследила за взглядом Мари.

— Я решила, что потеря одной лошади их не сильно расстроит.

Подошел еще один клинок и предложил позаботиться о лошади. Аса с благодарностью согласилась, и Мари пригласила Асу к себе в палатку. Мари не знала, что именно в Асе ей так нравилось, но она была безмерно благодарна за то, что увидела ее лицо.

Мари приготовила чай, и женщины сели на колени друг перед другом. Удивительно, но Аса заговорила первой:

— Вы все выглядите так, как будто тренировались весь день на солнце. Некоторые из клинков, кажется, готовы упасть в обморок на месте.

Мари кивнула.

— Мы в бегах уже месяц, и это требует огромных жертв.

Аса сделала глоток из чашки, поблагодарив Мари за напиток.

— Слухи о ваших делах быстро распространяются. Я проехала не менее трех деревень, где говорилось только о Леди в Белом. Для большинства ты героиня, а для некоторых — предательница.

Для Мари это не было неожиданностью, но она чувствовала немного боли оттого, что некоторые считали ее предательницей.

Она молчала. Это было не для общественного признания, и жаловаться было бесполезно.

Две женщины потягивали чай. Мари, как хозяйка палатки, должна была продолжить разговор, но она ощущала сомнения. Почему она позвала Асу к себе в палатку? Они были не так уж близки.

Но в Асе было что-то такое, чего Мари не могла уловить, и эта черта сейчас стала еще более явной, чем в прошлом. Мари решила рискнуть.

— Аса, я расстроена и беспокоюсь за клинки и за Королевство.

Мари полностью заполучила внимание Асы, но клинок ночи не ответила.

Леди пыталась подобрать правильные слова:

— У нас все хорошо. Мы плотина в реке, но мы слабы, и когда мы рухнем, война затопит Королевство. Мне нужна помощь лорда.

Аса слегка наклонила голову вперед, осознавая проблему Мари.

— Ты не думаешь, что твой брат тебя послушает?

Мари засмеялась. Когда произошло нападение, Асы не было.

— Он пытался убить меня.

Аса нахмурилась.

— И?

Ответ клинка поразил Мари. Она перестала смеяться и покачала головой, пытаясь удостовериться в словах Асы. Это заняло несколько секунд, но лицо Асы указывало на вопрос.

— Если кто-то пытается убить, он вряд ли послушает.

— Почему нет?

Мари скривилась, озадаченная поведением Асы.

Клинок ответила:

— Полагаю, твой брат узнал о твоём союзе с группой клинков?

Мари кивнула.

— Если слухи о ваших действиях и личности распространятся, он проиграет войну еще до начала. Приказ о вашей смерти был холодным, но логичным действием, верно?

Мари громко выдохнула. Да, она полагала, что Аса была права.

— Есть ли кто-то, кто подходит лучше и выслушает твои планы относительно Королевства?

Мари обдумывала свои ограниченные возможности. Каташи никогда бы ее не послушал, а Исаму не годился на роль короля. Хироми уже знал, что делала Мари, так что, если он вступит с ней в союз, это будет с полным знанием ее секретов. Хироми был ее лучшим вариантом. Она покачала головой.

— Тогда мне кажется, что выбор понятен, пусть и неприятен. Нужно поговорить с братом.

Мари снова не согласилась.

— Даже если ты права, я не смогу добраться до него. Сейчас он один из самых хорошо защищаемых людей в Королевстве, а мне угрожает смерть.

Аса улыбнулась.

— Тогда хорошо, что я решила приехать. Я проведу тебя к нему.

Сердце Мари колотилось в груди. Говорить и жаловаться — одно действие. Пробраться в лагерь армии, возможно, убить охранников и тайно встретиться с братом — совсем другое. Она не могла.

Но Аса сидела перед ней, спокойно попивая чай и выжидающе глядя, будто ждала, что Мари скажет ей, когда они пойдут. Мари поставила чай и прошлась по маленькой палатке, сожалея, что впустила смелого клинка ночи.

Хуже всего было то, что Аса была права. Если единственной надеждой Мари был разговор с лордом, ее брат был лучшим выбором, и если это так, ей придется попробовать. Альтернатива заключалась в том, чтобы вести медленно проигранный битву, пока ее товарищи не сломаются и умрут.

Она перестала расхаживать и опустилась на колени, глядя Асе в глаза.

— Ты можешь отвести меня к нему?

Аса ответила не сразу, учитывая факторы, которыми она не поделилась с Мари.

— Думаю, да. Конечно, не обещаю, но я верю, что получится.

Мари не понимала, почему слушала. Попасть в этот лагерь было почти самоубийством, за исключением того, что самоубийство было, вероятно, более быстрым и менее болезненным.

Но она уже рисковала своей жизнью каждый день. Она не думала об опасности, когда ее защищало одно из самых больших скоплений клинков ночи, но факт оставался фактом. Аса заставляла ее жить в соответствии со своими идеалами.

Прежде чем Мари успела остановиться, она сказала:

— Хорошо. Мне нужно будет подготовить командиров к моему отсутствию, но мы уедем в следующие несколько дней.

Аса поклонилась, допив чай.

— Спасибо за чудесный напиток, миледи. Я с нетерпением жду возможности провести время вместе в дороге.

Глава 19

Коджи наблюдал, как их командир, клинок ночи по имени Икко, нарисовал склад припасов, на который клинки собирались напасть. Еще до того, как Икко заговорил, Коджи знал, что стратегия, которую они использовали сейчас, не будет работать вечно. Здесь было гораздо больше защиты, гораздо больше войск и гораздо лучшая расстановка, чем им попадалось раньше. Они могли быть клинками, но их враги не были дураками.

Почти сотня стражей окружила склад снабжения, который был построен у подножия холма, с которого на целую лигу было видно на местность во все стороны. Присланные ранее разведчики сообщили, что патрулирование было регулярным и бдительным.

Когда кампания, если так можно было ее назвать, началась, клинки почти не боролись. Линии снабжения, конечно, охранялись, но войска не были ни опытными, ни хорошо обученными. Они были отбросами армии, настолько ниже умений клинков ночи, что казалось шуткой.

Уже нет. Кампания Мари вызвала подкрепления, одни из лучших с фронта. Эти люди гордились тем, что они солдаты, которые тренировались каждый день в надежде стать офицерами.

По отдельности они представляли небольшую угрозу для клинков, но вместе они были силой, с которой нужно было считаться. Миссии становились все сложнее. Если клинки не изменят своего подхода, они скоро будут разбиты.

Икко обсуждал план таким, какой он был. Коджи снова был рад, что Мари вняла его просьбе не возлагать на него ответственность. Пока он слушал, их командир приводил пункт за пунктом простые факты, которые Коджи мог бы забыть.

Коджи занял почетное место среди группы, с которой путешествовал. Он был признан лучшим мечом в группе и усердно тренировался, поэтому позицию не отняли. Всякий раз, когда составлялся план, он был в центре битвы и не желал другого места.

План Икко состоял в том, чтобы атаковать ночью склон. Это был несложный план, который Коджи ценил, но он беспокоился, что клинки начали пытаться делать больше, чем могли выдержать. Солдаты увидят их приближение. У них будут лучники и несколько укреплений. Кто знал, что еще там было?

Хуже, у Коджи и группы не было времени на проработку стратегии. Отряд преследования наступал им на пятки, и все полагали, что догонят их через день или два. Им нужно было нанести удар сейчас, иначе они рисковали оказаться загнанными в угол.

Коджи поведет основные силы по тропе, ведущей к вершине. Две другие небольшие группы попытаются ударить с фланга, но Коджи и его команда справятся с основной силой контрнаступления.

Было бы проще, если бы им разрешили убивать стражу. К сожалению, Мари была непреклонна в отношении этого. Если клинки ночи начнут убивать стражу, даже по уважительной причине, вся добрая воля, которую они упорно развивали, будет потеряна.

Пока еще смертей не было на обеих сторонах, но Коджи начал верить, что это была

удача, чем что-либо еще. Шансы противников продолжали расти, им придется либо убить, либо умереть в попытках завершить свои миссии.

Командир взглянул на своих воинов, его выражение лица приветствовало вопросы. Их не было.

— Хорошо, — сказал он. — Отдыхайте, сколько сможете. Мы скоро начнем атаку.

По обычаю, Коджи повел основные силы по склону. Изначально склад снабжения представлял собой набор из четырех укрепленных хижин. Они были в горных землях дома Кита, и камней было много. С ландшафтом и плотными стенами хижин припасы можно было защитить.

Коджи и его войска обнаружили это достаточно быстро. Как и предполагалось, их заметили задолго до того, как они добрались до хижин. Была поднята тревога, и стражи образовали прочный периметр, используя валуны, чтобы укрыться от стрел, которые не летели.

Но стрелы полетели от стражей. Коджи решил, что наверху было как минимум два отряда лучников, и он был достаточно близко, чтобы почувствовать, как они натягивали тетивы. Он присел на корточки под коротким круглым щитом, чувствуя удары, когда стрелы вонзались в его защиту.

Клинки ночи редко носили щиты, но после нескольких атак меры предосторожности были сочтены необходимыми. Хотя эта практика была неприятна многим, это была одна из причин, по которой ни один из клинков ночи Икко не был убит.

Они продвигались медленно, намного медленнее, чем хотелось Коджи. Дорога была заполнена катящимися камнями, и только тусклый свет луны указывал путь, клинки не могли двигаться слишком быстро. Они двигались на корточках, чтобы защитить себя, пока вокруг гремели стрелы, не ускоряло процесс.

Сложности только начинались. Наверху Коджи услышал звук, похожий на стон гиганта. Стон стих, а затем небольшая струйка камней превратилась в гулкое эхо. Ум Коджи, привыкший к звукам битвы, застыл, не в силах понять, что происходит. Неужели мир над ним раскололся?

Он поднял взгляд вовремя, увидел огромную тень, темнее ночи, несущуюся к нему. Не задумываясь, Коджи бросился в сторону, избегая тени и того зла, которое она представляла.

Позади него, в пространстве, которое он только что освободил, валун рухнул со склона холма, раздавив два клинка ночи позади него, и звуки их ломающихся костей эхом отозвались в ушах Коджи. Третий клинок, женщина, покатилась, как детская игрушка, когда валун ударил ее боком на пути с горы.

Снова стоны и треск. Коджи поднял глаза, чтобы увидеть, выросли ли над ним новые тени.

На мгновение он испугался вида.

Со своего положения на животе, упираясь подбородком в землю, он мог видеть над склоном холма только сверкающее множество звезд, каждая из которых мерцала жизнью на его глазах.

По обе стороны от него падали валуны. Клинки ночи были слишком медленными, чтобы среагировать; они не могли понять, что происходило. Они не могли чувствовать валуны, и одним блестящим ходом их главное преимущество было сведено на нет.

Коджи подумал, что он кричал, но не слышал собственного голоса.

Больше клинков, людей, с которыми он подружился и сражался на протяжении месяцев, внезапно исчезло.

Коджи попытался вспомнить, что он знал о вершине холма. Силы дома Кита не могли иметь там столько валунов. Прижиматься к земле было бесполезно. Клинки по-прежнему оставались мишенью для лучников, и защита из щитов была в полном беспорядке, пока они искали валуны.

Коджи поднялся на ноги и бросился вверх по тропе. Он был менее чем в ста шагах от вершины, но каждый шаг был мучительно медленным. Бег в гору после всего, что он пережил, отнимал у него почти все силы. Его ноги горели, когда он взошел на вершину и, уже уставший, бросился в бой.

Его ждало множество копий и мечей. Он чувствовал удары и раны, бросил щит, когда три копья пронзили его в одно мгновение. Проскользнув в самую маленькую щель, Коджи ударил своим деревянным мечом, нанося удары так быстро, как только мог. У него не было времени ничего делать, кроме как бить и укорачиваться, атаковать и уклоняться.

Он не обнаружил той ясности, которая у него была раньше, но он все еще оставался могущественной силой, в одиночку разбивающей строй солдат. Одно копье пронзило его левую руку сверху. Меч нежно задел внешнюю сторону его бедра, вызывая струйку горячей крови в прохладном вечернем воздухе. Он сбивал солдата за солдатом, но в бою в одиночку мог вот-вот получить удар, который остановит его сердце.

Два других клинка взошли на вершину, им помогло отвлечение, созданное Коджи. Он сразу же почувствовал, как давление на него ослабевает, когда стражи переключили свое внимание на другие угрозы.

Коджи был счастлив напомнить своим противникам, какую опасность он представлял. Теперь, когда у него была помощь, он давил еще больше, сеял столько неразберихи в рядах, сколько мог. Клинки понесли потери, но он был уверен, что сможет развернуть исход боя.

Еще больше клинков ночи забралось на холм. Постепенно ход битвы менялся.

Мнение Коджи снова изменилось, когда два его удара были легко отражены в бою. Он повернулся, ожидая увидеть опытного мечника.

Он не ожидал столкнуться с клинком ночи с холодным оружием в руке.

Лицо женщины казалось знакомым, будто из полузабытых моментов. Почему он узнал ее?

Ее меч мерцал в лунном свете, и его чувство загорелось возможностями. Вдруг он вспомнил. Не ее имя, а то место, где он встречался с ней раньше.

Она была мастером, когда он был учеником. Он наблюдал за ее дуэлью до того, как ему разрешили сделать то же самое. Она была умелой.

Его воспоминания были точными. Ее меч сверкал вокруг него, проверяя его защиту, заставляя уступить больше, чем он хотел. Еще больше, и она заставит его оказаться на склоне холма, откуда она его столкнет.

Она билась не деревянным мечом.

Коджи получил небольшую отсрочку, когда в бой ворвался другой клинок, один из напарников Коджи. Эта дуэль закончилась за два хода, длинная красная линия пересекла грудь спасителя Коджи. Но жертва дала Коджи шанс сориентироваться в хаосе.

Когда она снова напала, он был готов. Он переместился, ощутив ее атаки, его меч метался каждый раз, когда он чувствовал, что у него был шанс поразить ее. Он хотел обнажить настоящий меч. Битва уже была несправедливой. Она ждала наверху, пока валуны

убивали друзей Коджи.

Однако пока Мари была жива, он слушался ее. Как бы он ни хотел вытащить и сопоставлять сталь со сталью, он не стал этого делать. Он ее не разочарует.

Его ноги и разум были утомлены, а она была почти такой же быстрой, как все, кого он когда-либо встречал. Свежий, возможно, он был быстрее, но он не был энергичным уже какое-то время.

Нога Коджи скользнула, и он упал, меч противника был вокруг него. У него не было времени подумать. Он просто перекатился, врезался в кого-то и сбил на колени.

Весь его мир стал сплетением рук, ног и стали. Он почувствовал, как что-то пронзило его живот, но, к счастью, не глубоко. Коджи каким-то образом поднялся на ноги, столкнувшись лицом к лицу с нападающим.

Ее удар был быстрым, и реальность Коджи изменилась. Он чувствовал ее атаку, видел, как ее вес сдвигался для нанесения удара, который, по ее мнению, был фатальным. Перед его глазами развернулись все действия и реакции, и он точно знал, где ему нужно быть.

Его ответ не был идеальным. Ее атака глубоко вонзилась ему в живот, бок уже был ранен предыдущей атакой. Коджи оказался внутри ее защиты, его меч резко развернулся и врезался в ее череп. Она начала реагировать, отступать, но его удар все равно повалил ее на землю без сознания.

Измученный и окровавленный, Коджи продолжал брести вперед. На несколько мгновений его клинки потеряли скорость. Должно быть, произошло нечто большее, но Коджи не следил за боем в разгар своей борьбы за выживание. Битва снова кипела. Он ударил последнего нападавшего, когда его группа, наконец, захватила вершину холма.

Безусловно, это была их самая кровавая встреча. Коджи не был уверен, но предположил, что, по крайней мере, треть клинков не пережила миссию. Некоторые могли быть ранеными внизу, но выжить. Коджи надеялся, что так и было.

Он упал на землю и закрыл глаза, чтобы отдохнуть, окровавленный, но победивший.

После того, как клинки дня исцелили его, Коджи обратил внимание на клинка ночи, которая чуть не убила его. Она была стройной, но определенно сильной. Она была старше его примерно на двадцать лет.

Коджи забрал ее оружие и стал ждать, пока она очнется. Когда он устал ждать, он облил ее лицо водой. Она зашипела и села, озираясь перед тем, как начать действовать.

Ее глаза остановились на его.

— Ты не убил меня.

— Мы пытаемся избежать кровопролития.

Заявление Коджи было наполнено смыслом. Они захватили холм, не убив ни одного солдата. Клинок ночи, напавшая на Коджи, держал под крылом более молодого клинка, и даже юноша не был убит. Но Коджи и клинки, с которыми он путешествовал, потеряли нескольких друзей. Пока они были уверены в восьми, но их число возрастет, как только солнце взойдет.

К ее чести, клинок ночи не спорила с ним о морали. Она слегка сдвинулась, и меч Коджи прижался к ее горлу быстрее, чем она могла пошевелиться. Он больше не был ранен, и, хотя он был истощен, он все еще был быстрым.

Коджи решил никоим образом не связывать клинок, доверившись собственному чувству и скорости. Он был уверен, что без оружия она ничего не сможет сделать против него. Он

проявил свою точку зрения. Ее тело расслабилось.

— Что ты будешь со мной делать? — спросила она.

— Ничего такого.

Она вопросительно приподняла бровь, явно не доверяя его ответу. Ее вера или неверие не сильно его беспокоили.

— Как только мы закончим загрузку всех припасов, мы уйдем. Если ты хочешь быстрее уйти, полагаю, я могу сопроводить тебя отсюда и вернуть тебе оружие, когда поверю, что ты никому из нас не причинишь вреда. Для меня это не имеет значения.

Она настороженно смотрела на него.

— Не боишься, что я расскажу о том, что здесь произошло? Что я приведу их к вам?

Он пожал плечами, бороться уже надоело.

— Есть отряд, которому поручено охотиться на нас в дне езды за нами. К сожалению, я не могу дать лошадь, но ты можешь присоединиться к ним, если хочешь. Они какое-то время следят за нами, и, надеюсь, ты сможешь найти их достаточно легко.

Хотя она, казалось, не поверила его ответу, клинок больше не бросала ему вызов. Она не могла оказать никакой помощи отряду, пока битва не была неизбежна, а группа клинков, с которой он был, делала все, чтобы избежать дальнейшего конфликта.

У Коджи был к ней один вопрос:

— Как ты могла это сделать?

— Что сделать? Продумать оборону холма?

Он посмотрел на женщину со свежей злостью в глазах. Его разум закипел, когда он понял правду. Она рассказала солдатам дома Кита, как защищать склад, как сделать так, чтобы захватить цель было наиболее тяжело. Если кто и был виноват в смерти его друзей, так это она.

Его голос, холодный и жесткий, не дрогнул:

— Нет. Предать свой народ. Предай Королевство.

Клинок ночи взглянула на него, а затем даже усмехнулась.

— Ты веришь в это, да?

Он был слишком зол, чтобы растеряться.

— Открой глаза. Королевства больше нет. Есть три дома, и все. А клинки? Кроме Леди в Белом, они ничего не делают. Прячутся за стенами Звездопада, Хаджими надеется, что, если они залягут на дно надолго, все притихнет, и мир вернется в нормальное русло. Но этот шанс давно утерян. Его не стало в тот момент, когда умер Шин.

Коджи почувствовал, как старое знакомое чувство стыда собралось в животе. Он не принял заявление женщины, но это она глубоко его задела.

— Я родилась и выросла на землях дома Кита. Его генерал, Кё, предложил мне место с землей и слугами. Как я могла отказаться? Лучше жить и процветать, чем страдать и умереть.

Коджи в чем-то понимал слова клинка ночи. От каждой части его тошнило, но он понимал.

Он не хотел больше говорить об этом. Он встал с отвращением во взгляде.

— Если хочешь уйти, дай знать. Но иначе не двигайся. Я убью тебя без колебаний.

Она увидела его взгляд и не задавала вопросы. Она словно сжалась, а Коджи пошел прочь, желая отвлечься от опозоренной женщины.

Если борьба была худшей частью его миссии, то доставка еды и припасов, которые они освободили, была любимой частью Коджи. Они гордо въехали в город, черные мантии развевались на ветру прекрасного весеннего дня.

Они были в пути так долго, что казалось, что все деревни были одинаковыми. У этого, конечно, была своя изюминка, но все же она была так похожа на все остальные. Дома нуждались в ремонте, здоровые и крепкие мужчины ушли в армию и давно не приезжали. Коджи смотрел на все: крыши с отсутствующей черепицей, сломанные или кривые опорные балки, трещины в досках. Большинство домов начинали свою жизнь как нарядные, и суровая зима и сильные снегопады не пошли им на пользу.

Когда клинки вошли, их встретили женщины, дети и старейшины деревни. Все были слишком худыми, без жира. Кожа да кости. Деревня, как и многие до них, умирала.

Коджи был благодарен, что ему не нужно было указывать путь или разговаривать со старейшинами деревни. Он родился воином, и дружелюбие к тем, кто когда-то желал его смерти, не было естественным.

Он знал, что, если бы не Мари, на них по-прежнему охотились бы из-за того, что они носили черные мантии. У них на хвосте могла быть лучшая часть армии, но благодаря ей никто не пытался их предать или сдать. Эти люди, казалось, были благодарны за то, что клинки был здесь.

Ясное дело. Коджи и его группа несли достаточно еды, чтобы жителям хватило на месяц. Они надеялись, что этого хватит, чтобы продержаться до тех пор, пока не будет собран ранний урожай. Тем не менее, по их обычаю, клинки планировали оставить все.

После того, как Икко сказал пару слов деревенскому старейшине, он подал всем знак спешиться и начать разгрузку еды.

Коджи спешил со всеми остальными, желая побыть вне седла. Одной из проблем было то, что седло натирало. И он был уверен, что скоро будет двигаться на согнутых ногах.

Жители деревни начали собираться вокруг, эмоции были видны на их лицах. Хотя Коджи снова и снова видел эту сцену, он все равно был взволнован. Этих людей лорды оставили умирать. Этих людей должны были защищать, но они пострадали от унижения со стороны солдат. Коджи постоянно испытывал отвращение.

Одна старушка заплакала и сказала им, что впервые за два месяца хорошо поела. Молодая женщина, явно беременная, склонила голову до земли, не вставая, пока Коджи осторожно не поднял ее. Дети ценили каждое рисовое зернышко, что было огромным отходом от естественного желания играть с едой.

Коджи расслабился, глубоко дыша и просто наблюдая. Он даже почти мог поверить, что сделал правильный выбор, став клинком ночи. Это он представлял. Он наслаждался смехом детей и оживленными голосами взрослых, разговаривающих друг с другом.

К нему подошла другая женщина. Она была привлекательна, и Коджи снова напомнил, что не был ни с кем уже много месяцев. Она предложила ему чашку сакэ, которую он с благодарностью принял.

Алкоголь согрел его тело даже больше, чем весеннее солнце. Он завязал легкий разговор с женщиной, которая оказалась замужней. Ее мужа призвали на войну, и она была вынуждена сама заниматься фермой. Она призналась, что думала, что умрет от голода.

Незадолго до того, как Коджи впал в состояние блаженства и расслабления, он уловил небольшое беспокойство. Его настроение сразу изменилось. В каждой деревне попадался такой представитель. Почему?

Этот смотрел пристально на него. Хоть он не шел по прямой, житель пробирался к Коджи. Клинок ночи открыл глаза. Как он и подозревал, это был юноша двадцати лет. Всегда были те, кто становился жертвами пропаганды, кто воображал себя героями за убийство клинка ночи. Когда Коджи был в хорошем настроении, он мог понять. В конце концов, в детстве он тоже хотел стать героем.

Но сегодня Коджи не хотел их понимать. Не после жертвы, какой стала эта деревня и этот парень. Больше никто этого не заметил. Клинки ночи, как и Коджи, расслабились и не подозревали об опасности в своей среде. Коджи почувствовал намерение, юноша прятал руку за спиной.

Последние пять шагов юноша преодолел бегом. Коджи лениво открыл глаза, схватил юношу за запястье, в руке был длинный и зловещий на вид нож. Он повернул. Он был близок к тому, чтобы сломать руку юноши, но остановился прямо перед этим.

Женщина, сидящая рядом с Коджи, упала со скамейки, удивившись нападению.

Юноша закричал, не осознавая глупости своих аргументов:

— Отпусти меня! Вы все заслуживаете смерти за убийство короля!

Коджи не кричал в ответ, а продолжал давить на запястье юноши, прижимая его к земле.

— Мои друзья умерли, чтобы принести тебе эту еду, мальчик.

На мгновение воцарилось напряжение. Юноша, каким бы злым и бредящим он ни был, не слушал разума, а Коджи нуждался в мишени для вымещения разочарования и утраты.

Клинок взял себя в руки первым, отпустил юношу. Нехорошо было отчитывать его. Он был просто еще одним примером гораздо более серьезной болезни.

Юноша поднялся на ноги, его глаза кинжалами смотрели в глаза Коджи.

— Я убью вас всех.

С этими словами он убежал, но не очень далеко. Коджи все еще чувствовал присутствие юноши, но остановился в нескольких домах дальше.

Он повернулся и помог женщине встать. Ей было стыдно, и она выглядела так, будто собиралась отвернуться.

Коджи хотел поговорить, успокоить ее.

— Все хорошо. Он скрывал, что собирался сделать, до последнего. Я сам почти удивился.

Женщина не знала, что сказать.

— Вы не такие, как я ожидала, — сказала она.

Коджи понимал. Он такое уже слышал, но женщина продолжила:

— Вы все такие... люди.

Глава 20

Аса всегда считала себя много путешествующей. Как клинок ночи, она пересекала Королевство много раз, и хотя, безусловно, были места, где она бывала гораздо чаще других, она была склонна думать, что редкое не испытала.

Но она еще ни разу не видела пехоту в движении в военное время. Ей приходилось сталкиваться с лагерями, когда в Королевстве царил мир, и, хотя зрелище было впечатляющим, оно бледнело по сравнению с армией в движении с мыслями о битве.

Повсюду стояли палатки, и люди патрулировали в три раза чаще, чем обычно. Сначала Аса подумала, что, возможно, они с Мари смогут войти в лагерь в качестве последователей, но теперь это казалось маловероятным. Даже если они попадут внутрь, они привлекут к себе

внимание всех видов, и они не продвинутся далеко.

В лагере кипела жизнь, и Аса не знала, как им туда попасть. Благодаря Мари у них была синяя форма армии дома Кита, но им нужна была не просто форма. Патруль было легко предсказать, но солдат было так много, что одна-единственная ошибка вряд ли позволила бы женщинам попасть в лагерь.

Даже с обучением Дайсуке пробраться в сердце лагеря было бы непросто. Этот вызов был той самой причиной, по которой они оставили Такахиро, несмотря на его яростные возражения.

Страж Мари утверждал, что разыскивалась Леди в Белом, а не Мари. Она все еще могла безопасно войти в лагерь и подойти к Хиروми.

Мари спорила. Ее брат пытался убить ее. Если она придет публично, он окружит себя встречами и охраной, а ей назначит телохранителя, не для защиты, а для ограничения ее передвижения.

Им придется полагаться на комбинацию хитрости и обмана, чтобы добраться до Хироми, и надеяться, что этого будет достаточно. В конце концов, Такахиро согласился, но потом настоял на том, чтобы сопровождать их.

Аса не поддавалась. Провести их двоих внутрь было достаточно сложной задачей. Она бы не стала пробовать с тремя.

Ругаясь, Такахиро сдался, ему пришлось остаться с отрядом, с которым прибыла Мари.

Аса не раз сомневалась в решении помочь леди. Она могла жить сама по себе, мирно выживая, охотясь в лесу. Какое глупое чувство долга привело ее к этому? Воспоминания о Киоши, Дайсуке, Дайки и Аяно были всем, что связывало ее с этой идеей служения делу.

Несмотря на свои сомнения, она осталась. Это был путь, по которому она решила идти. Она не могла уйти, пока хотя бы не предприняла попытку.

Они вдвоём спрятались в скалах с видом на лагерь. Одна часть их задачи была облегчена: рейды Мари с припасами вынудили лагерь оставаться на одном месте в течение нескольких дней. Женщины проделали путь быстрее, чем предполагала Аса. Решимость Мари тоже сыграла роль. Всякий раз, когда Аса думала, что нужно остановиться на день, леди давила сильнее.

Мари разглядывала Асу, изучающую лагерь, с ухмылкой на лице.

— Я думала, ты сказала, что можешь это сделать.

— Я думала, ты сказала, что у нас нет выбора, — парировала Аса.

Мари печально покачала головой.

— На самом деле, нет. Шанса лучше у нас может быть.

Аса чуть было не сказала ей, что этого мало, но она уже знала это. Не было смысла утверждать то, что было ослепительно очевидным.

Солнце начало садиться, но Асе все еще требовалось время, прежде чем она осмелится проникнуть в лагерь. Они спрятались в укрытии и достали еду. Аса проглотила свою порцию, голодная после очередного дня в пути. Дисциплина Мари была лучше.

— Аса, не знаю, хватало ли мне смелости спросить раньше, но что побудило тебя присоединиться к моему делу?

Аса пыталась найти ответ, в котором не была уверена:

— Ты защищаешь людей.

Мари была удовлетворена.

— Да, но я хочу знать, почему ты это делаешь? Что тобой движет? Почему ты готова

рискнуть своей жизнью, чтобы пойти со мной в этот лагерь?

Вдруг Аса решила рассказать ей сокращенную историю своей жизни.

— Когда я была моложе, я была одержима мстью. Мой отец был убит клинком ночи, и я провела большую часть сознательной жизни, выслеживая его. Именно поэтому я вообще тренировалась. Мне удалось, но мсть... — она искала правильные слова и потерпела неудачу. — Мсть не принесла мне покоя и не исправила никаких ошибок. Я стала сомневаться в себе и своем поступке. С тех пор я не чувствовала себя комфортно. Странно, но я чувствую, что мне нужно завершить работу человека, которого я убила.

Голос Асы стих, ее мысли блуждали по отрывкам памяти.

Чуть позже она продолжила.

— Проще говоря, я думаю, что служба тебе — это близко к тому, что я должна делать сейчас. К сожалению, у меня нет хорошего ответа.

Мари улыбнулась.

— Ты не одинока. Я думаю, что никто толком не понимает смысла жизни. Мы все притворяемся. Мы строим планы и обсуждаем свои убеждения, будто нашли ответ, но я думаю, что большинство лишь догадывается. Я возглавляю отряд клинков ночи, но я не настолько уверена, как должна быть.

От большинства людей такое признание в слабости обеспокоило бы Асу. Но не от Мари. Она говорила серьезно, не ища сочувствия, а констатируя факт. Не в первый раз Аса пожелала, чтобы Мари стала новым правителем Королевства.

Когда солнце село, две женщины прижались друг к другу. Весенние ночи, особенно в горах, становились холодными, и совместное пребывание согревало их, пока не пришло время идти.

Они обе по очереди дремали. Аса не хотела уходить до глубокой ночи, так что у них было время. Аса заснула первой, а Мари разбудила ее, когда луна висела высоко в небе. Мари спала, пока Аса не подумала, что время пришло.

Она разбудила Мари.

— Пора идти.

Первая часть пути была достаточно простой. Они спустились по темному склону горы, Мари шла впереди. Асе было немного стыдно, но Мари была более опытной в горах, она шагала там лучше клинка.

Оттуда они прошли к окраине лагеря. Земля была неровной и пересеченной, недалеко от конца одного из множества горных хребтов на земле Мари. Это давало им преимущество при приближении, но вскоре они уже не могли подкрасться.

Аса решила, что лучше всего был простой подход. Пробраться в лагерь было невозможно, поэтому они были вынуждены войти. Они подошли так близко, как только осмелились, к периметру и спрятались в высокой траве. Аса дождалась смены караула.

Несколько групп стражей собрались в одном месте, слушали команды офицера отряда. Аса воспользовалась чувством, убедилась, что никто не смотрел в их сторону, и встала вместе с Мари, просто присоединилась к группе. Когда группа разделилась, Мари и Аса последовали за стражами в лагерь. Как только они смогли, они отделились от этой группы, оказавшись в лагере.

Аса остановилась и глубоко вдохнула. Ее сердце колотилось. Она не могла победить целую армию. Даже Коджи не был так хорош.

Вскоре они были готовы идти. Отсюда миссия была более простой. Палатки Хироми находились недалеко от центра лагеря, поэтому им нужно было идти в том направлении. Поначалу это не было проблемой. По внешним краям лагеря они могли свободно ходить без допроса. Но чем ближе они подходили к Хироми, тем больше было стражи.

Аса решила, что проще было идти прямо, и они устремились прямо в центр лагеря. В капюшонах и в униформе их никто не расспрашивал, как и ожидала Аса.

Но через несколько сотен шагов она свернула с главной дороги и пошла за палатки. Она решила, что они начали подходить достаточно близко, где их могли остановить.

Она вспомнила деревню с Дайсуке. Это была та же задача, только с куда более высокими ставками. Обернувшись, она велела Мари замолчать и идти за ней, что бы она ни делала. Она успокоила дыхание, сосредоточилась на чувстве и начала двигаться.

Задача была достаточно простой. В это время ночью никто не ходил между палатками, поэтому большая часть внимания Асы была потрачена на то, чтобы убедиться, что две женщины не шумели. Один раз им пришлось остановиться на пару мгновений, когда солдат вышел за свою палатку облегчиться.

После того, как часть палаток была пройдена, они столкнулись с настоящим испытанием. Оставалось еще несколько рядов палаток, и, несмотря на поздний час, местность кишела людьми. Мари наклонилась и тихо прошептала Асе на ухо.

— Он может все еще бодрствовать со своими генералами. По крайней мере, он преданный командир.

Аса надеялась, что она была не права. Мари нужно было поговорить с Хироми наедине, если Аса правильно поняла. Если они придут в палатку, а генерал все еще будет там, все их дело рухнет.

Но сначала им нужно было туда добраться. Аса расширила чувство и выслеживала людей, а не искала дыры. Одним из первых уроков Дайсуке для нее было отключение рассудка при попытке использовать скрытность. Сознательное стремление предсказать закономерности всегда плохо срабатывало. Лучше доверять интуиции и инстинктам.

Это они и сделали. Аса не столько искала брешь, сколько ждала ее появления. В конце концов, это произошло, и они двинулись быстро, Мари оставалась менее чем на шаг позади Асы.

Брешь сдвигалась, но теперь Аса была в своей стихии. Она остановилась и толкнула Мари за палатку, когда на них посмотрел страж. Она проползла за другим охранником, пока он разговаривал с товарищем. В какой-то момент она вытащила нож и прорезала дырочку в нижней части пустой палатки, пропустила Мари внутрь первой.

Все это время Мари не жаловалась, что Асу впечатляло, учитывая, что она имела полное право пройти тут посреди дня. Она просто следовала за ней, доверяя примеру Асы. Пока что она была невероятно благодарна Мари за внимательность.

Они достигли конца ряда палаток, осталось только пустое пространство между ними и палаткой Хироми. Аса воспользовалась чувством, чтобы обыскать местность, но, по крайней мере, на данный момент они были в безопасности.

Но Хироми был не один в своей палатке. Там был еще один мужчина.

Первоначально Аса планировала пройти через вход палатки. Этот план был разрушен присутствием двух неподвижных часовых. Аса могла бы справиться с ними быстро, если было нужно, но она не знала, что делать с телами без сознания. Если она оставит тела вне палатки, они будут обнаружены в кратчайшие сроки, но если она притащит стражей без

сознания в палатку, их отсутствие будет замечено так же быстро.

Но здесь было не так много патрулирующих. Аса не знала, почему. Может, они думали, что их периметр безопасен? Двое злоумышленников могли просто пройти к неохраняемой стороне палатки и прорваться внутрь. Аса снова изучила окружающую обстановку, чтобы никто не заметил их.

Они поползли на четвереньках, двигаясь как можно быстрее. Они замерли в тени палатки Хироми. Аса вытащила нож и медленно принялась за работу, прорезая отверстие в ткани, ее действия были такими же бесшумными, как ночь.

Каждый момент был мучительным, так как Аса боялась, что кто-нибудь подойдет. Так как они были скрыты только тенью, их заметил бы даже полусонный стражник.

Наконец, отверстие стало достаточно большим, и Аса держала его открытым, пока Мари бесшумно ползла внутрь. На мгновение Аса подумала, для разговора с младшим братом они потратили ужасно много сил.

Аса последовала за Мари и оказалась в центре жаркого спора между Хироми и пожилым человеком, который, должно быть, был одним из генералов лорда.

— Милорд, — говорил пожилой мужчина с отчаянием в голосе, — я согласен со всем, что вы говорите, но это просто невозможно! У нас нет сил, необходимых для достижения каждой цели. Если мы собираемся продолжать войну, нам нужно определиться с нашими целями и быть готовыми рискнуть отдыхом.

Две женщины нашли темный угол палатки, и двое мужчин, поглощенные спором, понятия не имели, что их слышали. Аса была готова встать и представиться мечом, но Мари удержала ее.

Хироми ходил по палатке, и Асе показалось, что она смотрела на ребенка-переростка, угрюмого и вспыльчивого. Это был тот лорд, которому Мари предпочла довериться? Даже с первого взгляда Аса могла сказать, что Мари была вдвое лучше этого дурака.

Он вернулся к столу в центре палатки, освещенному одной из немногих свечей. Он ткнул пальцем в карту.

— Давайте посмотрим на это по отдельности. Вы говорите, что если я приложу еще какие-то силы для преследования сестры, один из наших фронтов гарантированно рухнет?

Командир согласился.

— Силы и так растянуты слишком тонко. Даже если вы прекратите преследование своей сестры и направите все свои войска на один фронт, все равно останется только один сильный фронт. Другой будет слабее, чем мне хотелось бы.

Указательный палец Хироми превратился в кулак, который снова врезался в стол.

— Генерал Кё, вы все время говорите мне, что вам нужно больше людей, но где их достать? Насколько я понимаю, мы уже наняли всех трудоспособных мужчин в стране.

Кё кашлянул.

— Как мы уже обсуждали, милорд, вы можете увеличить круг людей, которые будут наняты. Мальчики, которые хотят служить, и даже мужчины постарше, у которых еще есть верность вашему дому. На ваш зов ответят.

Мари повернулась к Асе и показала, что ее время пришло. Она встала и прошла к свету.

Кё отреагировал незамедлительно, и Асе пришлось проявить к старому генералу некоторое уважение. Его меч выходил из ножен, но Аса почувствовала движение еще до того, как оно началось. Она вылетела из своего укрытия, опустила руку на рукоять его оружия и опустила меч в ножны. Аса подняла колени со всей силой, которую она могла

вызвать, и вонзила его между ног Кё, он рухнул кучей на пол.

Мари говорила тихо, но ее голос наполнил палатку приятным чувством власти.

— Возможно, младший брат, я смогу помочь тебе с твоей проблемой.

Аса заняла позицию у входа в палатку, рядом с Кё. Генерал, в конце концов, поднялся на ноги, опасаясь клинка и ее скорости. К счастью, они не шумели, не привлекли внимание стражи снаружи. Но позиция Асы была ясна. Если он издаст хоть какой-то писк, он умрет первым.

Кё по-прежнему выглядел так, как будто его вот-вот стошнит, что понравилось Асе. Если он был занят своей тошнотой, он не думал о том, как сделать ее жизнь несчастной.

Хироми и Мари стояли рядом, не совсем нос к носу, но слишком близко для случайного разговора. Они говорили шепотом, но Аса все еще отчетливо их слышала. Она подумала о том, чтобы предупредить Мари, чтобы она говорила тише, но брат и сестра находились в мире, который Аса не могла нарушить. Поэтому она стояла на страже и надеялась на лучшее.

Мари ткнула пальцем в грудь Хироми, сильно надавливая. Она была немного выше брата и определенно обладала силой тут. В конце концов, она пришла с клинком ночи.

— Ты пытался меня убить! — закричала она шепотом.

Хироми отступил, и Аса чуть не рассмеялась, глядя, как одного из самых могущественных людей в Королевстве запугала старшая сестра. Он выглядел так, будто хотел сбежать, но Аса заблокировала вход.

— Ты объединилась с клинками, — его ответ был взволнованным и неуверенным, будто он не осознавал раньше масштаб своего приказа.

— И? — голос Мари был яростным, и если бы слова могли ранить, Хироми истекал бы кровью на полу.

Наконец, Хироми нашел часть позвоночника и выпрямился. Аса заметила это, и, судя по глазам Мари, она тоже заметила.

— И! Как ты вообще можешь так говорить? Ты уже забыла, что нашего брата убили клинки?

Поза Мари изменилась, и хотя Аса чувствовала, что вот-вот должно произойти, она все еще с недоверием наблюдала, как Мари схватила брата за одежду, подняла его ноги и швырнула на землю. Аса понятия не имела, что Мари знала что-нибудь о защите или сражении.

Лорд лежал на полу и смотрел на Мари с потрясенным лицом.

— Вырасти! Ты теперь лорд этого дома, и ты не можешь принимать решения, основываясь на личной мести. Ты бы смотрел, как сгорает все Королевство, лишь бы отомстить за смерть Джуро?

То, что сказала Мари, было именно тем, что Хироми нужно было услышать. Он перестал бороться, обмяк на спине, делая глубокие судорожные вдохи. Его сестра упала на колени рядом с ним.

— Мне очень жаль, но я скучаю по Джуро каждое утро, когда просыпаюсь. Если я когда-нибудь найду клинка, убившего его, я убью и его. Но только так. Королевство должно быть на первом месте. Ты не видел, как люди страдают.

В палатке стало тихо, когда брат и сестра смирились со своими эмоциями. Аса взглянула на Кё и увидела каменный гнев на лице мужчины. Она нахмурилась. Он был частью другой стихии, другой перспективы, которую она не видела. Но затем ее внимание

было отвлечено, Мари помогла Хироми подняться.

Мари подошла к столу, за которым ее брат и Кё обсуждали стратегию. На карте стояли фигурки и символы, представляющие все, от численности отряда до преданности, но Аса не обратила на это особого внимания.

Мари нахмурилась, глядя на карту. Она указала на фигурки.

— Это правда? Почему они там?

Хироми кивнул.

— Они идут на Звездопад.

Аса думала, что Мари собиралась снова бросить брата на землю.

— Хироми, как ты мог?

В замешательстве Аса шагнула вперед, чтобы прочесть надписи на фигурках. За ее спиной генерал немедленно встал и начал вытаскивать меч.

Однако Аса не позволила чувству отвлечься от него. Она двигалась быстрее, и, не глядя, прижала меч к его шее, заставила его снова упасть на колени. Большая часть ее внимания была обращена на карту перед ней. Она поняла, почему Мари была так зла.

Каташи вторгся в земли дома Кита, направлялся к Звездопаду. Войск Хироми нигде не было.

— Брат, ты глупее, чем я думала. Ты впустил войска врага на землю нашего дома!

— Да! Ты не видишь гениальность плана? Мы с Кё придумали его вместе. Каташи нападет на Звездопад, город, полный клинков. Они уничтожат друг друга, и мы сможем разобраться с оставшимися. Тогда мои войска получают преимущество, и Королевство будет моим.

Глаза Мари были огромными.

— Ты себя слышишь? Почему ты доверяешь Каташи? Ты даже не оставил солдат между ним и Стоункипом. А если он пойдет на наш дом?

По взгляду Хироми стало ясно, что он даже не думал об этом. Кё заерзал за спиной Асы, и она пристально посмотрела на него. Генерал знал больше, но молчал. О чем он думал?

Защита Хироми была слабой:

— Каташи не посмеет. Он лорд, и если он поступит так глупо, мне хватит этого оправдания, чтобы заставить Исаму вступить в союз с нами.

Аса никогда не видела, чтобы Мари закатывала глаза, но теперь она это сделала, будто думала, что само небо могло дать ответы на вопросы ее брата.

— Подумай, Хироми! Если Каташи находится в выгодном положении против дома Кита, зачем Исаму вступать в союз с нами? Когда вы хотите победить, вы вступаете в союз с самой опасной силой, а не с самой слабой.

Хироми выглядел ошеломленно. Аса мало знала о стратегии и еще меньше о политике, но слова Мари были правдой. Как Хироми так заблуждался?

— Ну, тогда что ты предлагаешь, сестра? — тон Хироми все еще был вызывающим, но, по крайней мере, он задавал вопрос.

— То же, что я всегда предлагала. Нам нужно объединиться со Звездопадом. Они готовы работать с тобой. Нужно только поддержать их.

— Нет! Я не собираюсь вступать в союз с людьми, убившими моего брата! — голос Хироми был раздраженным и слабым.

Мари впиалась взглядом в брата, в его лицо.

— У тебя есть силы, чтобы выиграть эту войну в одиночку?

Кё заговорил:

— Есть, милорд. Мы говорили об этом.

Мари не переместила взгляд.

— Посмотри на карту и скажи мне правду.

Генерал собирался снова заговорить, но Аса прижала меч к его горлу. Она видела нерешительность на лице Хироми. Возможно, лорд получил плохой совет. Возможно, он стал жертвой своего гнева из-за смерти брата. Но он не был дураком. На мгновение Аса увидела, каким лидером мог быть Хироми, когда он смотрел в глаза фактам.

Это был момент, к которому вела кампания Мари. Поступит ли ее брат разумно?

В палатке было тихо, но Аса думала, что могла резать напряжение в комнате мечом.

Ответ Хироми был на удивление сильным.

— Нет.

Мари не злорадствовала, но ее голос превратился из стального в шелковый:

— Я знаю, что ты думаешь о том, кто убил нашего брата. Когда этот хаос пройдет, мы найдем этот клинок и накажем. Но я хочу видеть тебя королем, брат, а это значит, что нам нужно выиграть эту войну. Единственный способ добиться этого — объединиться с клинками.

Хироми все еще выглядел так, будто его это не убедило, но Мари знала, что сказать:

— Брат, помни, если ты станешь королем, ты сам решишь, как жить клинкам. Ты создашь законы, которые будут ими управлять. Убедись, что то, что случилось с Джуро, больше никогда не повторится. Но сначала нужно стать королем.

Аса не знала, какая часть аргументов Мари убедила Хироми, но она увидела, как его лицо изменилось. Асу мутило. Хоть она была рада, что они нашли союзника, человек, чьим мнением можно было так легко манипулировать, представлял опасность.

— Ты права, сестра.

Мари подошла к карте и просмотрела на нее.

— Сможем ли мы добраться до Звздопада раньше Каташи?

Хироми взглянул на Кё, и Аса поняла, насколько мало лорд знал о своих войсках.

— Я так не думаю, милорд, — ответил генерал.

Аса взглянула на карту. Силы казались почти равноудаленными. У Каташи не было причин торопить свои войска.

— Почему нет? Если вы поторопитесь и будете ехать без перерывов, все должно получиться.

Хироми кивал, глядя на карту.

— Да, мы почти на таком же расстоянии. Если поспешим, может... — он утих, ждал, что Кё подтвердит его не до конца сформированную мысль.

Генерал встал и прошел к карте, глядя с ненавистью на Асу. Некоторое время он изучал карту и, казалось, думал о проблеме. Асе казалось, что он пытался что-то скрыть.

— Возможно, я ошибся, — признал он. — Мы не так уж далеко от Звздопада. Клинок ночи права. Если мы подготовимся и уйдем с первыми лучами солнца, очень поспешно, мы, вероятно, сможем победить Каташи там. Но войска будут измотаны и не в состоянии сражаться.

Мари не выглядела обеспокоенной.

— Это не проблема. Создание союза с Хаджими не займет много времени. Основа уже заложена. Затем, с клинками за спиной, мы сможем заключить мир с Каташи. Исаму

последует его примеру. В этой войне больше не будет необходимости, — в ее голосе было почти физическое облегчение.

Аса обдумала заявление. План был ничем не хуже других, если нужно было избежать войны. Было много причин, по которым все могло пойти не так, но если большинство деталей состыкуется, Мари получит мир.

К сожалению, мнение Асы не имело никакого значения. Именно Хироми по-прежнему держал судьбу Королевства в своих руках.

— Я согласен, — сказал он.

Мари обняла его. Аса усмехнулась, когда он сначала вздрогнул от страха.

Он оглядел всех за столом.

— Давайте закончим эту войну.

Солнце еще не взошло, но время, прошедшее с их встречи с Хироми, было полным дел. Мари попросила бумагу и чернила и занялась составлением писем. Аса пока что прикрыла глаза. Она не осмеливалась спать, когда вокруг них происходило столько всего, но все же могла отдохнуть.

Впервые за много месяцев Аса почувствовала, что у земли есть шанс. Может быть, они могли оставить все позади, и Королевство могло вернуться к нормальной жизни. Она ненавидела надеяться и разочаровываться, но рядом с Мари было трудно не надеяться.

Она открыла глаза, когда Мари встала и потянулась. Женщина поманила Асу за собой, и она пошла. Вместе они покинули лагерь, на этот раз открыто. Многие солдаты узнавали Мари и почтительно кланялись. Аса задавалась вопросом, как бы они поступили, если бы узнали, что их любимая леди была и Леди в Белом.

Аса предположила, что Мари хотела быть вне зоны слышимости, и оказалась права. Убедившись, что они одни, Мари повернулась и протянула Асе стопку писем. Клинок ночи в замешательстве уставилась на них в ее руках.

— Твоя следующая миссия.

Аса нахмурилась.

— Надеюсь, это сработает, — объяснила она, показывая на лагерь и своего брата, — но я не могу рисковать всем сразу. В этих письмах всем приказано двигаться вперед. Самое длинное — для Джуна, который, я полагаю, займет мое место, если со мной что-нибудь случится. Я объяснила все, что могла, дала свои советы для возможных сценариев, но все вы должны исправить это разрушенное Королевство, если я потерплю неудачу.

Асе не понравилось, как Мари говорила, как будто она не ожидала успеха.

Мари, казалось, читала ее мысли.

— Не волнуйся. Я сделаю все, что в моих силах.

— Я должна идти с тобой.

Мари покачала головой.

— Нет. Слишком большой риск. Мы не можем путешествовать с клинком ночи, как бы мне ни хотелось. Двигаясь вперед, мы должны прекратить обман. Я больше не буду Леди в Белом, а ты больше не будешь моим слугой, — она взглянула на новую форму Асы, принесенную за ночь по приказу Мари, чтобы служить оправданием присутствию клинка, и улыбнулась.

Аса хотела успокоить, но это было не в ее характере. Перед Мари стояли серьезные проблемы.

— У тебя все получится.

— Я надеюсь, что это так. Но я волнуюсь. Когда-то я знала почти все, что важно в этом Королевстве, но сообщения доходят до меня слишком медленно. Я не знала, что Каташи пересек реку и вторгся на землю нашего дома. Даже разум моего собственного брата сейчас для меня больше загадка, чем когда-либо прежде. Чего еще я не знаю?

У Асы не было ответов.

Мари глубоко и медленно вдохнула.

— Хотя, на самом деле, это не имеет значения. Все, что действительно важно, — это мир, и это наша лучшая надежда. Отнеси письма группе на землях Кита. Они будут ближе всех, сообщение сможет распространиться оттуда. Я зову всех к Звездопаду, чтобы они сыграли свою роль. Думаю... — она притихла. — Думаю, там может решиться судьба Королевства.

Аса поклонилась.

— Если ты так считаешь. Я отыщу отряд и доставлю твои слова так быстро, как смогу.

Мари слегка поклонилась Асе.

— Спасибо. Я не могу передать, как все это важно для меня. Безопасного тебе пути, и пусть Великий Цикл благословит тебя.

Глава 21

Семья, подумала Мари, была загадочным концептом. Большую часть жизни нужно выбирать, по крайней мере до некоторой степени, с кем проводить время. Вы выбирали слуг, друзей и любовников. Но семья, в которой вы застряли, всегда ближе всего.

Конечно, она знала Хироми с самого его рождения. В то время ей было всего четыре, но она была достаточно взрослой, чтобы с нетерпением ждать пополнения в семье. Джуро, когда-то ее ближайший друг и товарищ по играм, был занят изучением того, как стать воином и управлять землями. Он считал себя слишком важным для нее.

Поначалу связь между Хироми и Мари была крепкой. В юности их не волновали вопросы наследования, и они играли вместе почти каждый день между уроками.

Мари не знала, когда это изменилось. Ей казалось, что однажды они были почти связаны вместе, а на следующий день у них не было ничего общего.

Мари подозревала, что трещина возникла, когда Хироми понял, что она девочка. Конечно, он всегда знал, что она девочка, но однажды, когда ему было около восьми лет, он, казалось, понял, что значит быть девочкой. Джуро учился быть воином, а Мари училась танцевать. Хироми боготворил старшего брата, которого родители так часто хвалили за его успехи. Мари стала его сестрой, не более чем досадой, препятствием на пути его собственного развития.

Как только он начал тренироваться на мечях, он больше не играл с Мари, и они разошлись. Со временем Мари и Джуро стали немного ближе. Характер Хироми всегда немного отличался от их. Его мнение менялось быстрее, и пыл разгорелся сильнее.

Но хоть она хорошо знала Хироми, Мари казалось, что она вообще не знала его. Кем стал ее младший брат? Она все еще думала о нем в контексте того времени, когда знала его лучше всего, когда он был маленьким.

Но он уже не был таким. Как и все, жизнь меняла его, каждое событие. Судить о нем, как в детстве, было несправедливо. Теперь он был взрослым мужчиной и ее лордом, хотя ей все еще было сложно думать о нем в таких условиях.

По пути к Звездопаду она попыталась исправить ситуацию, поговорить с братом и

понять его мысли. Ее усилия получили переменный успех. Иногда ее щедро награждали. Они говорили о его убеждениях и страхах, и за одно утро она узнала о Хироми больше, чем за все годы их совместной жизни.

Она знала, что он ненавидел клинки, но в разговоре поняла, что он всегда хотел быть одним из них. Он хотел быть хорошим лидером и вдохновлять свои войска, но он тратил так много времени на размышления о том, как вдохновить их, что мало что делал из необходимой работы. Возможно, самым важным фактом, который она узнала, было то, что он не был уверен в своих страхах.

Это была тема, о которой Мари знала. Они с Джуро часто обсуждали это поздно ночью, и последние пару месяцев она испытала тот же страх на собственном опыте. Руководить, будь то деревня, группа клинков или один из больших домов, было привилегией. Но это также была ужасающая ответственность. Жизнь и смерть зависели от ваших решений, и часто казалось, что не принимать решения легче.

Мари чувствовала страх. Она ощутила его, когда начала вести клинки. Она ощутила его, даже когда прогнала Асу. Ночью страх часто не давал ей уснуть.

Но лидер должен был преодолевать страх. Путь Мари был приятием. Она считала, что старалась изо всех сил, и большего нельзя было просить. Последствия будут такими, какими будут.

Хироми еще не нашел своего пути. Пока они ехали, он рассказывал о бессонных ночах, о бесконечном стремлении советоваться с другими в попытке принять правильное решение. Какая-то его часть знала, что он слишком полагался на советников, но ему не хватало смелости принять всю ответственность за свои приказы.

Мари осторожно пыталась дать ему совет в путешествии, но ее слов обычно избегали. Точно так же, как она судила о нем, основываясь на их детском опыте, он судил и ее. Она не была из тех, кто в одиночку возглавил группу клинков, чтобы предотвратить полномасштабную войну; она была просто его старшей сестрой, которой нельзя было тренироваться с мечами.

На третий день пути Мари поняла то, что давно должна была. Если бы ей пришлось выбрать идеального лорда, которому она могла бы следовать, она не думала, что это будет Хироми. Да, она все еще думала, что он был лучшим из трех лордов, но это мало что говорило. Каташи был слишком хитрым, а Исаму слишком неумелым.

Она хотела большего от человека, на которого смотрела как на лорда. Она хотела, чтобы он был уверен в своих решениях. Ее идеальный лидер знал, как вести свои земли, имел идею, с которой они все могли согласиться. У Хироми не было ни одной из этих черт.

Но это была другая причина смятения семьи. Несмотря на все его недостатки, она все еще любила его. Они вместе оказались в опасной ситуации, и если что-то случится с Хироми, Мари будет опустошена. Она ни секунды не сомневалась в этом. Что значит заботиться о ком-то, но не любить то, каким человеком он был? Этот вопрос волновал ее гораздо больше, чем следовало.

В дне пути от Звездапада брат с сестрой отделились от основной армии, поехали с сотней стражей из почетного караула Хироми, лучших воинов их земель. Во второй раз меньше, чем за год, стены Звездапада появились перед Мари.

Все казалось таким похожим и в то же время другим. Она посетила те же залы, но на этот раз собрание было намного меньше. Фактически, присутствовал только Совет Клинков.

Трибуны, когда-то заполненные клинками, жаждавшими ее послушать, теперь были пусты. Мари было жутко находиться в таком огромном пространстве с таким небольшим количеством людей.

Во время первого визита она чувствовала почти клаустрофобию из-за количества клинков на скамейках. Теперь ей хотелось, чтобы на какой-нибудь из этих крепких деревянных скамеек кто-нибудь сидел. Она не заметила во время своего первого визита, но в зале Совета, резиденции клинков, на стенах не было никаких украшений. Ни одна картина или свиток не свисали с чистых белых поверхностей.

Отсутствие зрителей не имело ничего общего с количеством людей в Звездопаде, поскольку в городе еще оставалось несколько сотен клинков. И все же Мари не думала, что город был таким многолюдным, как во время ее последнего визита. Но это было трудно понять, и еще труднее было поверить, что ее воспоминания о тех днях были точными.

В комнате было тихо, потому что встреча была объявлена закрытой. Хаджими не объяснил причины, но Мари подозревала, что это произошло потому, что ситуация выходила из-под контроля даже в Звездопаде. Большинство клинков проводили дни, блуждая по Королевству. Они редко селились на одном месте надолго. Собрать их всех здесь, должно быть, было непросто.

Когда Хироми и она шли по улицам, она могла видеть разделение между клинками и задавалась вопросом, как долго Хаджими сможет удерживать все вместе. Они прошли не один жаркий спор на улицах, и сама Мари вызвала срыв. Ее узнали по ее последнему визиту, и некоторые клинки подошли и тепло приветствовали ее, в то время как другие накинули капюшоны на головы и повернулись спиной.

Клинки казались такими же сломанными, как и жители Королевства. Некоторые призывали к прекращению войны. Другие призывали к союзу с тем или иным домом. Мари даже слышала, как некоторые заявляли, что пора вообще покинуть Королевство.

Различия не удивляли ее. Она стала понимать, что клинки были такими же личностями, как жители Королевства, но ее брат был потрясен. Его поведение, которое было полным надежды почти весь путь, быстро стало мрачнее.

— Как нам уговорить их объединиться, если они даже между собой не соглашаются? — мрачно спросил он.

У Мари не было легких ответов для брата. Она не знала, как Хаджими воспользуется своей силой, чтобы объединить клинки, но она должна была верить, что у него была такая способность. В противном случае их последняя надежда была потеряна.

Мари предположила, что ситуация была достаточно деликатной, чтобы Хаджими не нуждался в посторонних или общественных мнениях, влияющих на решение совета.

Хаджими поклонился Мари, когда брат и сестра вошли.

— Леди Мари, рад снова вас видеть. Вы были заняты с момента нашего последнего визита.

Мари ответила на поклон Хаджими. Она была немного удивлена, что он тоже знал о ее действиях. Она волновалась, что ее секрет был не так безопасен, как она когда-то думала. Упоминание о ее прошлом посещении тоже не пошло на пользу, поскольку Хироми впился в нее взглядом, вспомнил, когда началось ее предательское поведение.

Хаджими поклонился и Хироми, но Мари заметила, что поклон был не таким низким. Хироми тоже поклонился, но сдерживал гнев. По крайней мере, Мари была за это благодарна. Встреча началась не так, как она надеялась.

Глава Совета Клинков жестом велел Хироми начать. Он начал с проблем, с которыми столкнулось Королевство.

Через некоторое время Хаджими махнул рукой.

— Лорд Хироми, хотя я ценю ваши усилия, пожалуйста, знайте, что мы знаем о том, что происходит в Королевстве, как и вы. Если вы здесь, позвольте нам перейти к сути вашего визита.

Даже Мари опешила. Хаджими был грубым, что было непохоже на него. В предыдущих встречах Мари с мастером клинка он относился к ней с полным уважением.

Тогда она поняла. Хаджими по-своему испытывал ее брата. Мари не была уверена, что видела необходимость, но понимала, что видит ситуацию иначе, чем он. Хаджими был хранителем всех клинков. Если они собирались вступить в союз с каким-либо лордом, соглашение должно было идти глубже условий. Хаджими должен был знать, с каким человеком имеет дело. Мари знала, что эти двое не встречались много лет. Вот почему он продолжал давить.

Хироми выглядел так, будто собирался выйти из комнаты, но в последний момент передумал.

— Хорошо. Я пришел предложить условия союза между клинками и моим домом. Я понимаю, что такое предложение необычно, но время требует этого. Только вместе мы сможем остановить войну, которая угрожает нашему Королевству.

Хаджими кивнул.

— Действительно благородные слова. Каковы ваши условия?

Мари прищурилась, внимательно изучая Хаджими. Он казался не таким человеком, какого она помнила. Насколько его поведение было испытанием для ее брата, и насколько он был утомлен бесконечной осадой ненависти, направленной на клинки? Его каменное лицо ничего не выдавало. Был ли он уже в союзе с другим домом?

Хироми обрисовал в общих чертах свои условия.

— Я предлагаю союз сил между клинками и домом Кита. Хотя это беспрецедентно, ситуация такая же. Чтобы решить возможные проблемы, это соглашение будет действовать только до тех пор, пока я не буду официально признан новым королем, и тогда мы заключим новое соглашение между Королевством и клинками.

Хироми сделал паузу, изучая бесстрастные лица совета.

— Хотя я не знаю, какую форму примет это окончательное соглашение, я готов рассмотреть вопрос о возврате многих прав, которые когда-то были отняты у клинков.

Это было предметом спора между братом и сестрой. В пути Мари утверждала, что необходима совершенно новая система, но он не хотел этого слушать. Хироми был готов проявить щедрость, но он не хотел думать о переделке системы, которая так долго работала хорошо.

Хаджими выглядел недоверчиво, но позволил Хироми продолжать до конца. Когда ее брат закончил, первый вопрос Хаджими был трудным:

— А что насчет переписи?

Это вызвало худший спор между братом и сестрой. Из разговоров с клинками Мари знала, как сильно они ненавидели перепись. Но для ее брата избавление от переписи было равносильно отказу от последней линии обороны.

Суть проблемы заключалась в характере проведения переписи. Подсчет жителей Королевства велся почти столько же, сколько велись записи, но при переписи жителей

учитывались только семьи, а не отдельные лица. После Двух водопадов король Масаки решил, что клинки были слишком опасны, чтобы их не считать по отдельности. Каждый клинок должен был быть зарегистрирован, и, если они основали постоянное жилище за пределами Звездапада, они должны были сообщить об этом местным властям или быть казненными за измену.

Хироми не поддавался.

— Она останется на месте. В том, чтобы быть подсчитанным, нет ничего плохого.

Хаджими возразил:

— В подсчете есть опасность. Отмена требований переписи будет означать для меня, что вы доверяете клинкам, а не просто стремитесь использовать нас в качестве силы.

Ответ Хироми был слабым:

— Дело не в доверии. Речь идет о планировании и знании того, какие ресурсы доступны и какие ресурсы нужно сделать доступными.

Мари поморщилась. Хаджими не понравится, если о нем будут думать как о ресурсе. Все в комнате знали, что перепись — это вопрос доверия.

Хаджими заговорил медленно, осторожно подбирая слова:

— В нынешнем виде вы не можете привести убедительных аргументов. Если вы действительно хотите быть в союзе с нами, я задам последний вопрос. Все дома приходили к нам. По правде говоря, ты последний. Почему ты вместо них?

Вопрос явно задел Хироми. Он не учел возможность, что другие дома тут был. Мари видела другую сторону. Если клинки все еще не были в союзе с домом, потому что их не устроили предложения других лордов. Хироми видел угрозу, но Мари знала, что Хаджими дал ее брату последний шанс.

Ответ брата удивил и впечатлил ее.

— Я не верю в сравнение одного дома с другим. Как и у любого правителя, у меня есть свои слабые и сильные стороны. Да, я прошу вас помочь моему дому, но я не прошу вас помочь мне. Я прошу вас выполнить свой долг перед Королевством.

Хаджими кивнул.

— Это хороший ответ. Многие последуют за лидером, который искренне верит в это, — он бросил пристальный взгляд на Мари. — Вы уверены в переписи? — спросил он Хироми.

Хироми собирался заговорить, но передумал. Мари видела, что его мысли блуждали, но не ей указывать, что делать, ни здесь, ни сейчас.

— Возможно, удастся достичь какого-то соглашения. Я, например, был бы готов рассмотреть вопрос о переписи населения, о которой сообщают сами, или, возможно, даже о переписи клинков только на службе. Я готов подстроиться, но не сломаюсь.

Хаджими погладил бороду, обдумывая ответ лорда. Он переводил взгляд с одного члена совета на другого.

— Я думаю, лорд Хироми, вы дали нам кое-что для обсуждения. Вы, конечно, понимаете, что сегодня решение принимать нельзя.

Хироми выглядел так, словно только что узнал о смерти любимого человека.

— При всем уважении, Хаджими, скоро враги будут у ваших ворот. Спешка необходима.

Улыбка Хаджими говорила о том, что он знал о ситуации и прекрасно понимал, что именно Хироми позволил силам Каташи продвинуться вперед.

— Да, но спешка должна уравниваться размышлениями. Уверю, вас вызовут, как только будет принято решение.

Ответа было мало для Хироми, но ничего не поделать. Мари сочувствовала брату. Но возражения не изменили бы ничего. Клинкам нужно было время, чтобы решить.

Мари взяла на себя инициативу, надеясь, что брат не будет сильно сердиться.

— Ваше внимание — это все, о чем мы можем просить. Мы благодарны.

Хаджими понимающе улыбнулся Мари, и брат с сестрой ушли ждать своей участи.

Два дня спустя в палатке своего брата Мари не могла не смеяться над Хироми. После всего, через что они прошли, он все еще вел себя как маленький ребенок.

Воспоминание пришло к Мари так отчетливо, как если бы это произошло несколько мгновений назад. Два брата и сестра были намного моложе, а Джуро был все еще жив, как всегда горд. Воспоминание заставило ее сердце заболеть, но она вдохнула, позволив печали захлестнуть ее и исчезнуть, как волна.

Она не помнила, для чего проводилось мероприятие. Может, свадьба дворянина? Пир в честь уходящего из армии генерала? Не важно. Джуро расхаживал, твердый, как меч, ожидая, когда его сестра и брат поторопятся. Мари тоже была готова, ее чисто-белые одежды были прекрасны, делали ее счастливой.

Хироми была проблемой. Их отец сшил маленькую униформу для своего младшего сына, и шелковая ткань слишком плотно облегла растущего мальчика. Хироми был недоволен, но он не мог поднимать шум, потому что их отец был в соседней комнате. Никто из них не хотел злить отца в такой важный день.

Итак, Хироми начал безмолвный бунт, топая по полу и скрещивая руки на груди так крепко, как только мог. Сегодня было примерно так же, подумала Мари с грустной улыбкой.

Сегодня Хироми не проявил гнева. Вместо этого он нервничал и беспокоился, демонстрируя то же поведение, что и давным-давно.

Столько всего уже прошло. Еще одно препятствие, и Мари знала, что ее миссия окончена. Хаджими и совет приняли условия, установленные Хироми. Для заключения соглашения потребовался еще один день переговоров, но документ был подписан и скреплен печатью. Мари принесла с собой копию на следующую встречу.

Сестра и брат вернулись за стены Звездопада, разбили лагерь к востоку от города со своей армией. По другую сторону Звездопада, к западу, сидели только что прибывшие Каташи и его армия.

Другой лорд согласился встретиться с Хироми и Мари перед тем, как начать атаку. Хироми столкнулся с последней и самой сложной задачей, которую он когда-либо выполнял. Он собирался объявить Каташи, что его народ заключил союз с клинками и что клинки поддерживали его как нового короля.

Каташи мог пойти по одному из двух путей. Брат и сестра надеялись, что он сдастся и поймет, что его победили. Любой лорд, поддерживаемый клинками, обладал гораздо большей силой, чем двое других. Сражаться дальше было безнадежно. Условия мира, несомненно, будут трудными, но Мари была уверена, что они смогут договориться о том, что сработает для всех.

Каташи, конечно же, мог отказаться. Если так, Хироми и Хаджими согласились атаковать его армию, уничтожив ее вместе. Эта перспектива, конечно, была далеко не идеальной, но в случае необходимости они были готовы пойти на жертву.

В любом случае, после переговоров Хироми сообщит всем об альянсе с клинками. Будет отпор, но Мари надеялась, что Леди в Белом создала достаточно хорошей репутации среди

людей, чтобы соглашение было принято.

Она не обманывала себя. Их ждали годы работы, но если она и Хироми смогут предотвратить полномасштабную войну, жертва того стоила. Им просто нужно было заставить Каташи согласиться. Брат и сестра предполагали, что ему, по крайней мере, потребуется быть вторым в очереди на престол, и они были готовы пойти на уступку.

Наконец, Мари убедила Хироми, что он готов. Они сели на лошадей вместе с генералом Кё и его почетным караулом и уехали. Они изо всех сил пытались найти идеальное место для проведения встречи. Они не были настолько глупы, чтобы забредать в лагерь Каташи, и он не доверял дому Кита. Был предложен Звздопад, но Мари не думала, что этот вариант примут.

Вместо этого они приехали в место, в пределах видимости обеих армий и Звздопада, травянистую поляну примерно в половине лиги от главных ворот к югу от города. Оба лорда прибыли только с почетным караулом под флагом мира.

Мари, как и ее брат, нервничала. Было еще не так тепло, но она видела капли пота на его лбу.

Они ехали медленно, каждый задумался. Поздний весенний день обещал быть жарким. Все облака сгорели, и Мари с нетерпением ждала тени палатки, под которой им предстояло встретиться.

Двое ехали, пока не оказались примерно в пятидесяти шагах от палатки, а затем спешили, их охранял почетный караул. Хироми выглядел так, будто собирался поправить форму в последний раз, но передумал и прошел к месту встречи. Мари последовала за братом на несколько шагов позади.

Каташи уже был там, удобно растянулся на траве. Его поза была неформальной, и Мари гадала, какое сообщение он пытался передать. В любом случае, лорд не выглядел так, будто его заботил этот мир. С таким же успехом он мог пойти на пикник, несмотря на все беспокойство, которое он проявлял. Разница между ним и Хироми, который стоял так неподвижно, что казалось, будто его форма стала льдом, не могла быть более очевидной.

Мари не видела Каташи с тех пор, как они были детьми при дворе, но его присутствие заставляло ее нервничать. Он был безукоризненно ухожен, длинные волосы лежали на месте, были туго завязаны сзади. Его шелковые одежды, такого же темно-красного цвета, как цвет его дома, были безупречны, будто пыль боялась этого человека. Хотя день был жарким, на нем не было видно ни капли пота. Его лицо было худым и безбородым, и, хотя в его внешности не было ни одного аспекта, который объяснил бы Мари, он вызывал у нее отвращение.

У лорда дома Амари были пронизательные глаза, которые двигались медленно, несомненно, улавливая каждую крошечную деталь происходящего перед ним. На его лице расплылась улыбка, но Мари доверяла улыбке даже меньше, чем доверяла ему раньше. Он был ложью.

— Добро пожаловать, добро пожаловать. Рад видеть тебя здесь, Хироми. Мари, я не видел тебя несколько лет. По сравнению с твоей красотой даже этот полдень кажется тусклым.

Мари ничего не могла с собой поделать. Его слова говорили одно, но она слышала совсем другое. У нее возникло внезапное желание помыться, и она слегка качнула головой. Ей нужно было отогнать такие мысли. Они не приносили Хироми никакой пользы, и он вполне мог нуждаться в ее помощи.

Хироми поклонился и сел, пытаясь выглядеть так же удобно, как Каташи, но не мог. Мари сжала кулаки. Ее брат должен был контролировать ситуацию, но он этого не делал.

Каташи продолжил.

— Я хотел поблагодарить тебя, Хироми, за то, что позволил мне атаковать Звездопад. Это будет непростая задача, но мои лучшие генералы пытались решить проблему города на протяжении многих лет, и, думаю, у нас есть план, который гарантированно приведет к успеху.

Мари обдумала заявление, первое из его слов, в чем была доля правды. Каташи манипулировал так же, как и его покойный брат, но он не был дураком. Если он намеревался атаковать Звездопад, у него был план. Но Мари понятия не имела, какой.

Каташи остановился, будто только что понял, что что-то забыл.

— Где мои манеры? Вы, должно быть, так же хотите пить, как и я. Нам нужно немного еды и питья! — он хлопнул в ладоши, и вперед выдвинули два сундука. Несколько человек из почетного караула Каташи достали легкие закуски, вино и воду.

Мари была застигнута врасплох. Что планировал Каташи? На первый взгляд все казалось таким искренним, таким добрым, но она не могла заставить себя довериться ему.

Когда они не стали есть предложенную еду, Каташи фыркнул:

— Я не собираюсь вас травить накануне нашей победы. Ты впустил мою армию на свою землю. Мы союзники! — чтобы доказать свою точку зрения, он взял немного еды, съел и выпил вино. Это не было гарантией, но это было начало. Хироми, не дурак, позвал одного из своих стражников и попросил его проверить еду и питье. Когда охранник не умер, Хироми с жадностью впился в угощения.

Мари не хотела есть, но, тем не менее, взяла маленькую тарелку, в то время как Каташи продолжал, его голос был ниже и серьезнее:

— Я, конечно, заметил, что вы пришли не одни, — рукой с маленьким рисовым шариком он указал на собравшуюся армию дома Кита. — Это меня беспокоит. Вы хотите мне помочь?

Так они подошли к сути дела. Хироми не мог лгать, но был смущенным и неподготовленным. Мари было интересно, как он справится с ситуацией.

Она никогда не гордилась своим братом больше, чем в тот момент. Хироми выпрямился и вел себя как господин.

— Я пришел сегодня потребовать, чтобы ты сдался. Клинки объединились со мной, и я сяду на трон.

Каташи не выглядел таким удивленным, как предполагала Мари. Он продолжал есть свою еду, его глаза все изучили.

Он вздохнул. Странная паника наполнила ее тело.

— Мне очень жаль это слышать. Я искренне надеялся, что вместе мы сможем избавиться от клинков, поражающих нашу землю. Вместо этого вы подружились с ними. Что вы им предлагали?

Хироми покачал головой. То, что он предложил, не входило в этот разговор.

— То, что их по праву. Вы сдаетесь?

Каташи рассмеялся, и Мари поняла, что что-то было не так. Возможно, Каташи не был удивлен. Она могла это понять. Она могла понять большую часть его поступка. Но они должны были иметь преимущество, а он чувствовал себя так же комфортно, как и раньше. Она огляделась, гадая, в чем мог быть источник его уверенности. Ничего необычного не

было, и она подумала, что, возможно, он играл роль лучше, чем все, кого она когда-либо встречала.

Его следующий ответ удивил ее еще больше.

— Хорошо. Полагаю, что тут уже ничего не поделаешь. Я не согласен с тем, что ты делаешь, Хироми, но я не могу винить твои амбиции. Какие условия ты готов предложить?

Даже Мари не знала, что делать с происходящим. Хироми, по-видимому, не осознавал, насколько неправильной была ситуация, сразу же приступил к своим условиям, словно принял капитуляцию Каташи. Мари заставила себя не оборачиваться, а внимательно смотреть. Было трудно видеть дальше окружавших их рядов стражей, но Мари не заметила приближения каких-либо дополнительных войск.

Судя по всему, Каташи действительно сдавался Хироми. Часть ее слышала, как они спорил об условиях, но все это было нереальным. Каташи улыбался, будто шутил, но его никто не понял. Мари огляделась, но по-прежнему ничего необычного не происходило.

Голос брата вырвал ее из транса.

— Значит, мы договорились?

Каташи кивнул, и писарь в ярости выписал условия и представил их на рассмотрение обоим лордам. Мари почувствовала, как все внутри сжалось. Это должно было стать их ярким моментом, завершением всех ее мечтаний. Ее брат собирался занять трон. Но все, чего она хотела, — это схватить Хироми и убежать с ним в место, где все это было не чем иным, как кошмаром.

Оба лорда согласились с условиями, и Каташи настоял на том, чтобы Хироми подписал их первым. Он так и сделал, повернул бумагу в сторону Каташи, чтобы мир стал официальным. Каташи посмотрел на него, снова рассмеялся и разорвал бумагу в клочья.

Мари была ошеломлена, хотя все это время ожидала именно этого. Поведение Каташи было невообразимо грубым. Хироми смотрел на другого лорда, на его лице было замешательство.

Это было последнее выражение, которое он когда-либо использовал.

В мгновение ока Каташи выхватил меч и перерезал Хироми горло. Кровь пролилась повсюду, тело брата Мари, из которого вытекала жизнь, рухнуло перед ней.

Мари потребовалось несколько ударов сердца, чтобы осознать происходящее. Они пришли под флагом мира. Каташи по-прежнему лениво ухмылялся.

Ничего не изменилось, кроме того, что его красные шелка были залиты кровью, а ее брат умер.

Мари открыла рот, чтобы закричать, слишком поздно заметив присутствие рядом с ней.

Чья-то рука обвила горло и крепко сжала, перекрывая ее крик и дыхание.

Сбитая с толку, Мари металась. Она была обучена этому, но не ожидала нападения. Ее противник сжал сильнее, оторвав ее от земли, ее ноги беспомощно болтались.

Черные точки появились по краям зрения, тьма подступала с удивительной скоростью.

Она посмотрела на Каташи, но не хотела, чтобы ее последний взгляд был обращен на него. Она посмотрела на своего брата, удивление теперь навеки застыло на его лице. Движение Каташи привлекло ее внимание, и давление на ее горло резко ослабло.

Мари рухнула на траву, заметив, что часть ее тела попала в кровь брата, растекшейся по палатке. Она вдохнула, надеясь, что крик привлечет внимание. Что случилось с их почетным караулом?

Она снова уловила движение. Каташи встал и разделся, показывая тело, прошедшее

через годы тяжелых тренировок. Она не знала его мастерства владения мечом. Он подошел к одному из своих стражей, который вручил ему чистую одежду.

Как только ее разум начал возвращаться, он отдал приказ:

— Свяжите и заткните ей рот, пока она не закричала.

В панике Мари попыталась закричать, пока не стало слишком поздно. Но прежде чем она успела издать звук, ей в рот засунули комок ткани, а вокруг ее головы несколько раз обернули тонкую веревку, чтобы ткань оставалась внутри.

Прежде чем она узнала, что произошло, ее руки были крепко связаны за спиной, а лодыжки — вместе. Все происходило слишком быстро.

Она сосредоточилась на окружении, пытаясь дышать носом, пытаясь понять. Что было с их почетным караулом? Она посмотрела за палатку, где ее стража стояла смирно, будто договор был подписан. Кё был намного ближе, чем она ожидала, оказался прямо позади нее. Когда он покинул ряды стражи? Он шел спасти ее?

Когда ее подняли, Мари увидела, что Кё кланялся Каташи.

— Молодец, лорд Кё. С твоей помощью мы избавим мир от клинков и начнем жить правильно.

Кё снова поклонился, и Мари бросили в один из сундуков, ее мир стал черным, когда они захлопнули крышку.

Глава 22

Все изменилось с битвы за вершину холма. Клинки Икко продолжали действовать, выбирая небольшие тайники с припасами, чтобы напомнить армии, что они все еще представляли угрозу, но задача стала намного сложнее. Армии не спешили реагировать, но когда они это делали, жизнь становилась тяжелее. Цепочки поставок теперь хорошо охранялись, и хотя Коджи не имел полной картины передвижения войск, силы, казалось, собирались для большого рывка. Это означало, что еще больше людей охраняли припасы.

Коджи все еще путешествовал с более чем двадцатью клинками, но вершина холма изменила их. Хорошо подготовленные солдаты напомнили им, что они не бессмертны, что они умирали так же, как и все остальные. В бою уверенность была всем, и их уверенность пошатнулась.

Даже Коджи, обычно уверенный в своих силах, испытывал сомнения. Каким бы великолепным он ни был с мечом, он мало что мог сделать против падающего валуна. Он испытал, в один из немногих раз в своей жизни, пределы своих способностей. Он был недоволен.

Мало того, что битва поколебала уверенность клинков в себе; это пошатнуло их уверенность во всей миссии. Они потеряли почти треть товарищей в одной атаке, и их не заменили. Все знали, что они сдерживали волну войны, но они только начинали понимать, что простое истощение в конечном итоге приведет к их поражению.

Когда Аса нашла товарищей-воинов, присутствие еще одного клинка ночи, казалось, зажгло огонь подо всеми, но больше всего у Коджи. Она все еще была в его мыслях каждый день, и вид, как она едет к ним, поднял ему настроение.

Она подъехала к Коджи, проворно спрыгнула с лошади и приблизилась к нему. Был момент неловкости, а затем Аса обняла его. Коджи удивился бы меньше, если бы солнце исчезло. Он обнял ее, был рад снова ее видеть.

Они разошлись, и Аса посмотрела на него.

— Рада снова видеть тебя, Коджи. Есть о чем поговорить, но сначала мне нужно

встретиться с командиром.

Прежде чем он смог ответить, она ушла. Коджи смотрел, как она уходила, по-настоящему влюбленный, впервые в жизни.

Он наблюдал, как Аса и Икко говорили, Аса опустила в его руки большую стопку писем. Они поговорили некоторое время, но Коджи обнаружил, что ему было трудно отвести взгляд.

Когда Аса вернулась, Коджи готов был поклясться, что она сияла. Она села рядом с ним, и они стали смотреть на происходящее перед ними.

Несмотря на тяжелые условия пути, Коджи пришлось признать, что земли дома Кита были одними из самых красивых. Он бывал в этом районе раньше, но никогда особо не обращал внимания на безмолвное, внушительное величие гор.

Вопрос Коджи был пылающим.

— Что с тобой случилось?

Улыбка Асы была мягкой, но искренней.

— Я сама не знаю. Ты когда-нибудь чувствовал, что поступаешь правильно? Что все обретает смысл?

Коджи понимал. Впервые в жизни ему казалось, что он боролся за что-то важное. Он указал на палатку своего командира.

— Что происходит?

— Шанс на мир. Я уехала от Мари не так много дней назад. Она убедила своего брата вступить в союз с клинками.

Аса продолжила рассказывать ему о планах Мари. Коджи был шокирован, узнав, что Звездопад мог скоро подвергнуться атаке.

Их прервал приказ командующего. Коджи больше не хотел ехать верхом, но, возможно, их путешествие почти подошло к концу. Они утомленно забрались на своих скакунов и повернули к Звездопаду согласно последнему приказу Мари. Он надеялся, что скоро все закончится.

Коджи почувствовал, что они близко, еще до того, как увидел Звездопад. С таким количеством людей с даром в таком маленьком пространстве невозможно было не ощутить жизненную энергию. Группа осторожно двигалась вперед, стараясь избегать патрулей, бродивших вокруг города.

В конце концов, они подъехали к месту, откуда можно было посмотреть на город, и Коджи был поражен. Он был уверен, что никогда не видел столько людей одновременно. По обе стороны города стояли лагеря, а сам Звездопад все еще горел энергией сотен жизней.

Его настроение улучшилось за последние несколько дней с Асой. Дорога была трудной и долгой, но если ее новости были правдой, то была жива надежда, которую он не осмеливался ощущать уже долгое время. Все бои, наконец, могут закончиться.

Когда он увидел ситуацию впереди, сердце упало быстрее, чем камень, брошенный в реку. Они знали, что им предстояло увидеть. Аса рассказала им, что Хироми собирался направить свою армию к Звездопаду, чтобы противодействовать армии Каташи. Но слышать, что что-то должно было случиться, и видеть это перед собой было разными делами.

Коджи видел, что ситуация была готова взорваться. Он видел обе армии, даже не двигая взгляд. Расстояние между ними было меньше суток, слишком близко, чтобы было комфортно. Даже несколько солдат, слишком пьяных для их же блага, могли разжечь войну.

Он отчаянно надеялся, что Мари знала, что делала.

Клинки прибыли в сумерках и приняли решение разбить лагерь подальше от армий внизу. Они все еще скрывались от правосудия и не хотели пытаться попасть в Звездопад, пока его окружали солдаты. Аса попытается найти Мари на следующий день и получит лучшее представление о дальнейших действиях.

Коджи проснулся рано утром, когда первые лучи солнца появились из-за горизонта. Он перевернулся и попытался снова заснуть, но что-то было не так, он не мог это сразу уловить.

Неуверенный, он приподнялся и посмотрел по сторонам затуманенными глазами. Остальная часть их группы все еще спала, и чувство подсказывало ему, что поблизости никого нет. Но он не мог избавиться от ощущения, что что-то не так.

Он повернулся и посмотрел на Звездопад, сразу увидел проблему. Обе армии подошли еще ближе к городу, каждая была за пределами досягаемости лука. Пока ничего не произошло, но общие движения были зловещими. Коджи разбудил остальную группу с ворчанием и стонами, но все они замолчали, когда увидели, что происходило.

Клинки находились достаточно далеко, и наступление армий было едва слышно, как грозу далеко на горизонте, далекий, непрерывный грохот. Но они заметили, как ранним утром небо почернело от туч стрел.

Когда началась первая волна, Коджи чуть не упал. Стрел было так много, что казалось невозможным, что кто-то сможет выжить под натиском. Сзади тянулся черный дым, и Коджи знал, что это были огненные стрелы, предназначенные для убийства и сжигания.

Вторая волна была такой же упорядоченной, как и первая, огромная масса была выпущена сразу. Черные полосы огня горели над стенами Звездопада, тысячи посланий смерти устремились к месту назначения.

Ответ Звездопада был слабым. Несколько разрозненных стрел, но ничего больше. Стены были почти такими тихими, будто город был безлюден.

Отсутствие реакции клинков разочаровывало, но Коджи не удивился. Несмотря на стены, Звездопад не был построен так, чтобы выдержать скоординированную осаду. В городе не было ни катапульта, ни кипящих котлов со смолой, которые можно было бы сбросить на захватчиков. Клинки презирали осадные машины и тактику, обретая честь и славу только в личном бою.

Эта жесткость в сочетании с верой в то, что никто не посмеет атаковать город, погубит их.

Это убеждение было нетрудно понять. За все свое записанное прошлое Звездопад ни разу не подвергался нападению. Мифология, связанная с клинками и их исторической ролью в Королевстве, гарантировала их безопасность. Но теперь Королевство менялось быстрее, чем мировоззрение клинков.

Коджи в ужасе смотрел, как разворачивалась сцена внизу, смертельная красота множества стрел превращала его любимый Звездопад в могилу.

Он переключил внимание со стрел на сам город. Не каждая стрела зажигала огонь, но и не всем это нужно было. Коджи уже видел десятки пожаров, и каждую секунду, когда он смотрел, их становилось все больше.

Коджи оглядел собравшихся клинков.

— Мы должны им помочь, — сказал он.

Аса взглянула на него, ее глаза покраснели от гнева и печали.

— Как? Нас не так много, а их тысячи. Если мы атакуем, мы добьемся только своей

смерти.

Коджи взорвался гневом.

— Мы должны что-то делать! Я отказываюсь сидеть здесь, пока наш дом горит на наших глазах.

Группа, казалось, была согласна с ним, но никто не сдвинулся с места. Даже в гневе Коджи знал, что Аса была права.

Мысль привела к другому. Что случилось с Мари? Как получилось, что человек, на которого они надеялись, допустил нападение?

На ум сразу пришли два объяснения. Либо Мари была пленницей брата, либо она их всех предала. Коджи категорически отказывался верить в последнее, но в любом случае им нужно было добраться до нее. Теперь у него была цель.

Его мысли были прерваны изменением происходящего внизу. Массивные ворота Звездопада распахнулись, и группа клинков, численностью около пятидесяти человек, по оценке Коджи, атаковала армию лорда Каташи.

Коджи тут же подумал об объединении сил с клинками из города, но его наполовину сформированные планы были разбиты еще до того, как он смог начать воплощать их в жизнь. Сотни лучников переключили внимание на атакующих клинков, и воздух наполнился летящими стрелами.

Многие из клинков ожидали такое и взяли щиты, но даже они не могли защититься от огромного количества стрел. Многие клинки ночи пали при попытке. Некоторые из выживших были сбиты копьями на передовой. Те немногие, кто прошел, вызвали хаос в рядах, но сверху он наблюдал, как волнения исчезают, когда клинков убивали по одному.

Коджи в гневе выругался, пиная землю.

Он сосредоточился на том, что мог сделать.

— Нам нужно попасть к Мари, — сказал он.

Это привлекло их внимание. Найти лидера было легко выполнимой задачей. Группа двинулась к снаряжению, но Коджи остановил их.

— Нет, лучше пойти небольшой группой. Мы видели, что происходит, когда клинки атакуют армию. Лучше полагаться на скрытность. Я предполагаю, что она находится в плену среди своих людей.

Аса вызвалась присоединиться к нему. Их двоих должно было хватить.

Они оба были в форме дома Кита. У Асы был капюшон, чтобы она не привлекала внимания из-за того, что она женщина. Перед тем, как они ушли, Аса сказала командиру последнее слово.

Она ответила на невысказанный вопрос Коджи, когда они начали спускаться.

— Я посоветовала ему попытаться найти всех клинков в этом районе. Как только письма Мари дойдут, сюда придут еще больше, и будет лучше, если их остановят до того, как они придут.

Коджи не озвучил свои мысли. К тому времени, когда придут еще отряды Мари, будет уже слишком поздно. Эта осада продлится не больше пары дней, а другим группам потребуется больше времени, чтобы прибыть. Схватка закончилась еще до того, как началась.

Они без труда добрались до окраины лагеря. В хаосе битвы повсюду двигались войска, и слиться с ними было легко. Коджи не ожидал, что возникнут проблемы, пока он и Аса не

окажутся в лагере.

Она настояла на том, чтобы идти впереди, когда они оказались среди палаток. Коджи не стал спорить, решив следовать за ней по извилистой тропе. Сначала он был сбит с толку, но когда они углубились в лагерь, Коджи понял, что не видел другого человека с тех пор, как они вышли за периметр. Он посмотрел на Асу с новым уважением. Она хорошо направляла их, отслеживая гораздо больше, чем он когда-либо пытался.

Лицо Асы было сосредоточенным, и Коджи решил не хвалить ее за ее умение. Он просто последовал за ней, все сильнее поражаясь тому, что небольшие изменения в их направлении и скорости не позволяли их обнаружить.

Ее дар был сильным. Даже в разгар битвы лагерь кишел людьми. Казалось, что некоторые солдаты патрулировали; другие были посыльными, бегали туда-сюда с командами. По мере того, как дуэт приближался к центру лагеря, стражи было больше. Свободных участков стало меньше, и Коджи не знал, сколько еще Аса сможет предотвращать обнаружение.

Она продолжала двигаться вперед. Время было врагом, и Коджи понимал, что в какой-то момент они перейдут от скрытности к силе. Он был готов вынуть меч.

Момент наступил скоро. В конце концов, Аса вырвалась из последней линии палаток, окружавших центральное кольцо. Там была большая брешь, набитая таким количеством войск, что пройти было невозможно. Аса смело шагнула на открытый участок, притворившись, что им было тут место. Ее уловка не сработала. Их почти сразу остановила пара стражей.

Аса шагнула вперед, блокируя легкий удар Коджи, прежде чем он успел вытащить меч.

Она вытащила лист бумаги, на котором Коджи увидел печать Мари. Страж посмотрел на печать, потом на Асу и снова посмотрел на бумагу.

Все произошло мгновенно. Аса и Коджи ощутили, что страж собирался закричать. Прошло меньше мига, и Аса потянулась за мечом. Решение было принято.

Удар Асы чисто рассек горло мужчины, оборвав его крик, не дав ему подступить к губам. Коджи был не менее идеальным, убил напарника стража одним ударом. Несмотря на серьезность положения, Коджи был впечатлен. Вместе они были неудержимыми.

Еще одна пара стражей напала на них мгновенно. Коджи зачарованно наблюдал, как Аса вытащила второй короткий меч. Она справилась с обоими стражами менее чем за мгновение, один из ее мечей блокировал атаку, а другой наносил смертельные удары.

Аса бросилась к центральной палатке, разрезала ее и прыгнула в дыру. Коджи последовал за ней мгновением позже.

Его глаза приспособились через пару мгновений. Внутри было несколько человек, но никто еще не сражался. Он огляделся. Там, рядом с Асой, была еще одна женщина, похожая на Мари, но не являющаяся их лидером. Коджи моргнул, думая, что у него были галлюцинации. Аса склонила голову, как будто пыталась понять то, чего никогда раньше не видела.

Целая группа стражников ворвалась в палатку, и начался бой. Коджи с легкостью проскользнул между вражескими мечами, его меч отбирал жизни каждым ударом, его движения были плавными и контролируемые.

Аса неподалеку производила не меньшее впечатление. Коджи еще не видел стиля боя двумя мечами, и она была намного опаснее, чем в прошлый раз, когда они дрались. Аса продолжала отражать и резать, рассекая любого противника, который осмеливался

приблизиться к ней.

Они оба знали, что если они останутся, их гибель будет вопросом времени.

Коджи шел впереди, расчищая путь к главному входу в палатку. Аса последовала за ним, и они стали защищать спину друг друга. Как только они выбрались из палатки, Аса сделала перерыв. Коджи повалил еще одного стража и последовал за ней.

Несмотря на то, что они только что были в пылу битвы, выражение спокойного сосредоточения на лице Асы было безошибочным. Они бежали по лагерю, часто поворачивая, преследователи шли прямо за ними.

Постепенно они отрывались от врагов. Аса убила бедного стража, который случайно попался на их пути, но в остальном она держала их подальше от толпы. Только чувство Коджи предупредило его, когда она внезапно остановилась и прорубила дыру в палатке, нырнула внутрь.

Он последовал за ней, и Аса схватилась за края дыры и соединила их. Решение было далеко не идеальным, но Коджи знал, поскольку он чувствовал, что стражи неслись мимо, и им не нужно было совершенство. Он собирался поговорить с Асой, когда она снова открыла прорезь в палатке и отступила.

Уловка принесла им несколько мгновений, но все остальное зависело от нее.

Коджи не знал, как долго длилась погоня. Они шли, пригнувшись, останавливаясь, а затем бежали. Еще раз они спрятались в заброшенной палатке. Все кричали, каждый страж в лагере искал их.

На протяжении всего этого Аса молча вела их, избегая каждого патруля, даже когда они проходили всего в нескольких шагах от них. К тому времени, как они достигли окраины лагеря и скрылись, наступала ночь.

Когда они оказались в безопасности, Коджи оглянулся на лагерь и Звездопад за ним. Его дом горел, от больших частей города поднимались высокие клубы дыма, сливающиеся с вечерним небом. Его сердце разрывалось пополам, все надежды, которые он чувствовал, были разбиты. Что-то случилось с Мари, и Звездопад застали врасплох.

В конце концов, Аса подошла и встала рядом с ним, их руки переплелись. Ее голос был мягким:

— Нам нужно выяснить, что произошло. Нам нужно понять, как мы можем это исправить.

Ее слова вселили в него каплю надежду. Глядя на горящий город клинков, он хотел разделять оптимизм Асы.

Глава 23

Звездопад горел вдали. Аса смотрела туда пустыми глазами. Много сторело в ее жизни в последнее время. Убежище. Тело Киоши. Теперь Звездопад.

Она никогда не думала о Звездопаде как о своем доме. Это была просто место, куда она возвращалась. Она была удивлена, почувствовав сожаление из-за его разрушения. Наблюдая за пожаром, она поняла, что дело было в том, что Звездопад всегда был безопасным местом, спокойствием в любого шторма в ее жизни. Если Звездопад падет, клинкам негде будет жить в этом мире.

Издали огонь походил на походный костер, который не давал тепла. Не раз Аса начинала тянуться к нему, но ощущала только прохладный ночной воздух на своих руках.

Коджи сел рядом с ней, уважая ее молчание. Она была благодарна за его силу и уважение. Теперь, более чем когда-либо, ей нужно было за что-то держаться.

Ее воспоминания танцевали вместе с пламенем. Она не поняла, что видела в той палатке. На первый взгляд Мари была там, но когда ее глаза привыкли, фигура не была Мари. Просто женщина, одетая в стиле Мари.

У Асы кружилась голова. Она повернулась к Коджи.

— Ты понимаешь, что мы видели в палатке?

— Эта женщина не была Мари.

Сначала Асе захотелось закричать. Конечно, женщина не была Мари. Даже она знала это. Но Коджи справлялся с проблемами иначе. Он сосредотачивался на одном шаге за раз, напомнила она себе. Он не просто заявлял об очевидном; он начинал решать проблему с того, что они знали.

— Так кто она была и почему она была там?

Он почесал голый подбородок.

— Вряд ли важно, кто она такая. Почему она там оказалась — вот в чем вопрос.

— Может, она была прислугой?

Коджи покачал головой.

— У нее была одежда леди.

— Любовница Хироми?

— Возможно, хотя сходство с внешностью Мари вызывает тревожные вопросы.

Аса согласилась, не желая называть вариант, который они оба подозревали. Коджи вслух высказал свои опасения:

— Мое чутье подсказывает мне, что женщина была там, чтобы выглядеть как Мари.

Аса тоже так думала, но не понимала, зачем там был двойник. Когда она уехала, Мари и Хироми ладили. Зачем им понадобился двойник? Кому-то нужно было убедить других, что Мари все еще была здесь. Она сказала это Коджи, и он согласился.

Теперь он задал вопрос:

— Кому нужно убеждать дом Кита в присутствии Мари?

Аса быстро отбросила варианты. Хироми был очевидным ответом, но ей это не нравилось. Он был лидером своего народа и мог сказать все, что угодно. Использование двойника казалось излишне сложным.

Единственным другим ответом был Каташи. Встречались ли лорды? Аса жалела, что они не приехали на несколько дней раньше, чтобы узнать, что произошло. Им нужно было больше информации — быстро.

В ту ночь Аса не могла заснуть. Они внимательно следили за лагерем, и некоторые из клинков в группе Коджи облачились в форму Киты, чтобы попробовать узнать больше. Аса металась, ворочалась и продолжала тянуться чувством, ожидая возвращения клинков.

Они сделали это только на следующее утро. Аса мало спала, и их новости заставили ее желудок сжаться в комок. Между домами Кита и Амари было установлено перемирие. Хироми и Мари встретились с Каташи два дня назад и разработали стратегию уничтожения клинков раз и навсегда. Тем не менее, клинки сообщили, что Хироми заболел, и большинство приказов, похоже, исходило от генерала Кё.

Зная, что брат и сестра намеревались сделать, Аса опасалась худшего. Что-то случилось с Мари. Теперь, когда у нее было больше информации, ее разум немедленно начал устанавливать связи. Это явно был Кё. У нее не было ни малейшего доказательства, но она не доверяла ему с момента их встречи. Он каким-то образом предал брата и сестру, поэтому им нужен был двойник для Мари. Кё командовал, хотя приказы якобы исходили от Хироми.

Внутри Асы пылала ярость. Она подошла к краю их лагеря и наблюдала за вторым днем осады. Войска дома не планировали входить в город, довольствуясь тем, что лучники делали работу за них. Больше не было волн стрел, но одинокие стрелы с огнем летели в районы города наугад.

Коджи подошел и встал рядом с ней. Она была уверена, что он пришел к тем же выводам.

— Что ты хочешь сделать?

— Я хочу убить Кё.

— Как думаешь, они еще живы?

Этот вопрос тоже волновал Асу. Если Хироми и Мари выжили, это нужно было ставить на первое место. Но Аса отчаялась. Каковы были шансы, что враг оставит лорда врагов в живых, особенно если он уже контролировал армию лорда через посредника?

Она вздохнула. Но, если был хоть какой-то шанс, что Мари осталась жива, она должна была попытаться. Она была бы где-нибудь в лагере Каташи.

— У нас есть униформа дома Амари?

— Да. У нас есть все дома. Когда ты хочешь пойти?

Аса разглядывала поле боя вдалеке.

— Не днем. На этот раз нам понадобится ночное прикрытие.

Коджи нахмурился.

— Разве не будет слишком поздно?

— Нет. Звездопад не падет сегодня, какой бы ущерб они ни нанесли. И если Мари жива, я не вижу причин, по которым это скоро изменится. Лучше иметь прикрытие тьмы. Мы не переживем погоню, как вчера. Наш вход и выход должны быть незамеченными.

Коджи встал и опустил руку ей на плечо.

— В таком случае тебе следует немного отдохнуть.

Проникновение в лагерь стало для Асы старым трюком. Чем больше она практиковалась в проникновении в якобы защищенные места, тем больше понимала, насколько легкой могла быть задача при правильном обучении.

Под покровом темноты они с легкостью прорвались через край лагеря Каташи. Патрули были разбросаны повсюду, и, хотя они могли поймать тех, кто не имел чувства, Аса и Коджи избежали обнаружения.

Как обычно, испытание началось по мере того, как они углублялись в лагерь. Во внешних рядах, где солдаты ложились спать, дуэт никто не допросил. Они носили красную форму дома Амари, и люди свободно слонялись. Аса понимала отсутствие защиты здесь. Даже если они обнажат мечи и начнут пробивать себе дорогу сквозь солдат, эффект будет ограничен.

Один пьяный мужчина чуть не сорвал их прикрытие. Аса уловила его приближение, но не обратила на него внимания. Но когда он увидел Коджи, он, казалось, подумал, что это был его давно потерянный напарник. Пьяный солдат крикнул, призывая всех собраться, привлекая к ним слишком много внимания.

Аса застыла, не зная, что делать. К счастью, у Коджи не было такой проблемы. Он сжал мужчину, не пуская воздух в его горло, и тот потерял сознание. Мужчина был так пьян, что едва сопротивлялся, думая, что все нападение было шуткой, пока не стало слишком поздно. Коджи оставил мужчину без сознания на земле. Любой, кто проходил мимо, учуял бы

алкоголь и сделал собственные выводы.

Когда они приблизились к внутреннему кольцу палаток, которое обозначало укрытие командиров и слуг лорда, они остановились, чтобы обдумать приближение.

Коджи прошептал ей на ухо:

— Ты хоть представляешь, где она может быть?

Аса почти покачала головой, но потом передумала. Если бы она была лордом, похитившим леди, что бы она сделала? Она хотела бы держать женщину поближе к своей палатке. В противном случае могли возникнуть вопросы, почему лорд ходил так далеко. Но не в личной палатке лорда. Если то, что увидела Аса, было каким-то признаком, в его палатку заглядывали солдаты, и если о похищении не было общеизвестно, риск обнаружения был слишком велик.

Это дало им направление поисков и сузило варианты. Она объяснила догадки Коджи, и он согласился.

Их целью стали палатки в центре лагеря. Аса успокоила дыхание и расширила чувство, готовясь идти впереди.

В конце концов, в патрулях образовалась брешь, и Аса и Коджи проскользнули во внутренние кольца палаток. Аса надеялась, что как только они подойдут достаточно близко к центральным палаткам, они смогут почувствовать Мари. Она думала, что провела с леди достаточно времени, чтобы определить ее энергию в толпе.

Они не торопились, пробираясь через внутренние кольца палаток. Аса делала каждое движение намеренно, отслеживая патрули, пока они перемещались. Чем больше она практиковалась, тем легче ей становилось применять новые навыки. В таком переполненном пространстве она все еще могла направить чувство только на пару десятков шагов в стороны, чтобы ее не захлестнула информация, но это было существенным улучшением по сравнению с тем, что было раньше.

Коджи без проблем следовал за ней. Он вел себя как ее тень, не отставая ни на шаг, пара двигалась почти как одно целое. Она предположила, что он, вероятно, использовал чувство, чтобы точно знать, когда и куда она шагнет.

Аса глубже погрузилась в осознание, которое Дайсуке так упорно старался привить ей. Коджи, несмотря на всю свою силу, не мог направить чувство так далеко, как она. В этой толпе, пока они оставались инкогнито, их безопасность была в ее руках.

Вскоре они достигли поляны, отделявшей внутреннее кольцо палаток от центра. Здесь не было патрулей, только стражи, защищающие своего лорда. Аса не ощутила способа проскользнуть незаметно, поэтому двое отступили на несколько шагов, чтобы подумать.

Они не могли ускользнуть от патрулей всю ночь. Как бы хороша ни была Аса, в конце концов, они окажутся в ловушке. Им нужно было найти место, где они могли остановиться и попытаться использовать чувство, чтобы найти Мари, место, где их не обнаружат. К сожалению, все близлежащие палатки были заняты, и патруль был недалеко.

Аса неуверенно огляделась. Не предупредив Коджи, она молча прорезала щель в одной из палаток, скользнула в темноту.

Коджи тихо последовал. Они находились в палатке командира отряда, его тихий храп наполнял пространство. Аса зашептала Коджи так тихо, как только могла. Она будет искать Мари. Ему нужно было убедиться, что они в безопасности. Он кивнул, и она уперлась руками в землю, ища женщину, которая держала их надежды в своих руках.

Ее чувство расширилось, минуя тех, кто, как знала Аса, не мог быть Мари. Она

исследовала сердце лагеря, обнаруживая и отбрасывая людей одного за другим. Время потеряло смысл. Но Мари присутствовала в палатке неподалеку. Аса попыталась сосредоточиться, но из-за толпы Мари была на границе ее досягаемости. Аса ощутила активность вокруг Мари, но расстояние было слишком большим, чтобы точно знать, что происходило.

Коджи похлопал Асу по плечу, немедленно перенеся ее в настоящее. Она открыла глаза и увидела свет, танцующий за прорезью, проделанной в палатке командира. Она выругалась. Какой-то настороженный охранник обнаружил порез и стал проверять. Ее чувство вернулось к ней, когда она сосредоточилась.

Коджи скользнул вперед, медленно вытаскивая нож. Аса оглянулась на командира, тень на кровати, все еще тихонько храпящую. Она вытащила нож, на всякий случай.

Щель открылась, и палатке озарил огонь, временно ослепив Асу. Страж удивленно хмыкнул, когда его факел осветил лицо Коджи. Рука Коджи вытянулась и притянула к себе стража, факел упал на землю. Палатка начала загораться, и командир проснулся, когда Коджи вонзил нож в сердце стражнику.

Командир даже не успел среагировать. Аса развернулась на коленях и зажала его рот рукой, проведя ножом красную линию на его шее. Она подождала несколько драгоценных моментов, пока жизнь покинет его, а затем сосредоточилась на том, чтобы выбраться из огня.

Коджи уже был снаружи в двух палатках от нее, прятался в тени. Огонь был и помощью, и проклятием. Он отвлек стражей от них, но и сообщил всем, что что-то в лагере не так.

Аса выругалась. Им придется двигаться быстро.

Глава 24

В темноте сундука Мари потеряла счет времени. Как только крышку опустили, она перестала бороться. Каташи явно продумал детали ее похищения, и она не могла теперь влиять на события. Гораздо лучше было сотрудничать, насколько это было возможно, и вызвать ложное чувство безопасности.

Они не упрощали дело. Некоторое время она была заперта в сундуке, и ноги сводили судороги, а все тело покрыл пот. Двигаться было невозможно, и Каташи не позаботился о вентиляции. Временами она волновалась, что умрет от нехватки воздуха.

Несмотря на отсутствие намека на свет, Мари знала, что сундук находился на солнце. Стенки были теплыми на ощупь, давили на нее. Ее тело было согнуто под неудобным углом, и с течением времени агония становилась все более сильной.

Наконец, сундук открыли, и Мари глубоко вдохнула через нос. Свет ослеплял, хотя она видела, что находилась в палатке, освещенной лишь горсткой свечей. Она сморгнула слезы, которые выступили у нее на глазах.

Стражи грубо вытащили ее из сундука, и иглы боли побежали по ее телу. Они попытались поставить ее на ноги, но она упала, ее мускулы не желали реагировать даже на самые простые команды.

Мари надеялась, что они хотя бы уберут кляп и дадут ей воды. Вместо этого один из стражей надел ей на шею железный ошейник и приковал цепью к основной опоре палатки. Затем они задули свечи и оставили ее в темноте.

Не имея лучших вариантов, Мари попыталась немного отдохнуть. Она не знала, что ждало ее в будущем, поэтому полагала, что любой сон, который она сможет получить, принесет пользу. Вскоре она обнаружила, что с ошейником и кляпом было сложно заснуть,

но ее все-таки забрала усталость.

Она проснулась от того, что в палатку вошел мужчина с факелом. Она неуклюже открыла глаза, пришла в себя и увидела, что это был Каташи. Ткань на входе палатки была открыта, и она увидела, что был еще вечер или, возможно, раннее утро. Несмотря на это, она посмотрела на него со всем гневом, который могла собрать, надеясь, что, возможно, ее взгляд сделает то, чего не могли сделать мечи.

Каташи выглядел совершенно невозмутимым, как и во время их фиктивных мирных переговоров. Он все еще выглядел манипулятором, который все продумал, который предсказал события и наслаждался плодами своего планирования.

Мари хватило ума не дергаться в путях. Она хотела свободы, но это ей не поможет. Каташи не поверит, что она была робкой, но если она сможет убедить его, что не была главной угрозой, у нее будет шанс. Нож все еще был спрятан на ее бедре.

Он улыбнулся, сев на колени перед ней.

— Леди Мари, мне очень жаль, что наша встреча произошла при таких обстоятельствах. Не знаю, в курсе ли ты, но я восхищался тобой издавна много лет.

Его слова сбили Мари с толку. Он ею восхищался? Они не виделись с детства. В этом не было смысла.

Он уточнил:

— Из всех лордов и леди Королевства я всегда чувствовал, что мы с тобой во многом похожи. Ты, конечно, имела несчастье родиться леди в стране, которая не дает женщинам власти. Я родился младшим братом человека, который обладал всеми качествами лидера с большим долголетием.

Мари не знала, куда ведет Каташи, но слушала, пытаясь увидеть, был ли способ обратить его слова в свою пользу.

— Как и я, ты открыла истину, которую мало кто понимает. Настоящая власть приходит не только благодаря командованию армиями. Власть исходит от информации. Обладая правильной информацией, можно подчинить человека своей воле, заставить его танцевать под твою песню, согласна?

Мари соглашалась, что информация была важна, но она всегда думала, что так можно было принимать наилучшие решения. Манипулирование людьми было бесчестным и низким использованием дара.

— Вижу, ты можешь не соглашаться. Но позволь доказать тебе это. К тому времени, когда мы закончим, я уговорю тебя выйти за меня замуж по твоей собственной воле.

Мари подумала, что ничего, что мог бы сказать Каташи, не удивило бы ее, но она ошибалась. Предложение, если оно было таким, было последним, чего она ожидала. Это не могло быть правдой.

Каташи ухмыльнулся.

— Это будет весело. Во-первых, мне очень жаль, что мне пришлось убить твоего брата. Он казался порядочным лордом, но мешал моему плану, и я не мог этого допустить. Я расскажу тебе, во что я верю. Во-первых, я всем сердцем верю, что Королевству лучше без клинков. Ты можешь подумать, что это из-за того, что они убили моего старшего брата. Это немного повлияло на мои взгляды, но не сильно. Между мной и Шином не было любви, и я какое-то время это ощущал. Дело в том, что клинки делают нас слабее. Мы слишком долго полагались на них, чтобы уладить конфликты между великими домами. Но они так же склонны к ошибкам, как и мы, и мы видели это все чаще за последние несколько лет. Они

сильные, но, полагаясь на них, мы слабеем.

Каташи, пока говорил это, смотрел только на Мари, и ей казалось, что он читал и понимал даже малейшее дергание глаза.

— Вижу, ты согласна или, по крайней мере, придерживаешься той же мысли. Меня это не удивляет. Ты всегда был одной из самых умных людей, которых я знал. Так что с клинками надо разбираться. Здесь мы не согласны. Я знаю, что ты очень хотели увидеть их возвращение в общество, но в этом заключалась твоя слабость доброты. Некоторое время это может сработать, но такие сильные люди не могут сосуществовать с более слабыми. Медведь не дружит с оленями, а тигр не дружит с мышами. Единственное решение — устранить их и изгнать с нашей земли. Теперь ты понимаешь, почему мне пришлось убить твоего брата. Я почти получил его там, где хотел. Через генерала Кё он был готов уничтожить их всех. Но потом пришла ты, и он передумал. Ты всегда была непредсказуемой, леди Мари.

Мари думала лишь о том, что если бы она не убедила Хироми попытаться спасти клинков, он мог бы быть все еще жив. Неужели она стала причиной его смерти, хотя и неумышленно? От этой мысли ее чуть не стошнило в кляп.

— Я перейду к делу. Хотя я восхищаюсь тобой, мной движет логика, и мне все равно, жива ты или умрешь. Но моя жизнь была бы намного проще, если бы ты осталась жива и решила выйти за меня. Тогда наши дома можно будет официально объединить, и эта война будет почти окончена. Если бы ты хотела, ты могла бы и дальше править землями своего дома как моя королева. Я знаю, что ты попытаешься придумать альтернативы. Ты женщина, движимая честью, как и твой старший брат. Тебя меньше заботит то, чего ты хочешь, и больше — то, что ты считаешь *правильным*, — он подчеркнул последнее слово, будто это было какое-то проклятие. — Я избавлю тебя от работы. Альтернатив нет. Кё теперь командует твоей армией, и если ты откажешься от моего предложения, он станет лордом твоего дома при моей поддержке. Никто не будет ему противостоять. Клинкам, несмотря на всю их силу, конец. Началась цепь событий, остановить которую не могу даже я. Либо ты умрешь здесь, и никто не узнает, либо ты сможешь править как моя королева и делать для своего народа все, что пожелаешь. Меня это не волнует.

Мари ненавидела себя, но она верила ему.

Каташи встал.

— Такие решения сложно принять. Я знаю, ты захочешь время обдумать свое будущее и судьбу своих людей. Наше нападение на Звездопад начинается сегодня. Я приду к тебе, когда смогу, может, через день или два после победы над клинками. Я буду ждать ответ к тому времени. До этого тебя будут кормить и поить водой. Но я должен уточнить: если сделаешь что-то, что вызовет у стражей подозрения, им приказано не сомневаться или задавать вопросы. Они убьют тебя немедленно. Если скажешь хоть одно слово, они сразу убьют тебя. Понятно?

Она понимала.

— Хорошо. О, и последнее, — сказал Каташи. Сердце Мари сжалось. Она ни на секунду не поверила, что это был его последний удар. — Моя сеть теней лучше твоей. Я знаю, кто убил твоего брата. Тот же самый клинок ночи, который убил моего, еще кое-что общее между нами. Это молодой клинок ночи, очень сильный. Его зовут Коджи.

На этот раз Мари была благодарна за то, что была связана. Пути заставили ее оставаться на месте. Если бы не они, она бы расхаживала и била все, что могла.

Каташи ушел, не сказав больше ни слова, оставив Мари разбираться с информацией, которую он ей дал. Она не сомневалась, что он знал, что она была знакома с Коджи.

По ее лицу текли слезы, и она сжалась на земле. Она не могла вспомнить, когда в последний раз теряла контроль над собой, но ярость и печаль пронзали ее друг за другом, каждое ощущение заполняло пробел, оставленный последним. Она ему доверяла! Как он мог осмелиться служить ей после того, что сделал?

Если то, что сказал Каташи, было правдой, Коджи направил их на этот путь войны. Коджи убил ее брата и оставил его труп замерзать на холодном осеннем воздухе.

Некоторое время она сомневалась в откровении. Это была еще одна уловка Каташи, попытка отделить ее от одного из ее самых сильных сторонников. Это была хитрость.

Но ее сердце знало правду. Это объясняло поведение Коджи в последний раз, когда они были вместе. Вот почему он хотел отдалиться от нее. Вот почему он не хотел руководить. Если бы кто-нибудь узнал, что Мари была лидером человека, убившего короля, у ее движения не было бы никакой надежды.

Она ненавидела правду. Она возмущалась и пыталась забыть. Он же верно служил ей и выполнял все ее приказы!

Или он был тенью? Каташи, казалось, знал все.

Ее мысли металась по кругу, но все время возвращались в одно и то же место. Если она когда-нибудь снова увидит Коджи, она убьет его сама. Ее еще никогда так не предавали. Он не просто умрет; он будет страдать за то, что сделал.

Солнце взошло, и со временем ее эмоции притупились. Боль все еще была, зияющая дыра, которую вряд ли могла заполнить даже месть.

Стражи принесли завтрак и чашу. Они были осторожными, словно она была опасной преступницей, которая могла как-то убить трех обученных и вооруженных стражей. У нее еще был длинный нож на бедре, но она не собиралась использовать его сейчас. Мари помнила угрозы Каташи, старалась не тревожить стражей. У нее пока что была новая цель в жизни. Они убрали кляп, и Мари чуть не поблагодарила их, но остановила себя. Она медленно поклонилась.

Стражи не развязали ее, а накормили сами. Мари было неловко, и ее гнев стал еще сильнее. Когда стражи ушли, она не вставила кляп, но их взгляды обещали наказание, если она будет кричать.

И Каташи. От одной мысли о нем ей хотелось кричать в ярости. Его холодное безразличие злило ее. Но его слова были разумными, хорошо составленными. Она презирала идею убийства клинков, но его идея была ясной. У него был план, а она смогла лишь глупо бежать вперед.

Она ненавидела его, но его идеи проникали в ее сознание, росли и пускали корни. Он дал ей понять, что делать, и разве быть живым не лучше, чем быть мертвым? Пока она была жива, она могла помогать своему народу.

Потом снова потекли слезы. Она не хотела так думать. Каташи блестяще играл ею, обещая власть, но у нее не было причин доверять его словам. Он предал всех, с кем встречался, от ее брата до генерала Кё. Мари не сомневалась, что, если она примет предложение лорда, Кё умрет в течение месяца.

Она вспомнила фальшивые мирные переговоры. Если бы Каташи просто убил ее брата, как только у него появилась возможность, она бы чувствовала себя иначе. Но он затянул встречу, даже не пытаясь убедить Хироми в его идее Королевства без клинков. Это были

действия не разумного человека, а того, которому нравилось заставлять других танцевать под его дудку, как он делал теперь с Мари. Они были под знаменем перемирия.

Мысль о смерти Хироми укрепила ее решимость. Она не примет предложение Каташи. Она освободит себя и принесет справедливость в Королевство всем, кто пострадал.

Все, что ей нужно было сделать, это сбежать. Идея казалась такой же невозможной сейчас, как и раньше.

Мари решила подождать, пока представится возможность. Каташи сказал, что не вернется через день или два, так что у нее было время. А до тех пор она будет действовать так, как ожидали ее враги, позволяя им думать, что она побеждена.

Она поклонилась трем стражам, когда они принесли ужин, и не пожаловалась, когда они оставили ее без постели на вторую ночь. Она плохо спала, но каждый раз, просыпаясь, она прислушивалась и ждала удобного случая.

Второй целый день ее плена прошел, и в тот вечер ей представилась возможность. Она слышала, как стражи разговаривают друг с другом. За пределами ее палатки всегда было трое, но одному было приказано явиться к командиру. Только двое будут охранять ее весь вечер. Она решила, что это был самый хороший шанс, который у нее мог быть.

Ее движения были медленными и контролируруемыми. Она не осмеливалась издать шум, который мог бы насторожить солдат снаружи, и старалась работать так, чтобы, если бы один из них заглянул внутрь, он не ничего заподозрил бы.

Первой проблемой было добраться до ножа, привязанного к бедру. Как можно медленнее она опустила руки к оружию, сгибаясь и изгибаясь, пока не дотянулась. Несмотря на агонию положения, Мари не издала ни звука. Она высвободила нож, радуясь тому, что он выскользнул из ножен без шороха.

Убедившись, что нож был крепко сжат в руке, она начала перерезать веревки, которые держали ее. Она начала с запястий. Она надеялась, что, когда освободит их, станет легко. Углы были неправильными, и она изо всех сил пыталась найти опору, чтобы лезвие могло прорезать веревку.

Несмотря на страх быть обнаруженной, она продолжала медленно работать. Это потребовало от нее максимальной дисциплины. Она продолжала поглядывать в сторону входа в палатку, опасаясь, что страж выберет именно этот момент, чтобы проверить ее.

Она почувствовала, как веревки на ее запястьях ослабли, и с тихим треском они разорвались. Мари затаила дыхание, испугавшись того, что этот звук услышали.

Убедившись, что ее не заметили, она продолжила очень медленно. Цепь, прикрепленная к ее ошейнику, звенела при движении, поэтому она делала все, что могла, чтобы поддерживать постоянное давление на нее.

Со свободными запястьями Мари за миг разрешила веревки на лодыжках. Из проблем остался только ошейник. Она не знала, как он застёгивался, надеялась, что могла его снять теперь, когда ее руки были свободны.

Работа с ошейником была самой деликатной частью побега. Железо издавало больше шума, чем веревка, и попытки сделать ошейник и цепь тихими забрали все ее силы. Она не могла развернуть ошейник, а держала его на месте, поворачиваясь, не давая звеньям цепи звякать.

Она не могла видеть, что было у нее ниже шеи, поэтому проверила застежку пальцами. Она молча выругалась. Ошейник нельзя было снять без кузнечных инструментов. Ее охватило отчаяние, и пару мгновений она подумывала покончить с собой.

Но Мари отказалась принимать такие мысли. Она изучила цепь в поисках слабых звеньев. Шансов найти это было мало, но это было лучше, чем ничего.

Когда она проследовала за цепью, ее взгляд остановился на другом конце, где она была прикреплена к центральному столбу палатки. Тот, кто проделал эту работу, не проявил особой тщательности. Цепь трижды обернули вокруг шеста, а затем через три звена протянули штифт, чтобы удерживать ее на месте. Связанная, она никак не могла подняться достаточно высоко, чтобы сделать что-нибудь, но теперь вынуть штифт будет несложно.

Мари сделала это, стараясь не шуметь. Она осторожно размотала цепь, будто обнажала боевую рану. Теперь она была свободна. Но она предположила, что находилась в центре вражеского лагеря, и если таскать с собой длинную цепь, она вызовет подозрения.

По шагу за раз. Она добилась прогресса. Прежде чем сделать следующий шаг, Мари оглядела палатку. Как она и ожидала, тут не было никакого удобного оружия. У нее был только нож. Этого должно хватить.

Мари обернула цепь вокруг своего туловища, чтобы она, по крайней мере, не шумела. Решив, что она была настолько готова, насколько могла, Мари выглянула из палатки.

Двое стражей стояли к ней спиной и смотрели на лагерь. Как и подозревала Мари, она была недалеко от центра.

Вдруг недалеко, среди палаток вокруг сердца лагеря, вспыхнул огонь. Все тут же посмотрели туда, и Мари знала, что шанса лучше не будет.

Она за пару мгновений успокоила дыхание. Важно было сосредоточиться, если она хотела выжить.

А потом она впервые убила.

Единственная ее мысль, когда она вышла из палатки и вонзила нож между ребер стража, прямо в его сердце, заключалась в том, что лишиться жизни не должно быть так легко. Ее руки двигались почти по собственной воле, вытащили нож из солдата и ударили второго стража, когда он повернулся.

Ее второй удар был не таким точным, как первый, но он сработал. Она крепко сжимала нож, боясь, что единственное оружие выскользнет из рук. Когда второй мужчина повернулся, нож разрезал орган за органом. Смерть охранника не была чистой, но годилась. Мари вытащила окровавленный нож из стража, когда он упал, застыла в шоке, глядя на свою работу.

Она подняла взгляд, пытаясь заставить ноги пошевелиться. В этот момент две тени в форме дома Амари отделились от палаток через дорогу. Мари взяла себя в руки. Она даже не успела сделать несколько шагов от палатки, где ее держали в плену.

Одна из теней сбросила капюшон и вышла на свет, и Мари поняла, что смотрит на Асу и Коджи, двух последних людей, которых она ожидала тут увидеть. Она крепче сжала нож, отчаянно желая, чтобы Коджи подошел ближе, чтобы она могла нанести удар.

Клинки ночи остановились вместе, и Мари проклинала себя. Конечно, они смогут уловить ее намерения. Каким бы сильным он ни был, она могла бы с таким же успехом зажечь предупредительный маяк. На их лицах отразилось замешательство. Аса медленно шагнула вперед.

— Мари, мы здесь, чтобы спасти тебя, — Аса огляделась, словно убеждалась, что поблизости никого не было. — Мы можем уйти, пока они в смятении, но это нужно делать сейчас.

В сердце Мари возникли противоречия между гневом и разумом. Она хотела убить

Коджи, но ей нужно было выжить. Ее работа еще не была закончена.

Она медленно опустила нож, убрала его в крови в ножны. Два клинка ночи по-прежнему выглядели обеспокоенными, но вместе они развернулись и пошли прочь из лагеря.

Глава 25

Коджи пережил два удивления за пару мгновений. Первым было то, что Мари сама начала побег, убила двух стражей в процессе. Это как-то не вязалось у Коджи. В его глазах Мари не должна была убивать. Это было не в ее природе.

Вторым было то, что она хотела его убить. Когда он ощутил ее намерение, он почти усомнился в своем даре. Однако разум быстро проявил себя. Была только одна причина, по которой ее отношение к нему так быстро изменилось. Она знала.

Это потрясло его почти физически. Всегда был шанс, что она узнает правду, но с каждым прошедшим днем он все больше думал, что секрет, возможно, никогда не откроется.

Аса заставила их двигаться, Коджи все еще пытался смириться с тем, что только что произошло. Он следовал за Асой, она добыла форму для Мари. Он пошел за ними, когда Аса использовала свои навыки, чтобы вывести их из лагеря. Когда они оказались в безопасности, Мари повернулась к ним обоим, ее лицо исказил едва сдерживаемый гнев.

Однако то, что она сказала, застало Коджи врасплох.

— Нам нужно убить Кё. Сколько с вами?

Аса дала Коджи первый шанс ответить, но когда он не ответил, она сказала:

— Недостаточно, Мари. Чуть больше двадцати — вот и все.

— Сколько клинков ночи?

— Двадцать один.

Коджи знал, что этого мало против армии. Мари, похоже, это не волновало.

— Их должно хватить. Они все еще верны? Смогут выполнить невыполнимую задачу?

Коджи ответил, впервые с тех пор, как они встретили Мари в лагере:

— До конца, миледи.

Мари пристально посмотрела на него яростным взглядом, ее глаза впились в него, снимая слои его личности, пока она не достигла сердцевины его существа. Возможно, он вообразил это, но ему показалось, что ее глаза на мгновение смягчились.

— Хорошо. Пойдем к ним и подготовимся. Выходим на рассвете.

Они добрались до лагеря, где прятались клинки, наблюдая за резней внизу. Аса собрала всех одаренных вместе, а Коджи отошел, позволяя своим мыслям разгуляться.

Он почувствовал позади себя Асу, поддерживающую, но без вопросов. Если ему было что сказать, он бы это сказал. Он не повернулся и не взглянул на нее.

— Она знает.

Ему больше нечего было сказать. Аса была там. Она понимала это лучше, чем кто-либо другой.

— Что ты будешь делать?

Вот в чем был вопрос. За прошедшую зиму Мари стала больше, чем просто его командиром. Она была надеждой. Если она желала его смерти, он не видел больше причин жить.

— Сражаться за нее. Умру за нее, если смогу.

Он почувствовал изменение позы Асы. Хотя он не видел ее, он знал, как ее огорчил ответ.

— Тогда больше ничего нет, да?

Коджи смотрел вдаль. Аса, как всегда, была права. Его путь был чист. Только одно беспокойство не давало ему покоя.

— Как ты думаешь, она поймет?

— Может быть. Я не знаю. Но она будет знать о твоих действиях. Больше ты ничего не можешь сделать.

Коджи глубоко, судорожно вздохнул. Больше ничего не было. Уверенный в своей цели, он последовал за Асой к клинкам. Они прибыли последними, и Мари не теряла времени, обрисовывая свой план.

По большей части это не удивило Коджи, но неодобрительное роптание прокатилось по кругу, когда Мари сказала им всем, что снова хочет использовать деревянные мечи.

Даже ее командир, никогда не сомневающийся в Мари, был удивлен.

— Мари, наша миссия уже достаточно опасна. Отказ от использования настоящих мечей обрекает любую попытку.

— Я понимаю ваше беспокойство и знаю, как это звучит, — сказала она. — Но это суть нашей работы. Вот почему вы в первую очередь последовали за мной. Я хочу создать новый мир. Победа не будет бескровной, но большинство солдат там просто люди, которые стараются изо всех сил. Некоторые из них профессиональные солдаты; другие — фермеры и мальчики, которых забрали из домов, чтобы они сражались за своего лорда. Я только прошу вас использовать деревянные мечи, пока мы не прорвемся за периметр почетного караула. Затем вы можете взять сталь и пролить столько крови, сколько захотите. Это те люди, которые предали доверие моей семье, и они получают по заслугам.

Коджи, как всегда, был впечатлен. Оглядевшись, он увидел, что ее слова убедили группу клинков действовать почти без насилия, все еще держа в руках оружие. Увидев, что она снова вдохновляет группу, его решение укрепилось. Он сделает все, что в его силах, чтобы ее дело увенчалось успехом.

После собрания Мари сознательно избегала Коджи. Он понял и не задавал вопросов. Аса была права. Он позволит своим действиям говорить за него.

Когда на следующее утро взошло солнце, оно взошло над Мари, окруженной своей ничтожной силой, стоящей между армиями дома Кита и Звездапада. Они заняли позиции еще до рассвета. Мари понимала силу театра и планировала использовать ее в полной мере. На длинном шесте трещало знамя дома Кита на утреннем ветру, меч и молот, символы ее дома, открытые для всеобщего обозрения.

Все, кроме Мари, шли пешком в своих традиционных черных и белых одеждах. Коджи чувствовал себя расслабленным, он был рад одежде, которая отмечала его как клинка ночи. Перед ними стояла многотысячная армия.

У плана Мари не было ни капли стратегической логики. Если бы Коджи планировал утреннюю атаку, он бы одел их всех в форму дома Кита, пробрался в строй парами и посеял смятение во всей армии.

Это не было целью Мари. Она хотела, чтобы армия была ее собственной, и независимо от того, верила ли она, что сможет получить власть, она вела себя так, будто результат был уже предопределен.

Коджи окинул взглядом ряды солдат перед ними. Мари рассчитывала на смятение, удивление и свой статус среди ее людей, которые казались Коджи очень слабыми, но он был готов последовать за ней, чтобы увидеть, к чему приведет этот день.

Не он один. Несмотря на глупость этого плана, все в группе Коджи остались, каждый противостоял силе, которая превосходила их сотнями к одному. Рядом с ним Аса была другим концом копья. За поясом, помимо двух коротких мечей, она несла две палки толщиной в половину ее запястья. Она хотела двойное оружие для предстоящей битвы, но ни у кого не было двух достаточно коротких деревянных мечей. Она обходилась палками.

Аса и Коджи переглянулись, но сказать было нечего. После мягких слов Мари вся группа направилась к армии. Их темп был медленным и размеренным. Каждый из них оставил свое оружие, даже деревянное, за поясом.

Клинки приближались, и первые ряды армии подняли копья, преградив путь. Это была проблема, но не такая большая, как стреляющие по ним лучники. Вылетело несколько случайных стрел, но большинство упало на безопасном расстоянии. Клинки шли дальше. После первых нескольких залпов атаки прекратились, и группа Мари продолжала беспрепятственно продвигаться вперед.

Взгляд Коджи метался, он задавался вопросом, как долго продержится их удача. Он видел сигнальные флаги, развевающиеся по всему строю, и не сомневался, что командирам приказывают атаковать. Но никто этого не сделал, и Мари и ее воины продолжали сокращать разрыв.

Мари тихо призвала их остановиться в десяти шагах от кончиков копий. Коджи изо всех сил пытался вдохнуть. Напряжение было сильным, но все равно никто не нападал. Клинок ночи почти хотел, чтобы кто-то это сделал, просто чтобы дать ему конкретную цель.

Мари позволила передовой хорошо разглядеть ее лицо. Коджи увидел, как кончики копий дрогнули, когда воины узнали леди дома, которому они служили. Последняя выжившая из правящей там семьи тихо заговорила, и клинки ночи возобновили приближение, ладони были далеко от настоящих и деревянных мечей, так они представляли меньшую угрозу.

Коджи думал, что напряжение не могло стать сильнее, но теперь оно было физическим, как сплошная стена, которую он пытался пробить. Кончики копий были в десяти шагах, в пяти. Он сделал еще несколько шагов, в любой момент ожидая, что Мари скажет ему остановиться, но приказ так и не поступил.

Не зная, как действовать дальше, Коджи решил проскользнуть через небольшие бреши в защите, неуклюже продвигаясь вперед. Он видел страх и замешательство на лицах копейщиков. Пот выступил у них на лбу, и их взгляды метались, пока они ждали приказа, который указал бы им, что делать.

Коджи и Аса прошли первый ряд, но не атаковали. Коджи чувствовал, как некоторые копейщики оборачивались, ожидая, что сталь врежется в них сзади, но атаки так и не последовало. Еще больше клинков ночи и, наконец, Мари пробили себе дорогу сквозь опускающиеся копья, и момент напряжения начал исчезать.

Коджи все это казалось сном, и он вонзился носком в землю до боли, просто чтобы убедиться, что он не спал. Если бы они попытались напасть, стена копий убила бы их.

Пока они шли, Коджи начал слышать ропот солдат.

— Это леди Мари.

— Кто тогда с Кё? Я думал, там леди Мари.

— Почему леди Мари с клинками ночи?

Большинство были растерянными. Некоторые сердились. Но никто не напал.

Мари и клинки продолжили путь через армию к центру, где сидели Кё и его почетный

караул. Они прошли через ряды копий и среди пехоты. Здесь были пути, по которым можно было идти, разделение на отряды.

Коджи был удивлен разнообразием людей в армии. Были и те, кто был хорошо вооружен и держал оружие, сияющее в лучах утреннего солнца. Другие несли сельскохозяйственные орудия и носили то, что сложно было назвать доспехами.

Время от времени поднимался крик, спрашивая Мари, что происходит. Ее ответ был коротким и всегда одинаковым:

— Нас предали.

Они продолжали идти. Им преградил путь страж, умоляя их остановиться. Коджи осторожно оттолкнул его, и они продолжили путь.

План Мари сработал лучше, чем они ожидали, хотя Коджи не терял бдительности. Хватило бы одного человека, чтобы зажечь кучу сухих дров, на которых они стояли.

Если у них и было преимущество в нелепом плане Мари, так это то, что они носили свои мантии. Все в армии знали, что им предстоит столкнуться с клинками ночи. Коджи предположил, что знания спасали им жизни десятки раз при приближении. Сражение одной группы против другой создавало иллюзию безопасности. Но лицом к лицу, в ожидании, пока хоть один солдат сломает строй, многие знали, что нанести первый удар клинку ночи — это смертный приговор.

Фермер первым вышел из строя. Он бросился на Коджи с косой, отчаянно отталкивая любого солдата на своем пути.

Коджи не понадобилось чувство, чтобы увидеть приближающуюся атаку, и он спокойно обнажил деревянный меч. Он слегка пригнулся под косой и ударил мечом по шее мужчины сбоку. Фермер рухнул. Это был единичный момент, но он прорвал дамбу.

Они подходили один за другим, каждый солдат принимал индивидуальное решение атаковать. Многие отступили в более безопасные места в строю, но некоторые нападали. Все клинки обнажили оружие, и битва началась.

Несмотря на хаос вокруг них, Коджи чувствовал себя умиротворенным, и мир стал более ярким, все стало четче и яснее. Он знал, где будут атаки, еще до того, как они достигали его. Он тек, как вода, двигаясь вперед, не сопротивляясь, всегда находя способы обойти противников.

Если бы он умер, он знал, что это было ради Мари и ее идеи. Коджи верил, и он был готов пожертвовать всем ради нее. Его дар отвечал этой ясности цели.

Ощущение могущества и силы опьяняло. Он привык быть сильным и быстрым, но это было совсем другое. Он мог следить не только за своей зоной, но и за другими клинками. Если казалось, что клинок вот-вот сломается под атакой, Коджи менял свое положение, поддерживал товарища.

Иногда его внимание падало на Асу, которая казалась совсем другой женщиной. Две ее палки плясали замысловатыми узорами вокруг противников, разбиваясь их, как нос корабля — воду.

Несмотря на атаку, клинки продолжали двигаться вперед. Коджи ощутил, как жизнь уходит из одного из одаренных позади него. Она на мгновение забыла, что сражалась деревянным мечом, и попыталась заблокировать атаку. Сталь противника полностью прошла сквозь ее меч и туловище.

Они продолжали идти. Каждая жизнь стоила жертвы, если они достигнут цели, и они были близко. Когда Коджи освобождал хоть немного места, он смотрел, как далеко

находились ряды почетного караула Кё.

Пятьдесят шагов.

Двадцать.

Десять.

— Вытащить сталь! — крикнула Мари.

Коджи ощутил следующую волну атаки. Теперь он видел более яркие цвета почетного караула в пределах досягаемости. Он услышал команду Кё убить леди Мари.

Клинок ночи вонзил свой деревянный меч глубоко в живот солдата, который бросился к нему с безумием в глазах. Этот свет погас, когда солдат рухнул, и Коджи позволил ему забрать меч с собой.

Настоящий меч Коджи вылетел из ножен, его руки сжали рукоять, как давно потерянного друга. Два быстрых удара унесли жизни двух стражей караула, и Коджи оказался в самом центре хаоса.

Он не пытался понять, что мог сделать. Все, что имело значение, — это Мари. Он продолжал двигаться и резать, двигаться и резать. Почетный караул Кё, якобы лучшие не одаренные фехтовальщики на его родных землях, падал один за другим.

Но их было много, и они хорошо работали вместе. Коджи добился прогресса, но даже он чувствовал, что импульс начал сдвигаться. Изменение было незаметным, но то, что когда-то было легким продвижением, превратилось в утомительную работу. Один за другим начали падать клинки ночи.

Они начали уставать. Большинство из них были в отличном состоянии, но бой был утомительным, и за это они платили. Когда дело дошло до острой стали, даже небольшое колебание, небольшое снижение скорости могло иметь значение между жизнью и смертью.

Коджи двигался вперед с новой силой, отрезал себя от других клинков. Если бы он смог привлечь достаточно внимания, возможно, они смогли бы прервать контратаку и немного выдохнуть.

Его чувство было всем, что поддерживало его жизнь. Сталь пела вокруг него, воздух был наполнен мечами, жаждущими его крови. Каким-то образом он избегал смертельных атак. Но он не оставался невредимым.

Его кожа была вскрыта в десятке мест, порезы, которые он выбрал вместо более опасных ударов. На его правой ноге была глубокая рана, и, хотя нога держала его вес, он не мог прыгнуть так, как ему хотелось бы. Сотня маленьких порезов могла быть столь же фатальной, как и один глубокий, и он постепенно поддавался огромному количеству атак.

А потом рядом оказалась Аса, тоже в крови, ее два коротких меча двигались с поражающей скоростью. Весь бой вокруг них изменился. У них еще был шанс.

Атаки сыпались на них со всех сторон, но мечи Асы прикрывали спину Коджи. Он сосредоточился на убийстве почетного караула, рассекал их по одному.

Он знал, что у них не получится. Их прогресс в толпе был почти остановлен. Хоть они убили больше половины караула, те, кто остались, победят. Но Коджи не собирался делать победу простой.

Он был так сосредоточен на битве, что не почувствовал, как группа клинков ночи подошла позади него и Асы. Когда копыта были остановлены, остальная группа догнала их. Осталось немного. Восемь клинков окружили Мари, каждый был в крови как минимум из одной раны.

Голос Мари каким-то образом зазвенел над хаосом битвы:

— Отведите меня к Кё! Остальное не важно!

Подкрепление дало Коджи миг, чтобы увидеть, где находился Кё. Он был близко, оставалось всего около десяти шагов. Эти шаги были заполнены стражей, но Коджи сделал бы это, если бы это было последним поступком.

Что-то изменилось для него снова, его мир стал почти невыносимым по своей интенсивности. Мари и ее дело были всем, и дело было близко к завершению. Он повернулся к группе, отступив на шаг, когда перед ним пролетел меч.

— Мари! Иди за мной. Остальные — по бокам!

Мари повиновалась, и другие клинки ночи встали вокруг нее.

Коджи шагнул в новый мир.

Его меч всегда был для него как любовница. Он точно знал, как он ощущался в его руках, как он пел, когда резал правильно. Каждая деталь меча запечатлелась в его памяти. Но он никогда не двигался так, как в то утро.

Коджи чувствовал себя наблюдателем в собственном теле, которого притягивали и изгибали невидимые силы. Он знал, где будет каждая атака, и точно знал, где ему нужно быть в каждый момент.

Когда первый меч пронзил его живот, он не возражал. Принимая удар, он открыл последние несколько шагов между ним и Кё. Мари была прямо за ним, ее едва защищали оставшиеся клинки ночи. В частности, Аса уберегала ее от вреда, причиненного стальным морем, угрожающим лишить ее жизни.

Кё оказался перед ним, ударил своим оружием. Коджи встретил сталь сталью, взмахнул мечом изо всех сил. Мощь удара выбила меч из рук Кё, и в тот миг энергия Коджи угасла. Он рухнул, не успев нанести смертельный удар.

Его спина оказалась на земле, он смотрел на небо, меч торчал из его живота. Коджи думал, что хорошо постарался. Он видел, как Мари перешагнула его, восхитился ее бесстрашным лицом в конце всего этого. Нож Мари сверкнул и рассек шею Кё. Удар не был чистым, но сработал, это было важнее.

Коджи закрыл глаза и дал тени проглотить его.

Глава 26

Все в жизни Асы стало серией мгновений, воспоминаний, которые останутся в ее жизни навеки. Коджи выбил меч из рук Кё, рухнул, глаза были открытыми, но пустыми, меч торчал из живота. Атака Мари, она взмахом руки лишила Кё жизни. Флаг генерала упал на землю, его заменил флаг Мари.

Затем Аса моргнула, и жизнь вернулась в нормальное русло. Растерянность царила во всем, и хотя многие из почетного караула прекратили сражаться в момент гибели генерала, некоторые, похоже, не знали или не понимали, что произошло.

Меч Асы мерцали, танцевали, забирая жизни. С ее скоростью и двумя мечами ни у одного противника не было шансов.

Но она была измотана, тень парила на краях поля зрения. Она никогда раньше не боролась так усердно до этого. Если атаки продолжатся, она упадет, как и Коджи.

Голос Мари, сильный и ясный, заглушил схватку поблизости:

— Стойте!

Последний мечник замахнулся на Асу. Она отразила его удар своим левым мечом и вытянула правый, позволяя ему напороться на ее сталь.

Он был последним погибшим в битве.

Аса нервно огляделась. Никто не бился, но все были на грани. Неправильный шаг со стороны одного человека приведет к тому, что все снова выйдет из-под контроля. Мари, казалось, поняла это, ее голос зазвенел:

— Нас предали! Вы видите меня здесь, живую, хозяйку дома Кита. Есть еще сомнения?

Мягкий ропот прокатился по толпе. Мари была хорошо известна, и ее лицо узнавали. Аса наблюдала, как напряжение пропало из тел многих бойцов. Она огляделась. На ногах оставалось только три клинка ночи, и она была в лучшем состоянии среди них. Больше всего ей хотелось броситься к Коджи и посмотреть, жив ли он, но она боялась, что любое внезапное движение обречет их всех. Контроль Мари все еще был слишком слабым.

— Кё видел, как убили моего благородного брата Хироми! Он наблюдал, как меня взяли в заложники, чтобы принудить к свадьбе с домом Амари.

Ощущение собравшихся снова изменилось. Аса почти ощутила изменение отношения. Замешательство утихло, сменялось гневом. Мужчины здесь были верны своему дому, и любое предательство знати было предательством их всех.

— Друзья, знаю, многие из нас боятся клинков и их силы. Но, как и мы, они — люди и жители нашей земли. Двое из них пришли и спасли меня от дома Амари.

Настроение слегка изменилось, люди поблизости не знали, как принять примирительный тон Мари.

— Я не отвечаю за клинков, но я знаю следующее: пока я дышу, я не допущу, чтобы навредили тем, кто называет эту землю своим домом. Это включает в себя клинков, которые живут в Звездопаде.

Заявление вызвало неоднозначную реакцию. Аса снова напряглась, не желая биться, но понимая, что у нее может не быть выбора.

Мари, без сомнения, не колебалась. Она стояла там, высокая и дерзкая, женщина, впервые в истории Королевства взявшая на себя командование армией. Аса была уверена, что у нее ничего не получится. Сила и история были слишком сильны.

Ее спас далекий крик.

— Смотрите!

Аса повернулась вместе со всеми, посмотрела в сторону крика. Вдали армии Каташи наступали не на Звездопад, а на армию Мари. Аса нахмурилась, не зная, почему он пошел на такой риск.

А потом она поняла. Он не был дураком. Он видел, как Мари наступает на свою армию. Он не мог пропустить ее знамя, когда оно было поднято. Он считал, что Мари взяла на себя командование. Он ожидал, что она вступит в союз со Звездопадом, создав силу, с которой он не сможет сражаться. Его единственным вариантом было разделить и уничтожить, прежде чем они смогут объединиться.

Решение было именно тем, что было нужно Мари. Армия колебалась, и она могла немедленно объединиться под угрозой нападения. Некоторые, конечно, полагали, что Мари была их законным командиром, но Аса подозревала, что многие просто видели того, кто был готов взять на себя инициативу. Часто это было все, что требовалось.

Аса гадала, предвидела ли Мари такой поворот событий. Так показалось, когда леди повернулась к ней.

— Аса, у меня для тебя последнее задание. Ты знаешь Хаджими, верно?

Аса кивнула.

— Мне нужно, чтобы ты отправилась в Звездопад и нашла его. Скажи ему, что мы

предлагаем клинкам убежище, по крайней мере, сейчас, если они присоединятся к нам в битве против Каташи. Скажи им, чтобы они носили свои мантии, и мои войска не причинят им вреда. Ты можешь это сделать?

Аса посмотрела на поле, которое вскоре должно было стать смертельным полигоном. Она взглянула на Коджи. Ее сердце требовало, чтобы она оставалась с ним.

— Ты найдешь для него клинка дня?

Мари посмотрела туда.

— Пусть Великий Цикл заберет его.

Аса не согласилась с этим, и она шагнула к Мари.

— Он отдал все, что у него было, чтобы дать тебе шанс спасти твой народ.

Мари было непросто запугать. Даже клинку ночи.

— Он убил моего брата.

— Один поступок не определяет человека. Он ничего не сделал для тебя, кроме жертвы. Он верит в тебя, и ты, возможно, первый человек, в которого он когда-либо верил. Не доказывай, что старый он был прав.

С этими словами Аса бросилась искать лошадь. Она боялась, что если останется там дольше, то поднимет меч на Мари, и она не сможет с этим жить.

Цель Асы была проста, но добиться ее было трудно. Армия Каташи наступала, и с точки зрения Асы казалось, что отряд лучников продолжал делать все, что в их силах, чтобы обрушить на город смерть.

Несмотря на хаос, мысли Асы возвращались к Коджи. Ее слова к Мари эхом отдавались в ее ушах. «Один поступок не определяет человека».

Это был тот же аргумент, который приводил ей Дайсуке, прежде чем она пошла убивать Киоши.

Может, она ошибалась. Эта мысль приходила ей в голову сотни раз с того рокового дня, но никогда раньше она не оседала в ее сердце так, как сегодня. Она надеялась, что Мари была достаточно сильной, чтобы разорвать поймавший ее круг мести и убийства.

Со своего нынешнего положения Аса надеялась, что сможет приблизиться к одним из боковых ворот Звездопада, не привлекая особого внимания. Оказавшись там, она собиралась рисковать постоянно из-за падающих стрел. Невозможно было предсказать, что она найдет внутри этих стен.

После того, как она отыскала лошадь, Аса поскакала так быстро, как только было возможно. Она была не лучшей наездницей, и ей казалось, что она всегда была на грани того, что конь ее сбросит. Если бы ее ноги не были прочно засунуты в стремяна, а руки не сжимали поводья изо всех сил, она почти наверняка не смогла бы удержаться на месте.

К сожалению, Аса не двигалась достаточно быстро, чтобы полностью избежать внимания армии Каташи. Он, должно быть, искал именно такого посланника, потому что почти в тот момент, когда она вырвалась из рядов армии Мари, несколько всадников вырвались из строя Каташи и бросились на перехват.

Аса гнала изо всех сил, но вскоре поняла, что у нее не получится. Лошади ее врагов были быстрее ее коня и имели небольшое преимущество в расстоянии. И все же она ехала так быстро, как могла, надеясь, что, возможно, небольшая группа на стенах Звездопада увидит, что происходит, и выбежит помочь ей.

Когда вражеская кавалерия оказалась в пределах досягаемости лука, стрелы встретили

ее. Она попыталась как можно лучше оценить атаку и успешно уклонилась от первой волны. Вторая волна вонзилась вокруг нее, одна стрела даже оставила небольшую рану на ее спине. К тому времени, как полетела третья, расстояние было слишком маленьким. Две стрелы вонзились в ее лошадь, и животное рухнуло на землю.

К счастью, Аса слетела с седла перед столкновением с землей и полетела вперед, кувыркаясь. Она попыталась подняться, но ее тело на мгновение отказалось отвечать. Больше она ничего не могла сделать. Стрела, вонзившаяся в траву рядом с ней, дала ей необходимую мотивацию.

С трудом она поднялась на ноги и огляделась. Против нее были всего четыре человека, но они были умны. Никто из них не пытался атаковать ее, их лошади бегали вокруг нее, сохраняя дистанцию.

Аса не знала, что делать. Она не могла убежать от лошади, а мужчины были осторожны. Чувство предупреждало ее, когда кто-то собирался пустить стрелу, но у всех были полные колчаны, а ей хватит одной ошибки.

Не имея лучших вариантов, Аса побежала к Звездопаду. До стен было еще сотни шагов, но это было единственное направление, в котором она могла идти. У нее была слабая надежда, что один из всадников позволит ей приблизиться к нему, но круг двигался вместе с ней. Они были терпеливы.

Аса увернулась от одной стрелы, затем от другой. Она ощущала, как они натягивали тетивы, и если она двигалась в тот момент, когда они выпускали стрелы, они не попадали. Игра не могла длиться долго, но только в это она могла играть.

Она сделала около пятидесяти шагов, когда увидела, что ворота Звездопада открывались. Она выдохнула с облегчением. Теперь у нее был шанс. Десять, затем двадцать клинков ночи ринулись на лошадях, их крики разносились по равнине.

Еще десять шагов, и одна из стрел, наконец, попала в ее голень. Аса закричала в агонии и упала, пламя обожгло ее ногу. Клинки ночи были все еще слишком далеко, чтобы помочь. Еще одна поспешно выпущенная стрела попала в ту же ногу выше. Аса снова вскрикнула, агония была почти невыносимой.

Ей нужно было двигаться. Нужно было выжить. Здоровой ногой она пинала землю, впивалась руками, продвигая тело вперед, еще две стрелы вонзились в землю там, где она только что была, одна задела ее здоровую ногу.

Она не могла ползти быстро. Она ощутила, как один из всадников упал от стрелы, выпущенной клинком ночи. Ей нужно было еще несколько мгновений.

Всадники приняли решение. Двое из них поскакали к своей армии. Третий остался, приближался к Асе, жертвуя своей жизнью ради смертельного выстрела. Он натянул тетиву, и Аса почувствовала, что он вот-вот выпустит стрелу.

Она перекатилась, завывая, когда древки стрел вонзились в траву под ней, глубоко разрывая кожу и мышцы. Она слышала звон тетивы, и стрела вонзилась ей в грудь, едва не попав в сердце и пробив легкое. Она почувствовала, как булькала ее кровь, когда она пыталась дышать.

Сразу несколько стрел поразили всадника, убив его и сбив с коня.

Асе было все равно. Тьма быстро подбиралась по краям зрения, и когда вокруг нее собралась группа клинков ночи, она не могла сказать, где начинались их одежды и кончалось ее зрение.

Аса помнила лишь кусочки последнего этапа своего пути к Звездопаду. Клинки ночи не были готовы нести раненых, поэтому они понесли ее в руках — процесс, который, возможно, был самым болезненным из всех, которые она когда-либо переживала. Огонь сменили колющие иглы, и каждый вздох был физическим усилием, которое ей не хотелось делать.

Когда тень стены нависла над ней, Аса подумала, что умрет. Было бы приятно умереть в тени. День был приятным и теплым, и сон, даже вечный, был привлекательным.

Затем к ее лицу приблизилось доброе старое лицо. Аса не слышала, что он говорил, но его глаза успокаивали. Это были глаза, которые видели много лет и приобрели мудрость, которой мало кто обладал.

Асе показалось, что этот человек был ей знаком, но ее мысли блуждали, и ей было трудно сосредоточиться на какой-то одной.

Потом до нее дошло.

Он был библиотекарем в архивах Звездопада. Однажды он задержался допоздна ради нее.

Внезапная и всепоглощающая грусть охватила ее. Так много Звездопада было в огне, а многие бумаги в библиотеке были незаменимы. В них была история клинков, и теперь они исчезли, их прошлое было стерто в одно мгновение.

Затем она почувствовала новую агонию, вспышка энергии, разливающейся по ее телу. Затем три острых, почти ослепляющих точки боли, когда стрелы были удалены из ее голени и груди. Она закашлялась кровью, ее сжимали руки. Она увидела еще одну белую одежду, а затем еще одну. Неужели три клинка пытались спасти ее одновременно?

Она на какое-то время потеряла сознание, но когда пришла в себя, она была у двери внутри здания. Снаружи она услышала мягкий глухой звук. Она посмотрела на дорогу за зданием, пылающая стрела дрожала в грязи. Несколько мгновений она смотрела на стрелу, задаваясь вопросом, почему она там оказалась. Затем к ней вернулись воспоминания, и ее охватила кратковременная паника.

Сильные ладони спокойно сжали ее.

— Тише. Ты в безопасности, насколько это возможно.

Она даже не заметила мужчину рядом с собой. Она вздрогнула. Последним ее так удивлял Дайсуке, но он умел скрываться от чувства. Были еще такие, как он?

Когда способности Асы вернулись, она поняла, что находилась так глубоко без сознания, что потеряла связь со своим даром. Она глубоко вдохнула и сосредоточилась на воссоединении с чувством. К счастью, всего за несколько мгновений понимание пространства вокруг нее полностью изменилось, весь мир озарился жизнью и энергией.

Мужчина, тот же клинок из библиотеки, предложил ей еду, которую она приняла. Исцеление с помощью клинков было изнурительным как для клинков, так и для того, кого лечили. Будучи молодой ученицей, Аса слышала анекдоты о клинках, которые предпочитали умереть, а не страдать от исцеления, но она была благодарна за каждый вдох, который она делала, даже если казалось, что тело могло рухнуть в любой момент.

Она перешла к делу, жуя кусочки вяленого мяса.

— Где Хаджими?

— Он в зале совета. Он пытается сделать все, что в его силах, чтобы обезопасить нас, но шансов что-то сделать все меньше.

— Мне нужно к нему.

Взгляд клинка дня метался от двери к дороге за ней. Он выглядел так, будто собирался сделать предупреждение, но потом передумал.

— Ты знаешь дорогу?

Аса кивнула. Звездопад был не таким большим городом. Она достаточно хорошо помнила дорогу.

Мужчина встал и прошел в дом, вернулся с чем-то, похожим на крышку кастрюли.

— У нас здесь не так много щитов, поэтому мы стараемся использовать то, что можем, — он посмотрел на крышку с намеком на раскаяние. — Это мой последний. Всегда был моим любимым. Так хорошо подходил к кастрюле, — бросив последний, немного тоскующий взгляд, мужчина вручил Асе подобие щита. Она низко поклонилась в благодарность за все, что он сделал.

Когда она вышла из дома, ее внимание привлекли несколько вещей. Во-первых, на горизонте собирались грозовые тучи. Во-вторых, Звездопад был живым, дышащим кошмаром.

В течение нескольких драгоценных мгновений она стояла, слегка приоткрыв рот, глядя на происходящее перед ней, пытаясь понять, как много изменилось с тех пор, как она была здесь в последний раз. Разрушения, которые Каташи обрушил на город, были невероятными и бесосновательными.

Вокруг лежали разрушенные, сгоревшие дотла здания. Она ощущала мало людей, но те, кого она чувствовала, прятались в тени зданий, быстро бегая из укрытия в укрытие. Их осторожность была оправдана. Стрелы, казалось, падали всюду, и даже беглый взгляд показал клинков, которые не добрались до следующего убежища, их тела медленно гнили от дневной жары.

Это зрелище напомнило Асе укрыться под щитом. Она сделала это, и рядом с ней обрушилась волна стрел. Они не упали достаточно близко, чтобы быть опасными, но она отследила угол их полета, так что она знала лучшее направление, чтобы сохранить свою скудную защиту.

В стороне, откуда прилетел последний залп, огонь медленно разгорался на руинах того, что когда-то было домом.

Аса покачала головой, сосредоточившись на том, для чего пришла сюда. Ей нужно было как можно скорее вытащить из Звездопада как можно больше клинков.

Она шла быстро, не желая бежать и споткнуться о стрелу или, что еще хуже, тело. Она смотрела на небо, чтобы знать, когда ей нужно найти убежище. Ее щит быстро собрал две стрелы, и она еще раз мысленно поблагодарила доброго библиотекаря.

За каждым поворотом был новый ужас. От зрелища не удавалось сбежать. На одной улице два юных клинка умерли бок о бок, держась за руки. На другой догорал труп, который не успел выбраться из рухнувшего дома. Женщине стрела пробила грудь, но она все еще сжимала ведро воды.

Даже закрывая глаза, она видела ужасы. В воздухе воняло горячей и гниющей плотью. Вопли агонии смешались с воем горя. Когда она попыталась заглушить запах и дышать ртом, едкий привкус дыма наполнил ее. Как такое могло случиться?

Аса гадала, были ли клинки при всей их силе пойманы почти врасплох, будучи уверенными, что никто не посмеет атаковать их убежище. Разрушение казалось почти абсолютным. Время от времени она ощущала группу клинков, прячущихся в незаметном для нее месте. Эти небольшие группы вселяли в нее надежду. Им был нанесен удар, но это был

еще не конец.

Больше всего Асе хотелось закрыть глаза. Она никогда не романтизировала войну, но это было за гранью худшего, что она могла представить. Это была резня. То, что кто-то мог сделать такое с другим, поражало. Она не была пацифисткой, но в этом не было чести.

Когда она вошла в зал совета, ее надежды почти рухнули. Здание представляло собой оболочку былой славы, одна из стен полностью рухнула, крыша провисла там, где не была полностью прожжена. Зал был сломанным памятником времени, которое, казалось, уже прошло.

Прежде чем развернуться, она расширила чувство, обнаружила, что внутри осталось несколько жизней. Она прошла внутрь, проверив качество крыши, прежде чем опустить щит. Зал был наполнен светом и тенью, яркий солнечный свет струился сквозь дыры в потолке. Тени, напротив, были темными и непроницаемыми.

Однако Аса чувствовала его, человека, который отвечал за клинков. Вокруг него собралось несколько советников, но они больше походили на группу стариков, дрожащих от бери, чем на лидеров самых могущественных людей в мире.

Аса пошла к ним, радуясь, что миссия была почти завершена.

— Хаджими.

Мужчина, к которому она обратилась, выглядел на много лет старше лидера, который повысил ее и отправил на миссию чуть больше года назад. В его глазах все еще была сила, но она видела, что его дух был сломлен. У него больше не было надежды.

Он увидел ее, в его глазах вспыхнуло узнавание.

— Аса?

Не было времени на вежливость. С каждой секундой в город летели новые стрелы, угрожая жизням оставшихся жителей.

— Вам нужно покинуть Звездопад.

Он рассмеялся маниакальным смехом.

— Нам некуда бежать, Аса. Наши стены окружены врагами, и каждый, похоже, принес достаточно стрел для нескольких войн. У нас нет сил, чтобы прорваться

— В этом нет необходимости. Леди Мари захватила контроль над армией дома Кита. Она гарантирует вам безопасный проход и обещает переговоры, если вы поможете ее силам против Каташи.

Хаджими обдумал значение ее слов, проверяя их подлинность.

— Итак, леди Мари захватила армию. Шаг вперед от Леди в Белом.

Аса переживала, что ей придется уговаривать или что-то предпринять, чтобы убедить Хаджими, но в таких методах не было необходимости.

— Тогда мы должны подготовить эвакуацию, — сказал Хаджими.

В этот момент еще один клинок ночи пробрался в зал.

— Сэр! Дом Амари начал атаку на стены. Дом Кита тоже наступает, но они дальше.

Через мгновение Хаджими выпрямился, его дух загорелся.

— Нам нужно выиграть время для эвакуации. Призовите всех способных клинков ночи к главным воротам. Все остальные отступят к силам дома Кита.

Аса и представить себе не могла, что снова будет сражаться, но выбор оставался не за ней.

Улицы были на удивление тихими, капли дождя были единственным звуком, за

исключением случайного грохота, доносившегося из ворот города. Горстка лучников стояла на стене, но большинство клинков ночи оставалось внизу, укрываясь от случайных стрел, которые все еще летели над головой. Лучники Каташи были намного лучше, чем клинки, поэтому было принято решение не удерживать стены. На земле клинки ночи были смертоносными, и их цель заключалась не в том, чтобы победить захватчиков, а в том, чтобы сдержать их. Не было смысла рисковать жизнями в тщетной защите.

Почти тишина дала Асе несколько минут на размышления. Несмотря на опасность, она не могла вспомнить время, когда чувствовала себя более цельной. Борьба за защиту братьев и, в свою очередь, за защиту Мари, успокаивала ее так, как никогда не происходило в ее стремлении к мести. Она никогда не думала, что будет сражаться на службе у другого, но теперь она поняла, что ошибалась.

Потому Коджи говорил о поиске цели большей, чем она? Она не помнила, но слова звучали правдоподобно. Когда она отслеживала Осаму все эти годы, она утверждала, что это было для ее семьи. Теперь она знала, что это была ложь. Ее семья была мертва, она была частью Великого Цикла и всего, что лежало за завесой последнего путешествия. Осаму был для нее, всегда был для нее.

Но теперь она знала, насколько незначительна была на пути к миру. Несмотря на всю ее силу, когда ее жизнь закончится, она все равно останется лишь одним человеком среди бесчисленного множества. Принимая участие в кампании Мари, она могла стать кем-то большим, изменить жизни тысяч людей. Это само по себе стоило ее жизни.

Буря наверху усилилась, когда ворота, наконец, сломались.

Их стратегия, какова бы она ни была, заключалась только в том, чтобы отвлечь захватчиков. Хаджими руководил эвакуацией, и их руководящим принципом было вывести как можно больше людей живыми, включая клинков ночи, защищающих главные ворота. Они должны были сражаться как можно дольше, прежде чем сбежать.

Короткий миг тишины, когда врата рухнули на землю. Миг затишья перед последней бурей.

И улицы наполнили солдаты дома Амари, копейщики рядами вели их. Аса нашла крышу с небольшим укрытием от стрел возле ворот и рискнула заглянуть через край. Клинки предполагали, что солдат будут вести копейщики, поэтому никто не стоял перед наступающей армией. Все они прятались в переулках или на крышах, как Аса.

После того, как копьа прошли мимо, Аса почувствовала, как в бой вступили первые клинки ночи. Это был ее сигнал. Она обнажила мечи, в последний раз думая о Коджи и надеясь, что он все еще был жив. Здесь он сильно помог бы.

Аса выскочила из укрытия и спрыгнула с крыши, врезавшись как минимум в четырех солдат. К счастью, прыжок был невысоким, но все же они упали, образуя груды конечностей и стали. К счастью, Аса оказалась на вершине кучи и вскочила на ноги, когда солдаты вокруг нее начали реагировать.

Если бы не обучение Дайсуке, она бы не выжила. Но его одержимость развитием дара и его настойчивое желание научить ее биться двумя мечами спасли ей жизнь. Поспешно нацеленный удар летел ей в голову, но ее правая рука поднялась, чтобы отразить удар, а левая нанесла удар по ноге солдата, заставив его рухнуть на землю.

Она сдерживала чувство, сосредотачиваясь только на жизни в пределах досягаемости копья, но благодаря своему обучению она могла отслеживать все, что происходило в этом маленьком пространстве. Она сдвинула бедра, когда солдат попытался ударить ее сбоку, меч

пролетел позади нее, она отпрянула.

Жизнь превратилась в непрерывную череду стычек, умения Асы помогли ей выжить.

Она отразила один удар в сторону, заставив солдата вонзить меч в своего друга.

Она проскользнула под оружием другого солдата, ее меч глубоко вонзился в его живот, пока она проходила мимо.

Копье напало на нее с одной из первых шеренг, но Аса развернулась и разрешила древко. Она пнула падающее острие копья в нападавших, разочаровавшись, что оно никого не убило, но была рада, что на мгновение отвлекла двух солдат.

Несмотря на ее усилия, количество все еще было проблемой. Были сотни солдат и всего несколько десятков клинков ночи. Ее действия привлекали все больше и больше внимания, и если она хотела жить, ей нужно было отступать.

Когда солдаты начали приближаться, Аса пригнулась, держась близко к земле и нанося удары по ногам. Эта стратегия была последним подарком Дайсуке, который напомнил ей, что большинство воинов тренировались бить высоко. Для большинства мечников бой у земли был неудобным. Аса был уже меньше большинства солдат, так что стратегия была идеальной.

Она пробивалась к переулку, надеясь, что он не заполнится солдатами, прежде чем она туда доберется.

Удача была на ее стороне, и она добралась до переулка, получив лишь несколько неглубоких порезов. Оказавшись внутри, она вложила оружие в ножны и перешла на бег. Она выругалась, когда уловила солдат, приближающихся к другому концу переулка.

Ее разум не запаниковал, вместо этого прокладывал ей путь через варианты. Найдя путь, она прыгнула с обломков одного здания на крышу другого. Она перепрыгнула переулок, пытаясь скрыться от преследователей.

Через несколько улиц она услышала крик и повернулась. Худого клинка дня окружили трое копейщиков. Они неуклонно приближались, но стояли к ней спиной. Она обнажила мечи и спрыгнула с крыши, зарубила двоих копейщиков, пройдя мимо них. Устояв на ногах, она повернулась и ударила оставшегося солдата, отклонив его длинное копье и легко проникнув внутрь его защиты.

Когда последний солдат упал, клинок дня все еще оставался на месте, не привыкший к бою. Аса повернулась и закричала:

— Беги! — ее крик привел его в чувство, он повернулся и побежал к воротам.

Аса расширила чувство, все внутри нее сжалось, когда она поняла, как быстро войска Каташи двигались по городу. Их защита замедлила армию, но ненадолго. Она находилась в тылу врага, и если она хотела сбежать сама, ей нужно было двигаться.

Ей показалось, что поблизости она уловила другого человека с даром. Дар, казалось, мерцал, как свеча, которая вот-вот погаснет. Бесшумно двигаясь, Аса подошла к клинку.

После всего, что она видела, она не была уверена, что что-то еще может разбить ей сердце, но сцена перед ней разбила. Морщинистый мужчина в белых одеждах с глубокими ранами на туловище и ногах умирал. Глядя на количество крови вокруг него, Аса была удивлена, что он все еще жив. Он был клинком, которого она почувствовала.

Рядом с ним была девочка не больше четырнадцати лет. Она была одета в черную мантию клинка ночи, но ее дар был слабым, настолько слабым, что Аса почти не заметила ее. Она подошла, используя чувство, чтобы убедиться, что поблизости никого не было.

Клинок дня слабо улыбнулся.

— Спасибо, что пришла, — он закашлялся. Кровь текла из его рта при каждом слогe.

Аса не знала, что сказать, но опустилась на колени перед мужчиной.

— Для меня уже слишком поздно, — сказал он, — но это моя внучка, Джунко, и я хотел бы, чтобы ты вытащила ее отсюда.

Когда-то Аса могла не согласиться. Тогда целью ее жизни было найти и убить Осаму, и ее выживание было превыше всего. Сегодня она почти не колебалась. Она поклонилась клинку и встала. Солдаты шли сюда. Эта часть города была захвачена.

Джунко не хотела уходить. Аса дала им несколько минут, но время было их врагом. Она схватила девочку за руку.

— У нас мало времени. Если уважаешь своего дедушку, попрощайся, и пойдём, — ее голос был твердым, но она старалась, чтобы правда не звучала жестче, чем уже была.

Они не успели. Из-за угла появились двое солдат, и Аса, не раздумывая, бросилась на них. Если они сбегут и приведут еще солдат, шансы на побег двух клинков ночи будут равны нулю. Она скользила в грязи, низко ударила по солдатам, сбила их на землю.

Когда она встала, девочка застыла в шоке. Ее дедушка умер, а у Асы кончалось терпение.

Аса подошла к ней.

— Выбирай. Или ты идешь со мной, или умрешь тут. Мне нужно идти.

Джунко вышла из ступора, пока Аса озиралась в поисках пути. Лучшим вариантом казались крыши. Слишком много солдат, чтобы сражаться на земле.

Аса подтолкнула девочку на крышу, а затем взобралась сама, дождь еще шел. Используя сочетание чувства и зрения, Аса повела их к воротам, надеясь, что они все еще будут открыты к тому времени, когда они дойдут до них.

Крыша за крышей, Аса приближала их, часто приседая и выжидая, пока солдат отвернется. Джунко была слабее Асы, поэтому ей приходилось находить узкие проходы для прыжка. Иногда им приходилось спускаться с крыши, переходить дорогу, а затем снова подниматься.

Они двигались медленно, но достигли того, что считалось передовой в нескольких десятках шагов от последних ворот. Аса пристально посмотрела на девочку, которая выглядела так, будто не желала бежать через ужас битвы перед ними. Аса встретила с ней взглядом.

— Ты — клинок ночи?

Девочка кивнула.

— Тогда веди себя так. Все, что тебе нужно сделать, это добраться до ворот и бежать к армии. Тебя защитят.

Джунко не стала увереннее, но Аса видела, как ее конечности встали в позицию для прыжка. Аса кивнула, и они спустились с безопасной крыши. Битва почти сразу охватила их, и мечи Асы были повсюду. Девочка обнажила свой меч, но была не очень быстрой. Аса отразила удар от девочки, а затем убила солдата, который нанес удар.

Отвлеченная Аса чуть не пропустила атаку, летящую к ней. А вот девочка атаку заметила. Она защитила Асу, и старшая из двух клинков зарезала нападавшего. Аса быстро поблагодарила девушку и подтолкнула ее к воротам. Джунко колебалась лишь мгновение, а затем побежала.

Аса боролась с оставшимися клинками ночи, ее удары замедлялись, она уставала. Они удерживали землю, надеясь, что к воротам подойдут еще клинки. Но вскоре они поняли, что

выживших больше не будет. Аса и Джунко были одними из последних. Без приказов клинки ночи отступили с еще большей готовностью, вскоре их вытолкнули из ворот, из их города, на открытое пространство за его пределами.

Тогда Аса поняла, что у них были проблемы. Солдаты Каташи продолжали идти через ворота, намереваясь убить всех клинков ночи, каких могли. Клинки не могли просто развернуться и убежать, они были открытыми. Войска Каташи начали окружать клинков ночи, которые так упорно сражались, чтобы защитить эвакуацию.

Асы успела смиренно вздохнуть. Она преуспела в своей миссии, но это был все еще последний день, когда она дышала. Невозможно было спастись от волн солдат, хлынувших за ними из ворот.

Аса глубоко вдохнула и приготовилась к последней битве. Она была готова.

Когда упали первые стрелы, Аса подумала, что лучники Каташи стреляли по его войскам. Только один или два солдата упали в первом залпе, но все на мгновение замерли, посмотрели на небо, на всех лицах было видно замешательство.

Перед глазами Асы внезапно появились черные полосы, которые означали смерть в конце их пути. Они упали вокруг группы клинков ночи, убив еще дюжину людей Каташи.

Аса смотрела, не зная, как себя чувствовать. Когда она опомнилась, она проследила полет стрел и увидела волну войск в синей форме, планомерно приближающуюся к ним.

Мари. Мари шла спасти их.

Стрелы продолжали падать, теперь уже беспорядочно. Но они были не менее смертоносными.

Войска Каташи отреагировали быстрее, чем Аса. Они нарушили ряды и побежали к стенам Звездопада, ища защиты везде, где только могли. Почти половина пала стараниями лучников Мари, прежде чем они смогли добраться до безопасного места, стрелы безжалостно пронзили их спину.

Казалось, целую вечность Аса просто наблюдала, ее разум понимал, что происходит, а тело не могло реагировать. Она была готова умереть, но, видимо, не сегодня.

Она была совершенно измотана. Аса сидела на коленях, не желая ничего, кроме сна, большую часть месяца. Дождь усилился, и небо было темным почти как ночью.

Она была жива, но Звездопада больше не было.

Глава 27

После того, как клинки покинули Звездопад, битва была окончена.

Каташи, хитрый и ослепленный ненавистью, не был дураком. Более двухсот клинков выбрались из города, выжившие в недолгой, но ужасной осаде. Когда войско Мари было усилено клинками, Каташи понял, что у него не было шансов на победу в битве. Его войска немедленно отступили к первоначальным позициям, и как только буря утихла, солдаты, захватившие Звездопад, подожгли то немногое, что осталось, и ушли.

Несколько командиров и клинков призывали Мари атаковать силы Каташи, но она сдержалась. Ущерб был нанесен. Звездопад исчез. Она не сомневалась, что Каташи продумал отступление, вряд ли они поймали бы его, если бы попытались.

Вместо этого Мари приказала сосредоточить внимание на выживших. Клинки дня ходили вокруг, исцеляя солдат, которые принимали их помощь, и они изменили мнение многих в ее армии.

Она смотрела на руины Звездопада с тяжелым сердцем. Она знала, что это было началом новой эры. Королевства, хотя оно все еще существовало по названию, больше не

было. Клинки теперь были бездомными, и, несмотря на усилия Леди в Белом, их все еще окружал сильный страх.

Мари не знала пути вперед. Ее контроль над армией был в лучшем случае слабым, и ей приходилось уравнивать ожидания клинков, солдат и мирных жителей. Все, что она знала, это то, что ей нужно было попробовать. Ее дом полагался на нее.

Она скучала по Такахино. Ее страж приближался со своим отрядом клинков, но они не успели ни к осаде, ни к ее последствиям. Его прагматичное мировоззрение и честное мнение были нужны как никогда. Еще несколько дней, напомнила она себе, и она снова сможет рассчитывать на его совет.

Она не знала, что делать, но знала, какими принципами хотела руководствоваться. Она отправила уведомление всем командирам армии и клинкам. Через полмесяца они решат, должна ли она их вести.

Идея пришла из работ Такаши, секретного фолианта, который она носила с собой с тех пор, как начала путешествие. У людей было право выбора, и она не хотела, чтобы ей служили люди, которые не хотели этого.

Ей нужно было выполнить последнюю задачу, прежде чем она сможет полностью сосредоточить внимание на своем народе. Она боялась конфронтации, но не могла откладывать ее навсегда. Вздохнув, она отвернулась от вида Звездопада и направилась к своему лагерю.

Мари осторожно вошла в палатку, хотя знала, что оба обитателя почувствовали ее приближение. Тихий вход все еще казался уместным.

Аса и Коджи делили палатку со времен осады Звездопада. У Мари были подозрения об их отношениях, но она ничего не сказала. Ее отношения с этими двумя были, мягко говоря, напряженными. Несмотря на то, что Мари сказала Асе перед отъездом, она позволила некоторым из первых клинков дня, пришедших в их лагерь, исцелить Коджи.

Хотя она ни с кем не разговаривала напрямую, до нее доходили слухи, что Коджи был очень близок к смерти. Слухи о его поступках распространились. У юного клинка ночи была монументальная репутация. Слишком многие видели, как он сражался, и временами Мари думала, что, возможно, Коджи уважали даже больше, чем ее.

Аса предложила ей чай, и Мари согласилась. Все трое сели за стол, Коджи двигался медленнее, чем старик. Судя по тому, как он выглядел, Мари предположила, что ему предстоял долгий путь исцеления.

Они сидели в тишине, два клинка ночи явно ждали, когда она заговорит.

Она все еще не знала, что хотела сказать. Разумом она понимала, что то, где она была сегодня, было результатом работы этих двух клинков ночи, как и любого другого. Они доказали свою верность кровью и действиями.

Но она хотела убить Коджи. Она представляла, как вонзит меч в его перевязанный торс и снова вскроет его раны, повернув лезвие. Она хотела, чтобы его смерть была медленной.

Джуро был хорошим лидером и отличным братом. Она хотела его вернуть.

С ослепляющей скоростью Коджи вытащил меч из ножен. Мари подпрыгнула. Она была рада, что не держала чай в руках, иначе чай пролился бы на нее.

Не говоря ни слова, Коджи медленно повернул меч и положил его на стол между ними, острым концом лезвия меч был направлен в его сторону.

Мари смотрела на сталь, убившую ее брата, все еще видела перед глазами, как хватает

меч и срубает Коджи голову.

Он опустил на колени, давая ей шанс, которого она желала.

Хоть Коджи молчал, его намек был ясен. Он хотел отдать все, чтобы служить Мари. Она сама видела это и не могла отрицать. Если она хотела его жизнь, она должна была забрать ее.

Мари встала и подняла меч Коджи, проверив его вес в руках.

Леди взглянула на Асу, та сидела, потягивая чай, спокойная и уравновешенная. Только глаза выдавали ее, медленно наполняясь слезами.

Как они дошли до такого? Как она получила возможность лишить жизни таких воинов без их сопротивления?

Мари подошла к Коджи. Она подняла меч над головой, готовясь для удара.

Аса закрыла глаза, выталкивая слезы. Затем она снова открыла их и пристально смотрела.

Мари медлила, держа меч высоко в воздухе. Убить Коджи было справедливо, это было ее правом правительницы.

Она опустила меч.

Нежно.

Мари положила меч на стол и опустилась на колени. Она взяла чай и сделала глоток. Она не была уверена, что когда-нибудь пробовала чай лучше.

Аса улыбнулась ей, и когда Коджи вернулся, его глаза наполнились слезами.

Оба клинка ночи поклонились ей, уткнувшись лбами в пол. Коджи, должно быть, было больно, но он упорствовал. После того, как они оба долго просидели в этой позе, они выпрямились.

У Мари не было слов. Она не простила Коджи. Но это было только начало. Она улыбнулась, с ее плеч свалилась тяжесть, и в ответ она получила такие же улыбки.

Она не решалась ничего сказать. Она допила чай и встала, коротко поклонившись каждому. Затем она вышла из палатки.

Если они собирались построить лучший мир, начало было положено сейчас.

Больше книг на сайте - Knigoed.net